

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов

СПАСТИ ДЕРЖАВУ!

Мировая Революция «попаданцев»

Новый фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака», «„Попаданец“ на троне» и «Спасти Императора!». Изменив историю Гражданской войны, «попаданцы» из будущего спасают Россию от полного порабощения большевиками — в альтернативной реальности Белая Сибирь устояла под ударами красной Москвы. Но когда в боевые действия вмешивается третья сила — воспользовавшись новой русской смутой, поляки оккупируют Украину и Белоруссию, — «попаданцам» предстоит трудный выбор: продолжать сражаться против красных в союзе со злейшими врагами русского народа — или предоставить Европе ее собственной судьбе. Вы раздували в России революционный пожар? Получайте в ответ Мировую революцию! Вам нужны были великие потрясения, а не Великая Россия? Ленин с Троцким потрянут Запад так, что мало не покажется! Пусть всадники Буденного поят своих коней в Висле, Одере и Рейне — проливать кровь за интересы Антанты белые больше не будут. Хватит спасать Европу! Миссия «попаданцев» — спасти собственную Державу!

- [Герман Романов](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Герман Романов

**СПАСТИ ДЕРЖАВУ! МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
«ПОПАДАНЦЕВ»**

*Иркутск
(20 марта 1920 года)*

— Ты что говоришь, Константин Иванович?! Как можно с этими упырями разговаривать, а тем более на мировую идти?!

После горячечных слов Фомина, напоминавших крик раненой птицы, в большом кабинете мгновенно сгустилась темнота. Даже плафон с электрической лампочкой, словно почувствовав накалившуюся атмосферу, стал давать меньше света.

— Не только можно, но и нужно, Семен Федотович!

Голос Арчегова лязгнул, словно тяжелый люк на корпусе броневана. Военный министр медленно обвел пристальным взглядом своих собеседников, оценивая произведенный эффект.

В глазах флигель-адъютанта Шмайсера заиграли яркими блестками нехорошие огоньки, а злобно прищуренные глаза немца не сулили ничего доброго. Пальцы офицера то сжимались в крепкий кулак, то разжимались — главный специалист в их узком кругу по всяким «грязным делам» был вне себя от ярости, уж слишком хорошо успел узнать Константин Иванович его характерные повадки. Вот только внешне это никак больше не проявлялось — тевтон был нарочито безмятежным.

В отличие от него генерал-адъютант Фомин забурлил железным чайником, поставленным на раскаленную плиту печи. С сухим треском в его крепких пальцах сломался карандаш, которым за минуту до брошенных Арчеговым слов он старательно и с чувством показывал на карте задуманные им контуры новой войны.

Лицо местоблюстителя престола и монарха «Царства Сибирского» Михаила Александровича, наоборот, стало немного ошарашенным — последний российский император смотрел на крамольного генерала широко открытыми глазами, словно никак не мог поверить услышанному минуту назад.

— Наверное, требуется, чтобы я детализировал свои слова?

Чисто риторически, но намного мягче, чем прежде, произнес Арчегов, и с самым безмятежным видом, нарочито медленно закурил, откинувшись на мягкую спинку кресла.

— Сие было бы необходимо и, желательно, обоснованно... — ответил ему за всех император. Растерянность у него уже прошла, в глазах заплясали искорки любопытства.

За эти два полных месяца он достаточно хорошо узнал характер Арчегова-Ермакова, бывшего советского офицера и, какой ужас, в прошлом коммуниста, награжденного орденами с пролетарской символикой.

Но время прошло, и он высоко оценил талант молодого военного министра Сибирского правительства, за месяц совершившего практически невозможное дело. Спасением от полного краха «белой» государственности на востоке России они все обязаны были только ему.

— И достаточно полно, Константин Иванович, обстоятельно, — тихо пробурчал Семен Федотович Фомин, чувствуя, что снова попался на хитроумную комбинацию Арчегова.

Вот бестия — никогда не сможешь предугадать, куда его изворотливая мысль привести может. Да и не распространяется молодой генерал, по праву заслуживший свой чин, о своих задумках, лишь потом растолковывает, как младенцам. Хорошо, что не издевается при этом!

— Вы, господа, в своих планах исходите из того, что поляки обязательно нападут! Ведь так?

— Конечно!

— Так и было!

— Еще как! Сам видел!

Последним твердо произнес Фомин и тут же получил в ответ обжигающий взгляд Арчегова с хорошо припрятанной ухмылкой. Это его не на шутку взбесило, и Семен Федотович выплюнул с желчью ответ.

— Докладываю вам, ваше высокопревосходительство! Я с ними воевал, и как раз, к твоему сведению, нынешним летом. За малым до Варшавы тогда чуть не дошел!

— Так это было в *той* реальности! — В тон отозвался ему Арчегов и засмеялся, но не искренне. Увидев, что смех никто не разделяет, он мгновенно задал Фомину вопрос: — А ты уверен, что война с поляками начнется в конце апреля этого года? И что паны возьмут Киев?

— Она будет! Сроки я знать не могу, но твердо уверен, что поляки в наступление перейдут!

— Ну да, построить великую Польшу от «можа до можа» они желают, и шибко, тут с тобой я согласен! — несколько ернически отозвался Арчегов, но его тон сразу стал серьезным. — Но, думаю, что пан Юзеф Пилсудский тоже просчитывает ситуацию. А она для него такова — и белые, и красные есть враги Польши, так как будут категорически против захвата панам Белоруссии и Украины! Для белых эти земли — наследие Российской империи, а для красных они открывают путь на запад к мировой революции... И оставшаяся у них житница, после потери Таврии, Кубани, Дона и Сибири...

— Верно, — чуть ли не в один голос отозвались собеседники и переглянулись. Все трое пока не понимали, куда клонит военный министр.

— Вот потому, пока мы снова не сцепимся с большевиками, паны будут действовать тихой сапой — щипать по кусочку, но большой войны с Москвой остерегаться. Зачем им проливать дорогую панскую кровь, если они и так все возьмут, когда Троцкий сосредоточит против юга главные силы Красной армии! Ведь иначе окрепшие за перемирие дивизии генерала Деникина в Черное море не скинешь!

— Так ведь и на поляков красные свои войска двинут! Разве не так? У них ведь хлеба давно нет, а взять его можно только на Украине! А потому Ленин за нее цепко ухватится...

— Верно, Семен Федотович. Терять свою последнюю возможность получить зерно большевики не захотят, благо продразверстку они еще там не проводили. Но Западную Сибирь без хлеба в этом году точно оставят. Так что тут сплошная выгода, ибо огорченные донельзя сибирские мужики нас как избавителей встретят!

Арчегов криво улыбнулся. Вот уж никогда он и представить не мог, что искренне может желать селянского горя, когда выращенное зерно и скотина могут быть просто отобраны охочими до чужого добра продотрядами.

— Потому нет никакого резона этим летом с большевиками воевать! Мы сможем рассчитывать только на то их население, что на себе ощутит все радости коммунизма и тогда за нас встанет горою. Да, наша армия воевать будет и в мае, и летом, даже осенью. На полгода нам золотого запаса хватит. А дальше как жить будем? С протянутой рукой к японцам пойдем? Так под них и ляжем, как дешевые проститутки!

Слова Арчегова хлестнули бичом, и его собеседники вздрогнули. К Стране восходящего солнца у них было двойственное отношение — без военных поставок Сибирская армия вряд ли устоит под давлением красных, но слишком навязчивы союзники с прищуренными глазами. И так от КВЖД уже локтями отпихивают...

— Нам бы до осени без войны прожить, вот тогда по-другому с большевиками говорить будем. За полгода из новобранцев настоящих солдат сделаем, бросать необученную молодежь в бой есть преступление перед будущим. За лето партизан уйдем, народ спокойно посевную и жатву проведет. Учитывайте еще вот что — сейчас сибиряки за Россию воевать не станут!

Иначе бы они давно «покраснели». Потому к возрождению страны мы должны идти осторожно, не дай Бог, ошибиться.

Арчegov говорил в полной тишине, оппоненты уже с ним не дискутировали, а внимательно слушали, тщательно осмысливая каждое слово, и настороженно смотрели.

— Я вам такой факт подкину, к размышлению, мне о нем министр экономики Серебrenников рассказал. В семнадцатом году, на выборах в Учредительное собрание, эсеры по Иркутской губернии первенствовали. Вторыми были отнюдь не большевики, они четвертыми к финишу пришли, а блок сибирских областников с бурятскими автономистами. Сейчас они однозначные лидеры. Смотрите — в январе объявлено о создании Сибирского народного союза, а уже через два месяца его представители оказались в большинстве не только в правительстве, но и в губерниях. А с этим надо считаться. Поймите одно: из Сибири, случись война, наша армия большевиков пинками вышибет. Но за Урал солдаты уже не пойдут!

Арчegov чуть не стукнул кулаком по столу от возбуждения. Генерал побагровел, слова, как картечь, хлестанули по собеседникам.

— И если ты, Мики, думаешь иначе, то ты сильно ошибаешься. Дело в том, что поддержку разом потеряешь — против тебя станет не только правительство, но и будущее Народное собрание, выборы в которое пройдут через месяц. А это чревато!

Михаил Александрович, сверкнув глазами, коротко переглянулся с Фоминым — Арчegov не угрожал, иначе бы не работал с ними в одной упряжке. Тут было совсем иное, и к такому ярко выраженному предупреждению требовалось относиться предельно серьезно.

— К моему глубокому сожалению, войны нам не избежать. Мы имеем пару месяцев, самое большее до середины июня, а там придется драться. Сейчас расклад, правда, совсем иной — у нас на Кавказе намного больше сил, чем было у Врангеля, когда тот вышел из Крыма. И здесь настоящая армия, а не те ошметки, что находились под началом атамана Семенова в Забайкалье. Намного больше сил, а потому для Ленина и его ЦК мы являемся главной и действенной угрозой. А поляки...

Арчegov криво улыбнулся и постучал костяшками пальцев по столешнице, по-бычьи наклонив голову. Голос его чуточку завибрировал от сдерживаемого возбуждения.

— Поляки для большевиков не страшны. Всегда можно с панами заключить очередной похабный Брестский мир! Что они, кстати, проделали в свое время, отдав ляхам три четверти Белоруссии и Западную Украину. Но потом Врангеля доби́ли, что намного опаснее был. И неприступный Крым взяли, сосредоточив все силы.

— Нас так не разобьют...

— Еще как навтыкают, еще как, не обольщайтесь. У вас за эти два месяца головокружение началось от успехов. Как наркоманы в эйфории пребываете. Причем не только вы — у многих наших генералов и политиков ум за разум заехал. А ведь мы в положении висельника со связанными руками, а веревочка туго шейку придавила. Повезло нам, что ноги остались свободными, и палач близко подошел. Пнули мы его больно, отлетел болезненный. Хорошо, что не всю силу вложили и с табуретки сами не слетели!

Трое «пермцев» переглянулись — сравнение им пришлось не по душе. Арчegov, будто не заметив этого немого диалога, продолжил резать правду-матку прямо в глаза:

— Ну и что?! Он одыбает потихоньку, «хозяйство» потрет, пошипит, а потом табуреточку из-под наших ног и выбьет! И будем мы качаться, шейку скособочив и язычок высунув!

На добрую минуту наступила гнетущая тишина — оппоненты Арчegovа разом посмурили лицами, дружно потянулись за папиросами. Дымили захлеб, молча. Военный министр усмехнулся и продолжил говорить тем же безжалостным тоном, вбивая слова, как гвозди.

— Расклад простой, ты же в академии учился, Семен Федотович. В нашей части Сибири 8

миллионов населения, две трети из них пока за нас держатся. Почему? Мы им мир дали, кое-как жизнь налаживаться начала. Запустение кругом, хорошо, что разрухи нет. Но партизаны свирепствуют, их добить надобно, чтоб людей успокоить. От шестилетней войны мужики устали, так что мобилизацию нам лучше не объявлять — боком выйдет. Тебе, Мики, в первую очередь — ты народу мир, порядок и спокойствие обещал. Нужно время, как минимум год, чтоб и народ зажил, и армию в порядок привести, вооружить и обучить, наконец. Или мы уже в этом мае способны воевать? Что, не так?!

— Так, — глухо отозвался Фомин, под кожей на скулах у генерала заходили желваки. Стали видны черные тени под глазами.

— Зачем тогда людей смущаете, несбыточные планы разрабатываете?! И на Деникина надежды не возлагайте — на юге чудом держатся! Его самого спасать надобно! Что мы там имеем? Крым и Северный Кавказ с Нижним Доном. Еще Закаспийская область вроде бы под контролем. В армии тысяч триста, не больше, две трети казаков и треть прочих — добровольцев и мобилизованных. Вроде много, но вся штука в том, что восполнить потери ему будет нечем. Наоборот — казаков старших возрастов на посевную увольнять нужно, хлеб-то необходим. Так что армия на добрую четверть сократится!

Арчegov размял в пальцах папиросу, задумчиво глядя на еле светящийся плафон. Трое собеседников молчали, словно в рот воды набрали, но очень красноречиво.

— Я наскоро прикинул их мобилизационный ресурс — весьма печально. Брать пополнение неоткуда. Казаков до двух с половиной миллионов, ведь большая часть Дона у красных. Все выбрано подчистую. Полностью лояльных инородцев с полмиллиона — калмыки и православные осетины. Кавказских горцев да крымских татар пара миллионов, половина за нас, половина в газават ударилась. Туркмен я не считаю — там шайтан ногу сломит, но они вроде бы нейтралитет пока держат. Так что на инородцев, за исключением «Дикой дивизии» и полков из осетин, калмыков и крымских татар, надежд не имеется. Крестьян миллионов пять — большая часть на казаков волками смотрит. Сомнительный контингент!

Арчegov усмехнулся, взял со стола обломки карандаша, ставшего жертвой Фомина, и повертел в крепких пальцах. Через секунду они громко хрустнули, превратившись в короткие, в полтора дюйма, обломки. Генерал их тут же выбросил в корзину.

— Вот так. Горожане, мещане да всякие греки с армянами — еще пару миллионов наскребут, эти за порядок держатся, а раз он есть, то за нас стоять будут. Три процента кладь, тысяч триста и получится — но столько населения и выбрано! И это все, господа!

Константин Иванович с торжествующей улыбкой посмотрел на собеседников, с лиц которых оптимизм напрочь исчез вместе с неуместными усмешками. Еще бы — возвращение с небесных мечтаний о реванше окончилось безжалостным падением на грешную землю с отчетливым душком будущего неминуемого поражения.

— Все заводы у красных, запасы боеприпасов и снаряжения у них же, и главное — 100 миллионов населения подконтрольны Советской власти. Понимаете вы это?! Подавляющее большинство жителей тех мест сейчас за них полностью и с потрохами.

— Тут я с тобой не согласен, сам видел...

— Семен, частности не берем, — Арчegov бесцеремонно перебил Фомина, словно заткнув тому рот, и громко, с напором, заговорил: — Половина населения европейской части либо нищета полная, либо пролетарии с маргиналами, что за Советскую власть зубами держатся. Это полсотни миллионов, если не больше. Они раньше ничего не имели, а теперь их на самый гребень вознесли. Винтовка рождает власть — так один китайский большевик однажды сказал. Они — опора режима, и драться за Ленина будут до конца. Надеюсь, отрицать вы это не будете?

Вопрос прозвучал чисто риторически — собеседники дружно засопели, скривив

недовольно губы, а потому Арчegov продолжил дальше:

— Еще миллионов сорок более-менее зажиточных крестьян получили от большевиков землю, всласть пограбили помещиков. Потому они сейчас даже подразверстку терпят, ибо помещик для них больший вред нес, чем большевики. И половина из них воюет сейчас за красных, ибо наше «непредрешенчество» их отталкивает. Потому мы должны немедленно решать этот вопрос — или царь за крестьян, или ему дороже несколько тысяч помещиков, что над предками нынешних селян измывались всячески — пороли, продавали да девок по баням и овинам портили! Или ты, Мики, думаешь, что они все забыли? Пятый год ничему не научил?!

— Я так не думаю, — глухо отозвался Михаил Александрович, сжав зубы — слова Арчegovа жгли хлыстом по оголенным нервам. До ломоты зубов было больно от чувства собственной беспомощности.

Военный министр словно не видел страданий монарха и тем же резким голосом безжалостно крушил «песчаные замки», которые они тут возвели, дожидаясь его приезда.

— А другая половина из этих хозяев что делает? — с ехидцей в голосе осведомился Фомин у Арчegovа.

— Большая часть на Украине бузит, атаманы всякие там косяками ходят. На Тамбовщине мужицкое восстание занимается, да по всей России то там, то тут богатые мужички в крепкие ватаги сбиваются. Только ты, Семен Федотович, не обольщайся — сейчас они за нас не встанут, наоборот, супротив воевать будут. И лозунг у них соответствующий имеется — бей красных, пока не побелеют, бей белых, пока не покраснеют!

— Если волк люто грызет твоего врага, то это не значит, что он стал твоим другом! — Шмайсер делано рассмеялся.

— А еще десять миллионов?

Михаил Александрович спросил с интересом — даже такой утрированный социально-политический расклад вызвал у него любопытство.

— Половина — горожане, мещане, священники, либеральная интеллигенция — те за нас, ибо уже вкусили всех прелестей совдепии. Но помогать они не будут, не надейтесь. Террор их многому научил, они в тряпочку помалкивать горазды. А вот другая половина есть аппарат Советской власти, весьма эффективный. Намного лучше того, что мы имеем здесь! В плане жесткости и жестокости, я хотел отметить. И весомую часть его составляют евреи, которые раньше находились в загоне, за «чертой оседлости». А потому стоять за свою власть они станут крепко.

— Это сто миллионов, но в империи без малого было 170, если мне память не изменяет.

— Думаю, Мики, уже на пять миллионов меньше!

Арчegov явственно скрипнул зубами, сжал кулаки. Он припомнил одно циничное высказывание, что смерть одного человека — это трагедия, а миллионов — статистика.

— И Мировая война лепту внесла, а за Гражданскую и говорить не хочется. Сто миллионов под Советами, это я навскидку назвал. Миллионов 25 на Польшу, Финляндию, Прибалтику и Бессарабию приходится. Эти однозначно враги империи, так что их независимость легче признать, чем воевать еще и с ними. Миллионов 12 в Закавказье, и, за исключением армян, грузины с азербайджанцами нам враждебны.

— Имеется еще 28 миллионов, — подытожил Шмайсер и начал обстоятельно делать свои собственные выводы, как бы переняв эстафету у военного министра. — Из них 20 миллионов на нашей территории, как минимум шесть настроены вражески, оставшиеся есть инородцы Туркестана. Которым, как я понимаю, гражданская война до лампочки, лишь бы соседа ограбить можно было. Так ведь?

— Верно. Мы имеем не больше 14 миллионов лояльного в той или иной мере к нам

населения. А потому потерпим поражение, пусть после долгой и упорной борьбы. Наши возможности просто несопоставимы с коммунистами. Так что, воленс-ноленс, но мы сейчас должны выработать стратегию на будущее. И если ошибемся, господа мои хорошие, то винить нам уже будет некого! Сами виноваты!

Арчegov замолчал, положил на стол ладони и нахмурился. Усмехнулся непонятно чему краешком рта и глухо произнес:

— Вы уж меня простите, но от такой жизни я давно озверел. Только с канскими партизанами разобрался, пока снег стоит, да на бронепоезд. А тут с колес и сразу к вам — жену не видел, маковой росинки во рту не было. А вы мне планы суете. Спору нет, Семен Федотович, Генштаб должен о таких вещах заблаговременно думать... Но дай хотя бы сутки на роздых, ноги еле таскаю... — Арчegov просительно улыбнулся и медленно повернулся к Михаилу Александровичу. — Совсем забыл, ваше величество, поздравить тебя с единодушным решением Сибирского Земского собора!

— Константин Иванович, — на этот раз перебили уже генерала, — его решения во многом были заранее predeterminedены...

— Нет, государь, через три дня все будет не так, по крайней мере, я надеюсь на это.

— Генерал Миллер добьется согласия Земского Собора Северного края, — Шмайсер улыбнулся белыми, как снег, зубами. — В этом нет ни малейшего сомнения. Ни у кого!

— Нужно три соборных решения, не меньше, а Деникин проволочку чинит! — Арчegov снова заговорил напористо и резко. — В Москву поедет сибирская делегация, от Севера тоже будет генерал, но нужен представитель Юга. Учитывайте — нам месяц дороги предстоит, никак не меньше, хоть большевики гарантируют свободный путь и всяческое участие с помощью.

— Не знаю, что там будет! Ошарашил ты меня этим решением, — Фомин встал с кресла, немного прошелся, разминая ноги. Подошел к Арчegovу сзади, положил на золотые погоны широкие мужицкие ладони с корявыми узловатыми пальцами. — Ты что задумал, Константин Иванович? Правду говори! Вологодский, Михайлов и ты — слишком представительная делегация, чтобы продлить перемирие, которое большевики сами и нарушат, как пить дать, не пройдет и месяца. Зачем нужна эта поездка — отправим Гинса с Пепеляевым да генерала из резерва!

— Нет, — наотрез отказался Арчegov. — Я должен ехать сам, и премьер, он коренной сибиряк. И Михайлов — сын революционера. Я желаю только одного: чтоб поляки напали на красных по нашему приезду в Белокаменную. Тогда большевики начнут с нами реальные переговоры, для того и нужна представительная делегация. Серьезная, с письменным одобрением его величества любого нашего соглашения с большевиками.

— Это еще зачем? — удивленно выдохнул Михаил Александрович. — И как понимать слово «любое»?

— Даже признание Совдепии, заключения мира с ней на год, обмен полномочными представительствами, немедленное заключение с ними тайного соглашения...

— Твою мать! — только и сказал Фомин.

Шмайсер непроизвольно привстал со стула, а Михаил Александрович отшатнулся.

— Не торопитесь метать громы и молнии, — быстро сказал Арчegov и предупредительно поднял руки, как бы защищаясь. — Я сейчас вам расскажу, что я тут надумал. Если не ошибся в расчете и мы дружно провернем это дело, то тогда, по крайней мере, у нас появятся серьезные шансы. Поймите одно, нужно выиграть время! Потому что иначе война с большевиками закончится нашим неизбежным поражением! Но есть способ его избежать.

— Какой? — спросил Михаил Александрович, а Фомин со Шмайсером молчаливо и недоуменно переглянулись.

— Помочь большевикам начистить ляхам ряшку!

— Что?!!

На добрую минуту воцарилась тишина — собеседники с минуту пытались переварить безумное предложение, однако длительный процесс мышления был прерван дробным смешком Арчегова.

— Большевики грезят о мировой революции, и у них есть основания для таких надежд. В Баварии и Венгрии советская власть задушена, но угли пожарищ еще тлеют, и сильно. Могут вспыхнуть заново. Учитывайте, что Германия сильно недовольна навязанными ей Версальскими условиями. Там пороховая бочка, а мы им пошлем товарища Ленина со спичками. Большевики любят играть такими вещами!

— Ты в своем уме? — осторожно спросил Фомин.

— Конечно. Серьезных препятствий у Москвы ровным счетом два — белые и поляки. Потому мы должны показать, явственно показать Кремлю, что Сибирь воевать с большевиками не желает и готова заключить мир на приемлемых условиях. А если красные признают твой, Михаил Александрович, императорский титул, то ты, со своей стороны, предложишь начать переговоры о мире между всеми враждующими сторонами, признав право народов на самоопределение.

Арчегов усмехнулся, глядя на финальную сцену «Ревизора» — все трое так посмотрели на него, что сомнений у них не осталось: военный министр определенно спятил. И он жизнерадостно засмеялся.

— В чем причина такого непонятного веселья? — глухо спросил Фомин. — Чую, у тебя где-то подвох, а вот где? Пока понять не могу.

— Если мы дадим большевикам четкие гарантии, что полностью выходим из игры, и, более того, поможем им в возне с поляками, которые всегда враждебны России, то полдела будет сделано. Надо только все четко продумать, чтоб прокола не было. В Москве сидят не дураки и голым словам не поверят. Нужны наши конкретные действия.

— Подумаем, Константин Иванович, подумаем, — отозвался с непонятной интонацией Шмайсер. — Но каковы будут последствия?

— Семьсот лет назад Русь преградила путь монголо-татарскому нашествию. Ну и что — получили благодарность от Европы?! Пять лет назад русские спасали Париж, лили за союзников кровь — и что? Они нам помогают? Или царские долги нам скостили, заодно оставив «великую, единую и неделимую»? Или британцы забыли свое любимое изречение — «плохо, когда с Россией никто не воюет»?

И такая горечь звучала в словах военного министра, что его собеседники потупились, как шkodливые дети. Зря они заподозрили его в умопомешательстве. Неладно вышло, поторопились.

— Если эта большевистская свора кинется на Польшу, оставив нас в покое, то мы можем занять неплохие выгоды. Во-первых, где-то до середины осени мы будем спокойно приводить наши дела в порядок и готовить нормальную армию. И это самый минимальный срок — вообще-то я думаю, что у нас будет время до следующей весны. Второе: поляки и большевики взаимно обессилят друг друга. В той истории поляки сдали Врангеля красным и получили от большевиков уступки. Да и Ленин остался не внакладе — большей частью империи коммунисты завладели. А в результате проиграли не только белые, а вся Россия!

— А что дальше? — вопрос Фомина прозвучал глухо.

— Только одно. Помните, как у Экклезиаста — есть время разбрасывать камни, а есть время собирать камни. Нужно начинать кропотливо возрождать саму Российскую империю, пусть в новом виде, используя с максимальной выгодой советско-польскую войну.

Слова Арчегова были внезапно прерваны громким боем больших напольных часов —

наступила полночь, с двенадцатым ударом для всех начнется новый день, но они уже спят. А вот для собравшихся за этим столом, скорее всего, будет долгая бессонная ночь.

*Иркутск
(21 марта 1920 года)*

Солнышко припекало, звенела капель по брусчатке мостовой, падая с крыш. Шустро бежали ручьи с темной талой водой — весна решительно входила в свои права.

Арчegov подставлял лицо теплему ветерку, радуясь долгожданному отступлению зимы. Да, да, именно зимы, так как март в Сибири — это еще холода с ночными морозами, не Черноземье с Кавказом, право слово. С ноября по март — целых пять месяцев длится здесь самое холодное время года. А если на пару тысяч километров севернее подняться, то о тамошних местах говорят так — «у нас 12 месяцев зима, а остальное лето».

Иркутск преображался прямо на глазах — уже не так бросались страшные последствия междоусобной брани. Вроде прошло всего три месяца относительно мирной жизни, а этого оказалось достаточно для налаживания быта и порядка. В городе еще в конце января была запущена электростанция, труба которой возвышалась почти рядом с Казанским кафедральным собором и постоянно извергала из себя густые клубы дыма.

Угля не жалели — из Черемхово эшелоны шли без перебоев. Да и спокойствие на улицах напоминало о той, почти забытой довоенной жизни. Преступность резко схлынула — Сибирское правительство перестало к ней либерально относиться. Воспользовавшись военным положением, оно стало основательно «зачищать» города от криминала.

Ночным разговором Константин Иванович был очень доволен — в очередной раз удалось не рассказать всех деталей этой «пермской тройке», как он их называл про себя. И то, что задумано на самом деле.

Точнее, до определенного момента — а о будущем лучше и не заикаться — разорвут в клочья, узнай они о его потаенных планах и надеждах. С Вологодским и то проще, ведь в Петре Васильевиче все четче проявлялся прагматик, несмотря на то, что относился к интеллигенции.

Премьер-министр уже мыслил вполне реалистично, считая, что возродить Российскую империю в прежнем виде не представляется возможным. А потому склонен прислушиваться к доводам рассудка. Да и не стоило, на его взгляд, реставрировать старый порядок, оказавшийся жизненно неспособным. А вот идею федерации, своего рода британский вариант на русский лад, воспринимал с нескрываемым одобрением.

Но, опять же, на основе полного равноправия всех трех белых осколков, оставшихся от былой империи. И прекращение Гражданской войны Вологодский горячо приветствовал и сам был готов немедленно отправиться в Москву для ведения переговоров с коммунистами о мире. Вполне позитивное и понятное желание, целиком вписывающееся в планы самого Арчegovа. Но опять, до определенного момента...

— Война — слишком затратное и вредное занятие, налагающее тяжелое бремя на сибиряков. Поэтому не стоит вверять ее ведение в руки генералов! — Вологодский гневно сверкнул стеклами очков.

— Я согласен с вами, Петр Васильевич, — Арчegov с уважением посмотрел на премьера — он изложил хоть в иной форме, но мысли Черчилля, которые тот еще не озвучил.

— К тому же война сейчас нам абсолютно не нужна. Я не вижу никаких перспектив для Сибири в случае ее повторного продолжения. Последнее время я стал больше думать над тем, что большевистская партия, установив мир, станет политическим банкротом.

Вологодский рассуждал неторопливо, но с напором и с непривычной жесткостью в голосе,

в котором напрочь отсутствовали прежние, свойственные ему истеричные нотки.

Определенно, после январского покушения эсеров председатель Совета министров Сибири сильно изменился, и, на взгляд генерала, в самую лучшую сторону. Отбросив от себя «тогу спасителей России», наспех одетую осенью восемнадцатого года, сейчас Петр Васильевич полностью перешел на другую сторону, став на позиции сибирского областничества, или, что будет вернее, — сепаратизма.

— Население не воспринимает их политику так называемого «военного коммунизма», с продразверстками и террором. И если оно убедится, что в других частях страны, где укрепились противобольшевистские силы, жизнь нормализовалась к лучшему, то крах режима Ленина и его РКП(б) неизбежно произойдет в самое ближайшее время. Нам лучше подождать естественного хода событий, помня, что против идей пушками не воюют. Если идея неправильна и бесчеловечна, то она сама себя дискредитирует в глазах народа, что мы уже и видим.

«А ведь он прав — насильственное насаждение социализма по Ленину и Сталину в Восточной Европе привело через сорок с небольшим лет к его сокрушению. Да те же ФРГ с ГДР — с востока на запад народ постоянно бежал, несмотря на стрельбу пограничников, а вот обратный процесс не наблюдался. Народ почему-то не верил напевам коммунистической пропаганды и в социалистический лагерь, который можно смело назвать концентрационным, отнюдь не стремился».

Арчegov помешал сахар ложечкой, отпил глоток горячего чая. От предложения Петра Васильевича закурить он категорически отказался — и травить собеседника не хотелось, и желания не имелось — за ночь накурился до одури, до горечи и хрипа в горле.

— Потому мы с вами, в сопровождении солидной делегации, поедem в Москву и, если большевики предложат нам хорошие условия, немедленно заключим мирное соглашение. Россию, конечно, жалко, но Сибирь мне сейчас намного дороже.

Арчegov наклонил голову, молчаливо соглашаясь со сказанным, — теперь позиция Вологодского окончательно прояснилась, и она тут диаметрально расходилась с желаниями «царя Сибирского».

— Наши генералы, за малым исключением, требуют немедленного реванша. Но с их давлением правительство не намерено считаться, ибо интересы страны и народа дороже. Потому, Константин Иванович, я прошу разъяснить им нашу точку зрения.

— Я сделаю это, Петр Васильевич. Необходимый разговор я уже имел с его величеством.

— И что вам сказал государь?

Голос Вологодского прозвучал напряженно — премьеру явно не улыбалось вести переговоры с генеральской фрондой, тем более если ее возглавит сам монарх.

— Мне удалось переубедить его величество, и он внял приведенным доводам. Михаил Александрович немедленно призовет военачальников к порядку, а генерал-адъютант Фомин уже написал соответствующее распоряжение. Так что, Петр Васильевич, совершенно нет причины беспокоиться. Военный переворот нам не угрожает, да и генералы сами прекрасно понимают, что коп д'этат, как говорят французы, сыграет в этой ситуации только на руку нашим заклятым друзьям в Москве.

— Вы утешили меня, Константин Иванович, я в вас не ошибся. И рад, что правительство не пошло на поводу этого авантюриста Яковлева и генерала Сычева. И уверен в том, что вы совершите еще много полезного для народа. Совет министров сделает все, чтобы ваша деятельность не встречала различного рода препятствий. И неважно, идет ли она от некоторых представителей «общественности» или недовольного и завистливого генералитета, отставленного от службы прежним военным министром.

— Это мое стремление и желание, — только и нашелся, что сказать в ответ молодой

генерал.

Интонация председателя правительства говорила намного больше его слов — военному министру сейчас дали полный карт-бланш по устранению из армии всех тех, кто мог стать серьезной помехой сибирским министрам. А заодно намекнули, что козлом отпущения за черемховские события его не сделают. Будь иначе, последовали бы совсем иные слова. А так все идет как надо — Вологодский нуждается в нем так же сильно, как он в премьер-министре. А раз так, то полдела уже сделано...

— Константин Иванович, я чрезвычайно вам признателен, но прошу вас отдохнуть. Нельзя так относиться к здоровью — оно нужно не только вам, но и правительству. И вашей жене, которая с нетерпением ожидает мужа со вчерашнего вечера. Я распорядился доставить вас на автомобиле и прошу отдохнуть. Но утром жду вас на заседании Совета министров. Решение, которое мы примем, определит судьбу не только Сибири, но и России!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эх, яблочко, куда ты катишься...

(7–8 мая 1920 года)

Ярославль

На перроне было пустынно, лишь свежий ветерок весело гонял мусор и поднимал клубы пыли у грязных, обшарпанных революционным лихолетьем вокзальных стен. Да трепетал обрывки насмерть приклеенных газет, что виднелись на толстой тумбе, служившей информационным обеспечением местного люда.

С выпуском прессы советская власть не скупилась — пропагандистская обработка населения велась с размахом и настойчиво, хотя те же самые тумбы народец обдирал постоянно, наплевав на угрозу самых суровых кар. Тут не имелось никакой политической подоплеки — махорку нужно заворачивать в бумагу, а где ее можно взять пролетарию? Только на тумбе, благо там клеят новые газеты постоянно.

Но сейчас поверх обрывков был помещен новенький красочный плакат приличного размера, на котором русский рабочий и польский селянин победно наступили на тело лежащего под ними типичного зажавшегося шляхтича — усатого, осанистого, в кунтуше и конфедератке, которую сами ляхи называют «рогатувкой».

И надпись доходчивая шла большими буквами — «Мы воюем с панским родом, а не с польским трудовым народом».

Любой прочитавший плакат сразу проникнется, что к чему. Вот только не было здесь чтецов — платформу оцепили высокие латыши в длиннополых шинелях и помятых фуражках. В руках «интернационалисты» крепко держали винтовки с примкнутыми штыками, грозно сверкающими на ярком весеннем солнце.

И как в горсти желтого пшена попадают черные соринки, так и среди серых шинелей то тут, то там мелькали черные кожаные тужурки чекистов — люди Троцкого и Дзержинского бдительно несли охрану эшелона с сибирской делегацией. То ли, наоборот, делали все возможное, чтобы к сибирякам не приставали с ненужными и опасными разговорами советские обыватели, что хуже любой открытой «контры».

К правительственному эшелону красноармейцы и охранники из ВЧК не приближались — по договоренности у самих вагонов стояли рослые сибирские егеря, в новенькой, спешно пошитой перед самым отъездом из Иркутска, форме. И вооружались солдаты отнюдь не винтовками, а автоматами, которые должны были появиться на свет только через двадцать с лишним лет под именем ППС-43.

Но тут судьба, по неизвестному капризу, сыграла свою роль. И он сам, Константин Иванович Ермаков, что сейчас стоял у окна вагона, когда-то отставной офицер ВДВ, ставший военным министром новоявленного Сибирского правительства, должен был появиться на этот свет только через сорок с лишним лет.

Автомат тоже занесен в не свое время тремя людьми, которых просто не могло быть здесь. Хотя нет — Шмайсер должен уже год как агукать в пеленках, Фомин служить в Красной армии и готовиться рубить ляхов в рядах 10-й кавалерийской дивизии.

Последний русский император Михаил Александрович в *той* реальности то ли убит чекистами два года назад, то ли укрылся в песках Туркмении, где человека даже с собаками найти проблематично, если местные аборигены этого категорически не желают.

Но роли их уже изменились в этом времени, как стала стремительно преобразаться и сама история России. И автомат тоже сменил имя. «Шмайсер», как и ППС-43, в обращении не прижился и у сибиряков получил название «хлыста».

Вроде все понятно — он для стрельбы на ближних дистанциях являлся весьма опасным оружием, напроць сметающим противника, словно жестоким ударом хлыста.

Хотя, как поговаривали злые языки, каких много в любой армии, а о том Арчegov знал, — под этим названием еще подразумевалась известная в Сибири секта. Вот только военному министру не удалось выяснить, откуда у этого чрезвычайно живучего слуха «ноги растут». Но прижилось наименование, и теперь не отделить «мух от котлет».

Взятый правительством с собой в долгую дорогу на запад усиленный батальон егерей дополнялся бронепоездом. «Блестящий» распух от дополнительных броневагонов, как удав, объевшийся кроликов, да еще дополнялся прицепленным БМВ «Быстрым».

Охрана как таковая являлась чисто символической. В случае необходимости, возникни она, большевики уничтожили бы сибирскую делегацию одним взмахом. Тут дело было совсем в другом.

Добравшись до красной Москвы, сцепка бронепоездов с эшелоном пехоты должны были идти на Петрозаводск, на усиление частей генерала Миллера в Карелии. Дела на севере обстояли совсем скверно — финны уже заняли Ухту, Реболы и еще ряд населенных пунктов и на этом, судя по всему, останавливаться не желали.

Замыслили «горячие финские парни» хорошо погреть руки на российском пожарище, как и поляки, о «великой стране тысячи озер» мечтают, от «можа до можа» — от Балтики до Белого.

К великому удивлению сибирской делегации на Омских переговорах, командующий красным Восточным фронтом латыш Эйхе охотно дал согласие на переброску войск по советской территории, срочно связавшись по телеграфу с Москвой.

Только комфронт выдвинул два условия — егеря не станут вести антикоммунистической пропаганды и сверкать золотыми погонами на железнодорожных станциях. Последний вопрос тут же был снят, даже без обсуждения. В Сибирской армии погоны имелись не галунные, а только защитные, с разноцветной окантовкой по роду войск.

Обеспечение эшелонов продовольствием и углем Сибирское правительство взяло на себя, предложив более чем щедрую оплату за использование паровозов на перегонах. И большевики не подвели — составы двигались споро, если такое слово можно употребить к сквернейшему состоянию железных дорог.

Такая странная и удивительная уступчивость совнаркома насторожила Вологодского, который в ней сразу почувствовал подвох. Что и говорить — Петр Васильевич опытный и старый политик, на мякине его не проведешь и на кривой не объедешь...

Брест

— Пся крев!

Ругательство сорвалось с губ Пилсудского помимо воли — уж больно скверным было у «начальника Польского государства» настроение.

Нет, новости с фронта его радовали — жолнежи рвались к Киеву, красные не могли им противостоять. Пройдет неделя-другая, и Польша встанет в границах 1772 года, от Одры-Одера на западе и Днепра на востоке.

Цель всей его жизни будет достигнута, но почему тогда не радуется сердце? Почему последние дни терзает душу глухая тоска и не хочется ехать в милую сердцу Варшаву?

Старые форты Брестской крепости были почти рядом с городом, что в империи Брест-

Литовском назывался, а в Польше Брестом-на-Буге. Сейчас здесь расположилась ставка Пилсудского, отсюда удобнее всего командовать двумя фронтами — Северо-Восточным, что сдерживал большевиков в Белоруссии, и Юго-Восточным, что успешно наступал по Центральной Украине, своим острием нацеливаясь на вожделенный Киев.

Пилсудский не хотел этой войны, вернее, мыслил обойтись без нее, постоянно лелея в душе надежду. Нет, он прекрасно понимал, что вернуть границы полуторавековой давности можно только одной силой, ну, а дальше что делать прикажете?!

Антанта категорически не желала увеличения польских земель за счет России, «белой», само собой разумеется. И границу заранее начертали, что должна идти по Западному Бугу и ни одной верстой дальше на восток. Вот это жесткое требование лорда Керзона, министра иностранных дел Англии, Пилсудский и желал обойти.

Но эти кичливые паны что сотворили?!

— Шортовы ляхи!

Он снова выругался сквозь зубы, припомнив давние слова, которыми селяне на Виленщине провожали польских панов-землевладельцев. Род Пилсудских принадлежал к белорусской шляхте, давно принявшей католичество, но так и не ставшей полноценными поляками.

Они были литвинами, то есть теми мыслящими патриотами, кто испокон веков являлся становым хребтом не только Великого княжества Литовского, но и всей Речи Посполитой.

А как иначе?!

Чистокровные поляки самонадеянны и горделивы, безумно храбры и так же тупы; их призвание — заводить страну в тяжелую ситуацию, но не поступиться даже каплей своих прав.

Выволакивают страну из тупика именно литвины — сто двадцать лет назад такую безнадежную попытку предпринял Тадеуш Костюшко, а сейчас уже он сам, Юзеф Пилсудский.

И тогда, и сейчас горделивые поляки, наступив на горло собственной песне, назначили их, литвинов, «начальниками государства». Такое название о многом говорит, а именно о беспомощности и неумении договориться самих панов.

— Какой великолепный план я замыслил!

Тоскливо протянул сквозь зубы Пилсудский и глянул в окно. Солнце окрашивало багрянцем старые кирпичные стены цитадели — война не коснулась крепости.

Русские оставили Брест без боя, не желая заново переживать Модлинского позора. Именно в этой крепости, которую в империи самонадеянно называли Новогеоргиевском, четыре русских дивизии позорно сложили оружие, хотя германцы ее даже толком осаждать не стали.

Нет, поляки не такие, несмотря на их кичливую тупость и неумный гонор — они всегда будут драться, даже без толку, такова их глупая и спесивая порода!

Его идея федерации Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, под главенством, само собой разумеется, Польши — этой новой Речи Посполитой, была встречена депутатами сейма в штыки.

Пилсудскому гневно попеняли, что «пан начальник любит белорусов и украинцев больше, чем поляков». Недальновидная шляхта даже не осознала, что тем самым фактически свела на нет идею Великой Польши, страны, способной быть на равных с другими могущественными державами мира.

Если они бы поняли его замысел, то будущая Речь Посполитая могла больше не бояться угрозы с востока, и не важно, какая бы там власть утвердилась — красная или белая. Ресурсы, экономика и население новой федерации не уступали бы русским.

Но паны поступили, особенно депутаты от национал-демократов, по-своему, руководствуясь простым, как рельса, соображением — «лучше синица в руках, чем журавль в

небе».

В угоду своекорыстным побуждениям было решено просто заграбастать у соседей куски территории, на которых жило польское, пусть и в самой малости, или окатоличенное белорусское и украинское население. С последним было решено не считаться — исторический опыт панам впрок не пошел, о гайдамацких и казачьих восстаниях просто забыли в националистическом угаре, вскружившем головы.

Как же — «Еще Польша не погибла!»

Ярославль

— О чем думаете, Константин Иванович?

За спиной раздался знакомый голос, и Арчegov обернулся — вот и он, легок на помине.

— Размышляю о минувшем, Петр Васильевич, и думаю о будущем, — военный министр улыбнулся.

За месяц пути — после Омска и до Камы, когда сибирские поезда шли чуть ли не шагом, настолько железная дорога была расстроена прошедшей войной и хозяйствованием на ней большевиков, они еще больше сблизились.

В постоянных разговорах с премьер-министром, даже купе находились рядом, Арчegov стал лучше понимать всю ту степень тяжести предстоящего визита в Москву и переговоров с Лениным. А как иначе — ведь глава многими странами признанного де-факто правительства приехал к вождю никем из великих держав не признанного коммунистического режима. А тут, как говорил Великий комбинатор, — «лед тронулся, господа присяжные заседатели». Причем последнее в самом прямом смысле — и Вологодский, и Ульянов-Ленин в свое время подвизались на этом поприще.

— Наш визит больше напоминает посещение небезызвестного Лабиринта — не поймешь, куда приведет петляющая дорога, и не сожрет ли в конце пути Минотавр?!

— Мы уже пришли, хотя с декабря немало напетляли, — Вологодский лукаво улыбнулся краешками губ, сверкнув стеклами очков, которые поймали солнечный зайчик. Арчegov промолчал, и премьер сказал как бы в пустоту:

— Скажи мне кто о том в прошлом ноябре — не поверил бы! А ваш Минотавр, я думаю, нас не станет вкушать...

— Это почему же, Петр Васильевич? Иль мы не в его вкусе? Или стал в одночасье вегетарианцем?

— Да нет, Константин Иванович, как раз ему по языку. Но выгоды нет — можно и поперхнуться ненароком, да и мы сами накормить сможем их гораздо лучше. Тут нам жадничать нельзя, а быть щедрыми — может, тогда они и поперхнутся!

Председатель правительства отвел взгляд от военного министра и засмеялся, вот только смех его был наигранным, искусственным — какие в их положении могут быть шутки!

— Да хоть бы и подавились, чтоб поперек горла встало, но лишь бы рот на наш каравай не разевали! — Арчegov поддержал вымученный юмор премьер-министра, но сразу же стал серьезным.

— Видите ли, Петр Васильевич, не знаю, к добру ли это или к худу, но за месяц нашего с вами путешествия я сделал определенные выводы и теперь полностью убежден...

— В чем, мой друг? Вы не изволите мне поведать свои соображения? Я изнываю от нетерпения!

— Я военный, а потому в глаза сразу бросилось, что красные не готовятся воевать с нами...

— Позвольте, Константин Иванович! Я собственными глазами видел множество

вооруженных людей, что следовали в Сибирь. В Екатеринбурге, в Перми, на других станциях, наконец...

— Мы их видели, Петр Васильевич, это верно, — несколько бесцеремонно перебил председателя правительства Арчegov, хотя понимал свою бестактность по отношению к человеку, который ему в отцы годился.

Причем таковым не только фигурально. Петр Васильевич был на его свадьбе с Ниной, нечаянной любовью, посаженным отцом, а это, по здешним нравам, значило очень многое.

— Но извините меня великодушно, но вы видели именно вооруженных людей. А сие есть отнюдь не то, что подразумевается под армией. Продотряды, чекисты, коммунары, пролетарии, «вохра» и прочие защитники нового строя — таких пруд пруди. Но это не армия, не регулярная вооруженная сила, если образно выразиться.

— А для чего же их тогда перебрасывают?

Вологодский хотя и всплеснул руками, искренне удивляясь, но смотрел твердо и внимательно.

— Судя по всему, для сбора наложенной Совнаркомом подраверстки на наше крестьянство. Как раз перед посевной села и накроют, излишки зерна, если не все, из закромов выгребут. А этих хлеборобов ведь нам кормить придется, Петр Васильевич.

— Это с какой стати?

— Красные не будут драться с нами в Западной Сибири, они ее сдадут, — Арчegov говорил глухо, голос был напряжен.

— Извольте объясниться, дражайший Константин Иванович! На основании каких данных вы сделали это свое умозаключение?

Вологодский буквально впился глазами в собеседника и в едва сдерживаемом волнении даже стал притопывать по мягкой ковровой дорожке, что устилала вагонный коридор.

— Выслушайте меня внимательно, Петр Васильевич. Мы проехали пару тысяч верст, и нигде, вплоть до Перми, я не видел военных приготовлений. И главное — железная дорога практически не функционирует, она дышит на ладан. Переброски войск, особенно массированные, невозможны. Они исключены полностью.

Арчegov усмехнулся, скривив губы, демонстративно постучал пальцами по оконному стеклу и посмотрел Вологодскому прямо в глаза. Тот напряженно молчал, не отводя взгляд.

— Вся транспортная инфраструктура сейчас в разрухе и полном запустении. Большевики с трудом пропихивают наши эшелоны с делегацией, всего с одним только полком и парочкой бронепоездов. Вагонный парк малочисленный, если не сказать, что недостаточный! Вы сами припомните — часто дымили на встреченных станциях паровозы? Маневрировали они по путям? Видели вы, как идет подготовка платформ, ремонтируют ли водокачки? Стоят на путях платформы с грузами или с накрытой брезентом военной техникой, да теми же пушками?

— Нет, очень редко, — после короткой паузы отозвался председатель правительства, наморщив лоб и припоминая. — Сооружения нигде не ремонтировали, это сразу бы в глаза бросилось. И эшелоны с войсками раза три только встретились.

— То-то и оно, Петр Васильевич. А это и гнетет меня, и наводит на размышления...

— Пойдемте в мое купе, Константин Иванович. И за чашкой чая обсудим ваши соображения. Может, так мы найдем ответы — и на сомнения, и на возникшие вопросы?

Москва

— В Каинске, Барабинске и Татарской идет формирование 8-й Тобольской, 9-й Ишимской и 10-й Курганской стрелковых дивизий, комплектуемых из уроженцев Западной Сибири и

Урала. Отмечена переброска маньчжурских батальонов, которые по одному или два придаются каждой дивизии. Они вербуются из китайцев и японцев, но есть и корейцы. В Маньчжурии на линии КВЖД, при Заамурских охранных батальонах развернуты учебные команды, там за три месяца готовят из наемников солдат.

— Умеете вы обрадовать, товарищ Шапошников!

Троцкий уцепился пальцами за кончик своей узкой бородки, что свидетельствовало, что председатель Реввоенсовета Республики пребывал в крайне скверном расположении духа.

Однако коренастый военный в наглаженном френче, что выдавало в нем кадрового офицера бывшей императорской армии, не обратил на реплику «главнокомандующего» должного внимания и тем же въедливым тоном продолжил свой доклад.

— На Омском направлении установлено появление танков. По данным разведки, на вторую декаду мая назначен сбор отпускных, якобы для проведения учебных сборов, что позволит противнику в две-три недели довести численность всех соединений и частей действующей армии до полного штата. Это без призыва на службу запасных и без включения в состав новобранцев, проходящих обучение.

— Как они начнут свое наступление, товарищ Шапошников? И что могут достигнуть?

Троцкий справился с охватившим его волнением, но настроение стало еще хуже. Еще бы не расстроиться от таких известий!

Восточный фронт держала только 5-я красная армия, насчитывавшая пять стрелковых дивизий. Но каких?

Три были порядком обескровлены в зимних боях под Новониколаевском и Омском. Еще две, наголову разбитые белыми, 30-я и 35-я дивизии, кроме номеров и штабов, имели лишь несколько тысяч необученных рабочих и совершенно ненадежных мобилизованных крестьян, а потому находились в резерве и спешно приводились в порядок. Плюс малочисленная кавалерия, которую и принимать в расчет не следовало.

Сибиряки норовили выставить против трех омских дивизий три армейских корпуса — шесть стрелковых дивизий с сильной кавалерией, укомплектованных по полному штату в пятнадцать тысяч едоков, половину из которых составляют активные штыки и сабли.

Да вдобавок во втором эшелоне и резерве белые имели войска Иркутского военного округа — еще две стрелковых и казачью дивизии, а также гвардию. И это без учета Забайкалья и Приамурья, где было по одной стрелковой и казачьей дивизии, и двух отдельных туркестанских стрелковых бригад. И самое страшное — южнее Омска, в степной полосе, линию перемирия удерживала только одна потрепанная кавалерийская бригада красных, против которой развертывался конный корпус из трех полностью укомплектованных казачьих дивизий.

Тот еще враг, казачня — лютый, умелый, непримиримый! Недаром он к ним испытывал стойкую ненависть!

— Наша Омская группировка будет обойдена массой вражеской кавалерии с юга, окружена и уничтожена, в лучшем для нас случае, в течение двух недель после начала наступления, — голос начальника оперативного управления полевого штаба был бесстрастен.

Бывший полковник Генерального штаба императорской армии до тонкостей знал свое дело и не предавался эмоциям. И этот тон уязвил Троцкого — уничтожение главных сил армии за две недели назвать лучшим случаем?! А что ж тогда худший?! Неделя или несколько дней?!

— Потому представляется необходимым начать немедленный отвод наших частей за Ишим и тем самым избежать окружения. Либо немедленно усилить нашу 5-ю армию не менее чем тремя свежими стрелковыми и двумя кавалерийскими дивизиями.

— У нас нет резервов для усиления восточного фронта, товарищ Троцкий. Да и переброска войск чрезвычайно затруднительна.

Главком Каменев, тоже из «бывших», поправил пальцем длинные усы, искося, с укоризной во взгляде, посмотрел на предреввоенсовета, который прекрасно понял, где здесь «собака зарыта».

Именно сам Троцкий в ноябре прошлого года распорядился передать 3-ю армию на южное направление, против Деникина, самонадеянно посчитав, что с колчаковцами покончено раз и навсегда. Эта его ошибка дорого обошлась Республике, и приведет, в чем Лев Давыдович уже не сомневался, к еще более тяжким последствиям.

— «Сибиряки» готовятся нарушить заключенное в марте перемирие и начать боевые действия уже в начале июня... Несмотря на то что их делегация прибыла для переговоров... Но есть одна странность...

Каменев сверкнул глазами и посмотрел на Шапошникова. Полковники что-то скрывали, и Троцкий это заметил. Крепко сжав пальцы в кулак, спросил резким, чуточку взвинченным голосом:

— Какая еще странность?!

— Отмечена переброска полка Гвардейской сводно-стрелковой бригады из Новониколаевска на восток. Более того, судя по имеющимся разведывательным донесениям, в течение двух-трех недель еще один полк этой бригады будет переброшен в Иркутск.

— Что-то тут не так, — только и произнес в задумчивости Троцкий, снова дернув себя за бородку.

В отличие от Шапошникова и Каменева он был не военным, а политиком. И умел здесь увязывать концы с концами — с одной стороны, Сибирская армия явно готовит наступление с решительными целями, а с другой — Вологодский завтра уже будет в Москве и станет говорить о мире, а не о войне, иначе бы не отправился в эту поездку.

Тогда к чему сейчас идет такая нарочитая демонстрация?! Явно не правительство стоит за этим делом!

— Кому подчиняется гвардия?

Троцкий тряхнул густой черной шевелюрой и пристально посмотрел на Шапошникова. И снова спросил, едко плюясь словами:

— Кому она присягнула на верность — «правительству» Сибири или их местному царьку?

— Лично его царскому величеству Михаилу Александровичу, — голос бывшего полковника не дрогнул при таком полном титуловании. — И присяга гвардейцами давалась только ему, а не Сибирскому правительству. Подразделения дивизии, за исключением казаков и сибирской стрелковой бригады, комплектуются исключительно из уроженцев европейской части России.

— Даже так?!

Троцкий дернул вверх бородкой, приподняв плечо, и снова крепко задумался, потирая пальцем переносицу. И пришел к какому-то решению — его глаза задорно сверкнули.

— В Новониколаевске, как я полагаю, из гвардейцев остались именно сибирские стрелки и казаки. Так ведь, товарищ Шапошников?

— Так точно, товарищ Троцкий!

Военные переглянулись — предреввоенсовета Республики их удивил в очередной раз своей удивительной прозорливостью. Сколько раз он их поражал даром поразительного предвиденья событий?!

Троцкий внезапно вскочил со стула, усмехнулся и, не попрощавшись с военными, узнаваемой всеми стремительной походкой вышел из кабинета, оставив дверь открытой.

Иркутск

— Они заигрались со своим сепаратизмом!

Вошедший в кабинет Фомин яростно захлопнул за собой дверь и в сердцах бросил на стол свернутую газету, словно дохлую жабу. И не в силах сдержать подступивший к горлу гнев, генерал-адъютант зачастил скороговоркой, словно раскаленный от стрельбы «Шош»:

— Если такое уже пишут в «Сибирском правительственном вестнике», то это более чем серьезно. Хуже того — прямой изменой России являются все эти разговоры о полной независимости Сибири. Это что ж такое получается?! Чухна свободу от большевиков обрела, из их рук, поляки волками смотрят, за Кавказскими горами хрен знает что творится?! А теперь и сибиряки решили в самостоятельность поиграть!

— Они не играют, — сумрачно бросил в ответ Шмайсер, — всерьез это, Сеня, предельно откровенно.

Флигель-адъютант взял лежащую перед ним газету двумя пальцами, словно крысу за хвост и, не скрывая брезгливости, зашвырнул ее в корзину, заполненную обрывками бумаги.

— Да ты даже не глянул!

— А зачем? Я ее уже прочитал, — Шмайсер показал на мусорную корзину с обрывками бумаги. — И туда направил — там этакой писанине самое место. Дело совсем в другом — пропаганда «местничества» опасна для нас тем, что слишком многие ее стали здесь разделять. Национализм, пусть и не в чистейшем виде, всегда пользуется определенной популярностью...

— Да какой национализм, Андрей?! Сибиряки не нация! Это ж надо такое придумать!

— Не нация, я согласен. Однако примеры автор подобрал такие, что не в бровь бьют, а в глаз. Англия и Северная Америка, метрополия и колония, что своими руками вырвала независимость. Весьма доходчиво для обывателя! И понятно — Пепеляев сегодня прямо светится от удовольствия. Про Серебренникова и говорить не нужно — тоже из «областников». Набрали правительство — сепаратисты одни, а не министры!

Флигель-адъютант Шмайсер заскрежетал зубами, что голодный волк, но гнев не сдержал. И он прорвался бурной волною:

— Подлюки! Отсидеться в своей сторонке хотят, золотишко пригребли, а страна кровью захлебывается! А еще себя «русскими патриотами» без зазрения совести именуют, твою мать, через коромысло!

— В правительстве только Михайлов и Арчegov «навозные», — Фомин с ехидцей выдавил из себя последнее слово.

— Ну и Гинс еще. Но первые два в Москве, а последний принимать решения не может, он лишь управляющий делами кабинета. Остальные коренные сибиряки, вот и заигрались в свою независимость! Им надо укорот быстрее дать, что тянуть-то?!

— Это ты правильно заметил. Давно пора им шейку перетянуть, чтоб не кудахтали! — Шмайсер потянулся как сытый и холеный кот, вот только в потягушках этих не расслабление чувствовалось, а подготовка к молниеносному прыжку на жертву. Фомин промолчал, внимательно смотря на друга.

— Нам бы только гвардию дожидаться, а там...

Немец не договорил, но такая недосказанность была зловещей. Он согнул и разогнул пальцы, словно тигр выпустил когти.

— Ты бы поискал автора этой писули, а то он за псевдонимом укрылся, инкогнито блюдет!

— Уже...

— Нашел?

— Нет, не нашел. Однако определенное мнение у меня создалось. Больно убедительное читиво.

— Так кто написал эту гадость? — Фомин наконец плюхнулся в мягкое кресло и потянулся к раскрытой пачке папирос.

— Следочек тянется от Пепеляева!

— Генерала?

— Сеня, что ты говоришь?! — Шмайсер с наигранным удивлением так произнес фразу, что Фомину послышалось недосказанное — «не тупи, родной». Но немец продолжил совсем иным тоном: — У Анатолия ума на такое просто не хватит. Это его братец постарался, министр внутренних дел. На место Вологодского временно сел, вот и закружилась головка от власти. С кадета в «областники» перешел, и ничего, сомнений не испытывает. Но скажу одно — такая статья, в другое время, принесла бы белому движению немалую пользу. Но только тогда, когда оно на ладан дышало. А именно в декабре прошлого года...

— Ты так считаешь?

— Да. Чтобы удержать большевиков, я бы на месте Арчегова тогда «скопцом» бы заделался, не то что сибирским автономистом...

Шмайсер неожиданно осекся, осмысливая сказанное, его лицо скривилось, будто хватанул уксуса. Фомин, несмотря на всю серьезность разговора, прыснул, не удержавшись от смеха. Немец тоже хмыкнул, представив последствия для себя, и поспешил исправиться.

— Я хотел сказать «хлыстом», в «скопцы» как-то не тянет. Совершенно. Профессия евнуха что-то не прельщает меня, хоть с гуриями вокруг и в гареме самого султана.

— В Константинополь собрался? Однако шутки в сторону, — Фомин вопросительно взглянул на своего закадычного друга: — Говори дальше без юмора, он сейчас не уместен!

— В данном смысле сию писанину и рассматривать нам нужно. Здесь я взгляды автора полностью разделяю. Но сейчас-то ситуация напрочь изменилась! Сибирь от коммунистов освободить можно уже нынешним летом. Наша армия пойдет вперед. Особенно после таких призывов и наглядных, весьма доходчивых пояснений!

Шмайсер вытянул папиросу из коробки и, сломав спичку, зажег вторую и закурил. Но, сделав пару затяжек, резким движением смял окурок в большой хрустальной пепельнице.

— Этот писака нам все планы на компанию порушил. Министр выискался, мать его!

Фомин хлопнул ладонью по столу.

— Сибиряки до Урала дойдут, у меня тут никаких сомнений нет. Одним рывком! Хорошо наступать станут, но только до гор. А там встанут как вкопанные! И мы их с места не стронем! Ничем, бесполезно будет! Им в своей тайге хорошо живется, все есть, жрать до пуза даже сейчас можно. А на Россию мужичкам местным глубоко наплевать и растереть после этого сапогом. Тем паче само правительство подобные мысли им в голову вбивает как гвозди! Одним ударом и под шляпку!

Генерал остановился, посмотрел на зажатую в крепких пальцах потухшую папиросу и бросил ее в корзину.

— Я не пойму только одного — почему Мики тянет кота за хвост?! К чему эти проволочки? Есть нормальные генералы, которым эти бело-зеленые тряпки не по нутру, есть офицеры и солдаты, что в семи кипятках выварились. Да сам царь за нас, в конечном итоге! Чем самодержавие хуже регентства или сибирского правительства? Чего тут тянуть кота за это самое?! А сами мы сможем дело это повернуть? Без согласия царя?! А? Как задумали с тобой, и очень быстро!

В глазах Шмайсера запрыгали бесенята — любил немец вопросы задавать и этим приемом часто пользовался, провоцируя собеседника на искренние ответы.

К такому поведению друга Фомин привык уже давно и сам его часто использовал в качестве дотошного и въедливого критика общих с ним планов. А сейчас тевтон явно замыслил

нечто удивительное...

Александровская слобода

— Не поторопились ли мы с заключением перемирия в марте? Не сделали ли ошибку?!

Вологодский меланхолично помешивал серебряной ложечкой горячий чай, исходящий паром в железнодорожном казенном стакане с массивным серебряным подстаканником. Председатель Совета Министров думал, а оттого не замечал, что кусок колотого сахара, брошенный в крутой кипяток, уже давно растворился.

— Думаю, что нет, Петр Васильевич, не поторопились. Положение было отчаянное, и идти на бесцельный риск не хотелось.

— Так ведь и красным было несладко, даже хуже. Вы же сами сказали, что они до сих пор не восстановили боеспособность своих дивизий. Нужно их тогда и добивать окончательно!

Константин улыбнулся — нежданная воинственность Вологодского была утомительна. И он попытался ее охладить:

— Если бы так! Омск мы бы взяли, до Ишима, может быть, и дошли. Но не до Тобола — грязь остановит любое наступление лучше пулеметов. И что в итоге? Деникин и так удержался чудом — если бы красные поднажали на него, то в конце марта или в апреле, в лучшем для нас случае, скинули бы белых в Черное море. И ситуация для нас стала бы горшей — выигрывая по мелочи здесь, мы проиграли бы в большем там.

— Да, вы правы, — в голосе Вологодского извинительные нотки, — о таком итоге я как-то не задумался.

— Зато сейчас мы имеем возможность вытребовать у красных всю Западную Сибирь без кровопролития. Причем они это прекрасно понимают, иначе бы не пригласили нас на переговоры. Да и выбор у Москвы, как мне представляется, невелик. Или заключать очередной «похабный» мир с поляками и обрушить все силы против нас. Или...

— Что или, Константин Иванович?

Премьер-министр даже заерзал от сдерживаемого нетерпения, не в силах дожидаться, когда Арчegov закурит первую за долгую беседу папиросу. А тот нарочно не торопился, пыхал с удовольствием, щуря глаза, как довольный кот в масленицу.

— Или договориться с нами и обрушить все силы на поляков!

— Даже так?! В такое я не поверю! Ленин никогда, ни при каком случае, не пойдет на это! Он же не может не понимать, что такой шаткий мир, тут надо видеть очевидное, мы можем легко нарушить и ударить по большевикам в любой удобный для нас момент!

Голос Вологодского сочился едкостью, его щеки покрылись румянцем, ноздри возбужденно трепетали. Он схватил генерала за рукав.

— Даже сейчас, пока еще идет перемирие, мы ведь явственно готовимся к войне. И они это прекрасно видят и осознают, тем паче сосредоточение наших войск на Оби и развертывание новых трех дивизий вы не смогли уберечь от них в тайне.

— Я и не собирался этого делать. Подготовка к наступлению ведется демонстративно, нарочито на глазах красной агентуры. Мы им даже такую информацию подбросили, как вербовка китайцев в маньчжурские батальоны или поставка танков и аэропланов от Северо-Американских Штатов. Да и про наших узкоглазых союзников японцев тоже...

— Вы сами? Зачем?!

Вологодский от изумления выпустил ткань из пальцев и даже привстал с кожаного дивана, потирая пухлые ладошки.

— Не понимаю, зачем это нужно!

— Я не желаю проливать лишнюю кровь! А так получается обычный шантаж — не отдадите добром наше, кровное, вернем силой! Большевики это поняли, иначе бы давно перебросили из-за Урала резервы. Потому на переговоры согласились, не рассчитывая, что удержат завоеванный кусок Сибири в своих руках. И вас пожелали принять!

«Я бы мог сказать вам больше, Петр Васильевич. История уже изменилась настолько, что раньше и представить было невозможно. И сейчас практически невозможно предугадать, какие выкрутасы нашу Россию ждут. Но одно для меня уже ясно — большевики всерьез, вслед за „союзниками“, приняли идею независимой Сибири. Как Латвию, Финляндию и прочие Грузии. А потому на перемирие с нами пошли и договориться пожелают. Понять их можно — у власти удержаться, время выиграть, враждебный лагерь расколоть, силенок поднакопить. А потом и ударить крепко.

В той истории они за годик, как раз в это самое время, с закавказскими „самостийниками“ покончили да хивинского хана с бухарским эмиром в Туркестане прихлопнули, как мух. А уж с Прибалтикой, Финляндией, Румынией и Польшей Сталин потом разобрался, когда с Гитлером любовно столкнулся. А ведь это же идея! Если на них самих метод товарища Кобы использовать — что-то выйдет?!»

Мысль настолько захватила разум, что Арчegov на какое-то время почти полностью отключился от действительности, не слушая своего собеседника, но краешком мозга впитывая его слова...

— Россия никогда не станет такой, как прежде, — голос Вологодского вернул Константина к действительности.

Вагон сильно раскачивало, мотало из стороны в сторону — дорога была сильно разболтана, и даже здесь, почти в окрестностях Москвы, ее не ремонтировали, не меняли трухлевшие шпалы. В чистом окне проплывали грязно-белые стены старинной крепости.

— Здесь, в Александровской слободе, царь Иван Васильевич Грозный держал своих опричников, с которыми наводил ужас на все население несчастной страны. Странно, что история опять повторяется, Константин Иванович. Теперь за кремлевскими стенами новые опричники надолго поселились, и кошмар по всей России разошелся. А ведь от тех времен три с половиной века минуло.

— История действительно имеет свойство повторяться. Но тогда был фарс, если по масштабам судить, а сейчас трагедия на все полторы сотни миллионов населения.

— Потому Россия никогда не станет прежней. Я в этом все более и более убеждаюсь, — Вологодский говорил тихо, впившись глазами в мощные, когда-то бывшие белокаменными, а сейчас серо-пепельные крепостные стены, мимо которых, словно на речных порогах, вихляя из стороны в сторону, проплывал их комфортабельный салон. В голосе прорвалась горечь:

— Слишком много крови уже пролито, ненависть гложет людские души. Примирение попросту невозможно. Единственный выход в этой ситуации — это разделить и попытаться создать пригодную жизнь на своей территории. Смешно, но я вижу, что принцип «единой и неделимой» абсолютно оторван от реальности. Никогда уже не будет прежней империи, потому что многим она стала ненавистной.

— Да, я понимаю это, Петр Васильевич. Как и то, что победить большевиков мы просто не в состоянии, слишком несоразмерны силы. И, более того — раз сто миллионов человек искренне считают, что коммунисты выражают их самые заветные чаяния, то победа невозможна по определению. Военная победа, я имею в виду, силой одного только оружия.

— Вы правы, мой молодой друг. Против идей пушками не воюют. Так, если я не ошибаюсь, сказала императрица Екатерина Алексеевна по поводу французских якобинцев. Но вы не договорили, Константин Иванович, а возможна ли вообще победа над большевизмом?

— Более чем возможна, Петр Васильевич. Весьма вероятно, я бы даже так сказал, — Арчegov натянуто улыбнулся, припомнив перестройку, что в народе «катастройкой» была метко именована. И пояснил:

— Самый худший враг большевизма — это они сами, их невыполнимые априори обещания, их крайне неэффективные способы управления с запредельной концентрацией, особенно в экономике.

— Даже так? Но ведь в этом их сила, мой генерал! Централизация власти и диктатура позволила им создать огромную армию. И подавить выступления всех недовольных...

— Сейчас сила, ваше высокопревосходительство. Только сейчас. Завтра, то есть через год-другой, в этом будет их слабость, такая, что и «ахиллесова пята» символом надежной защиты покажется.

— Очень интересно вы говорите, — протянул Вологодский и бросил лукавый взгляд на своего собеседника. Тот промолчал, и премьер спросил:

— И как вы, Константин Иванович, собираетесь этой слабостью противника воспользоваться?

— Выиграть время — это первое. Это позволит создать приемлемые условия жизни для «наших», а население красной части убедится, что большевики ничего для них не делают, а только обещают. Возникнет сомнение в честности власти, и недовольство выплеснется...

— Вы настолько уверены?

— Да, Петр Васильевич. У них сейчас царит экономическая разруха — вы ее видите собственными глазами. Заводы стоят, выпуск продукции минимален и не удовлетворяет самые насущные нужды. Продовольственная разверстка привела к тому, что посевные площади уже сократились более чем в два раза, а поголовье скота уменьшилось на треть. Это данные нашей разведки, а я им полностью верю.

Последние слова Арчegov произнес как можно более убедительно — не говорить же Петру Васильевичу, что эти знания имеют привнесенный характер из будущего. И развел руками.

— Еще год, и это максимум отсрочки, как здесь наступит самый настоящий голод, который не тетка. И вся большевистская демагогия из крестьянских голов разом выветрится, ибо на пустой желудок словами сыт не будешь. И тогда кремлевским властителям придется либо политику «военного коммунизма» отменять, либо...

— Это невозможно, Константин Иванович, — резко прервал Вологодский, — они никогда не пойдут на это. Это же полное банкротство той политики, которую они объявили единственно верной.

«Еще как пошли, когда крестьянские восстания запылали», — подумал Арчegov, но сказал совсем иное:

— Либо отобрать хлеб на юге и у сибиряков.

— Вот это будет скорее! Значит, война неизбежна?

— Да, и кончится для нас она очень скверно. У большевиков трехмиллионная армия против нашего объединенного с «южанами» полумиллиона. У Москвы все запасы боеприпасов и снаряжения, что остались на складах от царской армии. Этого им хватит, чтобы нас победить. Я имею в виду не только Сибирь, но и анклавы «белой» власти на юге и в Заполярье. Хотя потери будут просто огромны...

— Тогда наше общее положение почти безнадежное, — сказал Вологодский и неожиданно добавил, задорно тряхнув головой, будто ощутив себя молодым: — Остается уповать только на поляков!

— Почему? — Арчegov искренне удивился.

— Да потому, что война с ними порядком обескровит кремлевских тиранов, лишит их всех

накопленных при царе запасов. И чем они тогда с нами воевать станут?!

Лукаво улыбнувшись, Вологодский меленько засмеялся, прикрывая рот платочком. Глаза щурились, как бы говоря: «Эх, Константин Иванович, не надо нас, стариков, недооценивать!»

«Да уж, старый конь борозды не портит! Потому-то Петр Васильевич и премьер-министр, что варианты различные давно просчитывает. А я, как дурачок, его в том убеждаю, что он сам давно понял. Иначе наш „Дед“ в Москву бы просто не поехал!»

Арчegov поднял руки, как бы капитулируя перед этими доводами Вологодского, и искренне, от всей души, улыбнулся тому в ответ, не скрывая своего восхищения.

— Нам с вами остается только детально проработать тактику «злого и доброго» переговорщиков, чтобы убедить наших заклятых друзей-большевиков разыграть именно эту карту!

Москва

— Отчаянная разруха нас просто давит за горло, Лев Давыдович. Смертельно давит, удушает!

Голос Ленина чуть дрожал от сдерживаемого возбуждения. Вождь революции пробежался по кабинету от стола до задернутых оконных штор, потирая руки от волнения.

«Сдал наш Ильич, крепко сдал за последнее время», — с нескрываемым удовлетворением подумал Троцкий, устраиваясь поудобнее в жестком кресле, и бросил короткий, почти незаметный взгляд на Дзержинского, что сидел от него чуть поодаль.

С председателем всемогущей ВЧК отношения у него не складывались, и это еще мягко сказано. «Янек», потомок гонористых шляхтичей, хорошо подсел на кокаин, как знал Лев Давыдович, отчего его и без того скверный характер стал хуже некуда. И глаза постоянно блестят, а ноздри трепещут, как крылья птицы.

— Отчаянная разруха!

С каким-то смакованием в голосе Ленин повторил понравившееся ему слово, улыбнулся и внимательно посмотрел на молчавших коллег.

— Положение архисложное, товарищи! Мы вынуждены сражаться против поляков, на юге контрреволюция готовится перейти в самое решительное наступление! В Сибири...

— Делегация Вологодского уже прибыла в Москву, Владимир Ильич, — несколько невежливо вставил свое слово в монолог вождя глава ВЧК, — вряд ли они с войной приехали.

— Вы так считаете, Феликс Эдмундович?

Ленин остановил свое хаотичное броуновское движение по кабинету и посмотрел на Дзержинского.

Троцкий скривил толстые губы в пренебрежительной улыбке — поляку председатель Совнаркома прощал очень многое, не как ему, грешному. Сам Лев Давыдович, если бы попробовал перебить вот так по-хамски Ленина, то в лучшем случае удостоился от того самого уничижительного взгляда, преисполненного презрения.

В худшем — хлесткое красное словцо, вроде «дешевой политической проститутки» или «иудушки». Хотя сам Ильич Льву Давыдовичу, безусловно, доверял. Многого стоила одна записка, вроде «открытого листа», в котором Ленин настоятельно призывал товарищей по ЦК партии принять предлагаемые Троцким меры для спасения судьбы революции.

— Да, я так считаю, — Дзержинский говорил твердо, веским тоном. Он раскрыл кожаную папку и достал из нее листок бумаги с наклеенными поверху телеграфными полосками.

— Это одна из листовок, которые белые сибиряки разбрасывают с аэропланов вот уже три дня. Текст передали по телеграфу. Почитайте, Владимир Ильич, она стоит того.

Ленин схватил листовку, как щука карася, цепко, намертво. Бумажный лист чуточку дрожал в его руке, пока он за считанные секунды буквально проглотил текст. И с нескрываемым удовлетворением, с ехидной, чисто ленинской улыбочкой протянул листок Троцкому.

— Это следует и вам прочитать, Лев Давыдович, весьма интересно. Да, весьма, — он цокнул языком и лукаво прищурился одним глазом. — Оно того стоит, батенька.

Тот прочитал быстро, охватывая глазами весь текст. И, не сдержав искреннего изумления, хмыкнул. С такой белой пропагандой он еще не сталкивался, прежняя была слишком наивна, взывая к рассудку. Будто у толпы может быть разум в этой кровавой круговерти!

Нет, эта листовка прямо-таки резала привычными словами — «Московская деспотия», «алчная столица», «теперь не прежние времена», «Сибирь заново не станет московской колонией», «хватит пить с сибиряков кровь и тянуть жилы», «не дадим им жрать наш хлеб с маслом», а также прочие термины, отнюдь не безобидные.

Но главное было в самом конце, угрожающим тоном, чуть ли не ударом кулака по столу. Но и нотки довольно примирительные тоже проскальзывали. Эти моменты Троцкий уловил сразу же и поднял глаза на Ленина — тот торжествующе улыбался, сверкая глазами.

— Феликс Эдмундович, скажите, как сибирское кулачье относится к наложенной на них продрозверстке?

— Резко отрицательно, Владимир Ильич! Мятеж неминуем! Особенно после таких призывов к населению!

Дзержинский негодуя дернул бородкой и крепкими пальцами смял листок, бросив его в корзину.

— Ну, тогда мы ее проводить не будем! Зачем нам принимать политически неправильное решение?

Такое откровенное заявление Ленина ошарашило его собеседников кипятком — Троцкий с Дзержинским вначале изумленно переглянулись, а затем жадно впились в вождя взглядами, как бы требуя от него объяснений. Тот в ответ захихикал.

— Лев Давыдович! А мы сможем сдержать в Сибири белую сволочь, если этим июнем они начнут продвижение до Омска и далее, вплоть до Урала?! Как и грозят нам открыто в этой бумажке! Нет, я им верю, батенька, а потому спрашиваю — что будет с советской властью и Восточным фронтом, если одновременно с этим белогвардейским наступлением всю Западную Сибирь охватит пламя беспощадного кулацкого мятежа?!

— Наша 5-я армия неминуемо погибнет! А совдепы будут вырезаны до последнего коммуниста! — Троцкий лязгнул голосом и даже привстал с кресла. — Погибнут все пять дивизий, которые просто не удержат фронт и не принесут пользу пролетарской революции своей гибелью. Слишком велико, даже чудовищно велико неравенство в силах, а перебросить резервы на восток мы не в состоянии!

— Так надо подумать, как вывести наши сибирские дивизии на Урал! А лучше перебросить их на польское направление! И по возможности немедленно, батенька!

В кабинете воцарилась тягучая тишина, Троцкий с Дзержинским онемели, переваривая слова Ленина. Их молчание нарушил нарочито веселенький, с подлинкой, смех вождя.

— Эта листовка показывает нам не их силу, товарищи, а слабость. Сибирь мы вряд ли удержим, но дальше, за Уральские горы, беяки не пойдут! В этом слабость всех сепаратистов и националистов. Они ограничены даже в своих требованиях. А потому не могут быть гибкими и учитывать требования текущего политического момента.

Троцкий еле заметно поморщился — не может вождь без политического словоблудия обходиться, даже оставаясь наедине с верными соратниками, но явственно никогда недовольства не показывал.

Зачем головой и нервами рисковать, и тем паче сейчас, когда рядом Дзержинский глазами в его сторону зыркает?! Замыслил недоброе? От него всякой пакости можно ожидать — вельми крут и зело свиреп, как говорят про таких русские.

— Нам принадлежит выбор! Нам, а не им, мои дорогие товарищи!

Брест

— Ничего, панове, мы еще посмотрим! — с нескрываемой угрозой в голосе прошептал Пилсудский и тяжело поднялся с кресла. Прожитые годы и бурная молодость оставили на душе и теле глубокие следы.

Его брат Бронислав вместе со старшим братом большевистского вождя Ульянова-Ленина проходил по делу «вторых первомайцев» тридцать с лишним лет тому назад. Самого Юзефа тоже привлекли к суду — тогда он назвал себя на следствии белорусом, а не поляком, и загремел только в ссылку на пять лет.

Прошло еще немало лет, но именно он смог организовать первые польские воинские формирования в австро-венгерской армии, неплохо дравшиеся с русскими на фронте.

Неделю назад «начальник государства» подписал соглашение с «головным атаманом» Симоном Петлюрой, по которому тот передал Польше всю западную часть Украины — Галицию и Волынь, где господствовала униатская церковь.

Петлюре деваться было некуда — он просто признал польские захваты и обещал, что православная часть Украины пойдет с Польшей на федерацию — в его ситуации сам Юзеф обещал бы намного больше.

Взамен Пилсудский предложил помочь основательно потрепанному поляками и красными хохляцкому воинству освободить от большевиков всю Правобережную Украину. При этом искренне надеясь, что наступление поддержат многочисленные петлюровские мятежники, чьи банды, другого слова и не подберешь, господствовали на данной территории, внося смуту и подрывая большевикам тылы.

Момент был выбран удачный — главные силы Красной армии оказались прикованы к Дону, где временное затишье грозило взорваться грохотом очередной русской междоусобицы.

Так что московскому Совнаркому взять резервы неоткуда, а потому Ленин скоро признает и новоявленную «самостийную украинскую державу» Петлюры, и новые границы Польши.

А белые? Они не победят красных — сам Пилсудский искренне желал им поражения. С красными о будущих границах договориться будет легко. Чтобы усидеть в Кремле, они признают что угодно. А вот белые пойдут на принцип, и исход будущей войны с ними весьма проблематичен, не стоит даже и думать об этом. Боязно!

В истории ожесточенного противостояния двух соседних славянских народов было слишком много примеров, когда война с русскими для поляков выходила боком!

Пилсудский бы сам возглавил войска Южного фронта, что сейчас победно шли вперед, но...

Приходилось быть сдержанным — Франция, главный поставщик Польше вооружения и основной кредитор, весьма остро реагировала на территориальные притязания Польши к своим восточным соседям — литовцам, русским и украинцам.

Да и белые клацали зубами от злобы на Кавказе и в Сибири, собирая силы для реванша. А к ним Пилсудский относился очень серьезно и осторожно, даже с опаской, в отличие от недалёковидной шляхты, что презирала и ненавидела «пшеклентных москалей».

Сам Юзеф полностью разделял такие эмоции, но не был глупцом, чтоб прилюдно показывать это. А потому идиоты в сейме не поняли ничегошеньки — белорусам и украинцам

можно гарантировать, что угодно их душенькам, и даже больше того!

Красивые слова стоят-таки недорого, почти задарма, как говорили в его юности местечковые жида, но производят большое впечатление! Большевики это хорошо знают, вот только тупые паны прут наобум, им бы только кровушку пролить!

Суть в том, что Пилсудский не собирался выполнять обещания — в новой Польше место только тем, кто говорит по-польски. А кто не захочет, то сам поневоле «запшекает»!

— Ничего, панове, — с угрозой прошептал Пилсудский, — посмотрим, как заговорят в сейме, когда мои войска завтра войдут в Киев! Как вы забегаете передо мною, пресмыкаясь...

Москва

— Потому встал вопрос о том, что нам следует делать — либо победить внутреннюю контрреволюцию, подписав очередной «похабный» для нас мир, но на этот раз с поляками... И навсегда потерять шансы потряхнуть мировой буржуазией. Или...

Ленин сделал долгую артистическую паузу и медленно обвел глазами присутствующих, задержав свой взгляд на Троцком.

Лицо вождя преобразилось, оно дышало неукротимой энергией и решительностью. Таким энергичным Лев Давыдович любил Ильича, «старую сволочь» — именно в самые сложные моменты тот умел заставить других товарищей принять его политически выверенное и, как показывала практика, совершенно правильное в той ситуации решение.

— Что или, Владимир Ильич?

Троцкий моментально подыграл вождю, зная, как тот любит слышать подобные вопросы.

— Или договориться с белыми о заключении мира или, по меньшей мере, продлении перемирия на год. С надежными гарантиями, чтобы эта сволочь не вздумала ударить нам в спину.

— А все силы перебросить на поляков?! А там Германия, где еще пылают костры революции?!

Троцкий не скрывал восхищения перед дерзким замыслом — ленинский стиль предстал перед ним во всей красе. Уступить в малом, разъединить врагов и бить их по частям.

— Да, батенька! Вы совершенно правильно поняли...

— Не выйдет, Владимир Ильич!

Дзержинский разрушил возникшую в ленинском кабинете радостную эйфорию своим строгим и скрипучим голосом.

— Деникин никогда не пойдет на соглашение с нами. Никогда! Ни при какой ситуации! И еще одно: к нам приехали Вологодский с генералом Арчegovым, а ведь именно их именами подписана эта листовка. Не кажется ли это очень странным?!

Председатель ВЧК показал пальцем на корзину и сразу скрестил руки на груди, показывая свое неприятие ленинского решения. И продолжил говорить тем же весомым голосом.

— Их «царек» данным решением Сибирского правительства недоволен. И хотя он не пользуется влиянием, действенным, я имею в виду, но не учитывать этот фактор нельзя. Более того, я считаю, что вначале необходимо нанести полное поражение нашей внутренней контрреволюции и лишь потом начинать действия против внешней! Если мы не сделаем этого, то диктатура пролетариата может быть свергнута общими усилиями наших врагов после коварного удара в спину!

— Их так называемый «царь Сибирский» не только недоволен, он уже предпринимает определенные действия!

Лев Давыдович повернулся лицом к Дзержинскому, издевательски усмехнулся, сверля того

насмешливым взглядом. Тот с ненавистью вернул такой же монетою.

— Пока дивизии Сибирской армии сосредотачиваются под Омском, части гвардии, присягнувшей лично царю, сейчас перебрасываются в Иркутск. И это как раз в то время, когда Вологодский с военным министром уже здесь. К чему бы это?!

— Монархисты замыслили провести там государственный переворот?! Взять власть в свои руки?! Убрать «независимость» Сибири, которая их раздражает, вернуться к самодержавной форме правления, с принципами «единой и неделимой»?!

Ленин соображал просто молниеносно и расцвел улыбкой — хорошее настроение прямо лучилось из его глаз нездоровым блеском.

— Так это просто чудненько, батенька! Не успев начать войну с нами, они уже готовы перегрызться между собой! Это точные сведения, Лев Давыдович? Не ошиблись ли ваши люди?

— Да, Владимир Ильич. Разведка Красной армии имеет хорошие источники информации в Сибири.

— Вот так надо работать и вашим людям, товарищ Дзержинский! — только и сказал Ленин, победно взглянув на насупившегося председателя ВЧК. Он не был бы вождем партии, если бы не умел стравливать даже в малом своих подельников по ЦК.

Троцкий это прекрасно понимал, а потому только улыбнулся, поймав злой взгляд главного чекиста.

— Хм... — Ленин снова пробежался по кабинету, забыв про болезненное состояние и размышляя вслух: — Если беляки передерутся между собой — то зачем нам вмешиваться? Мы придем позже и добьем «победителей». Весьма перспективно... Остается только решить — кого нам из них следует поддержать, чтобы выиграть в главном! Мировая революция — вот наша цель, товарищи! А все остальное есть жалкая чепуха!

ГЛАВА ВТОРАЯ

С отрядом флотским, товарищ Троцкий...

(10 мая 1920 года)

Петропавловск

Сравнительно большой, по сибирским меркам, город окаймляла с запада неширокая синяя лента Ишима. Маячками летчикам послужили золотистые купола церквей, хоть и потемневшие от лихолетья гражданской войны, но тройка «Сальмсонов» с бело-зелеными кругами на крыльях долетела до заветной цели, обрушив на дома и улицы города дождь из белых листовок прокламаций.

Теперь следовало поторопиться с возвращением домой, на родной аэродром — дальность полета и так была предельной для аэропланов, отнюдь не новых и уже потрепанных несколькими месяцами непрерывных полетов, причем в феврале и марте — не самое лучшее для того время. Поручику Михаилу Воцилло совсем не улыбалось совершить вынужденную посадку в начавшей зеленеть степи и нервно ожидать помощи от рыскавших там казачьих разъездов.

Офицер находился в задней кабине наблюдателя, в турельном кольце с пулеметом Льюиса. Он выбросил из фанерного нутра последнюю пачку листовок, умело содрав с нее тонкий жгут. И сейчас, закончив «бомбометание», Воцилло огляделся по сторонам.

«Сальмсон» поручика Иванова шел впереди, за ним летел их аэроплан, а вот капитан Сергеев почему-то отстал и снизился, за его «этажеркой» потянулся белый след.

— Твою мать!

Офицер не сдержал ругательства — потеря командира авиаотряда была для него недопустимой. За эти пять месяцев они крепко сдружились, а такая беда просто ножом по сердцу!

— Ты только подальше от города отлети, степь просохла. Сядем рядом, подберем, командир! Не беспокойся, не сдадим!

Воцилло не собирался оставлять своего друга красным. Если тот удачно спланирует, то их аэроплан сядет рядом. Мотор надежный, груза нет, так что десять лишних пудов можно вывести, даже пулемет выбросить ради такого дела вместе с патронными дисками не жалко.

— Эх-ма! Иптыть!

К великому удивлению Михаила, идущий далеко внизу и сзади аэроплан отнюдь не собирался планировать к земле — он судорожно лез вверх, тянулся за ними, задрав свою курносую морду и оставляя за собой черный след выхлопных газов.

«Курносую?! Так это же „Ньюпор“ красных, мать его! Как же я лопухнулся, что сразу не признал!»

Воцилло стал лихорадочно оглядываться, стараясь отыскать в лазурном, словно выстиранном небе капитанский «Сальмсон». И вскоре углядел, как за грязной дымкой, идущей от истребителя, промелькнул силуэт разведчика, что споро настигал «Ньюпор».

Еще бы не догнать противника — у «Сальмсона» движок чуть ли не в два раза мощнее, заправлен он настоящим авиационным бензином, да и сам аэроплан намного лучше.

Шлейф, тянувшийся за истребителем, сразу сказал знающему летчику о многом — красные от полной безнадёги продолжали заправлять свои самолеты не чистым бензином, а жуткой «казанской смесью» из бензина, керосина и спирта. А с таким «коктейлем» в баке летать просто

опасно — мало того что движок в мощности резко теряет, так он в любую минуту «обрезать» запросто может.

— Да бей же его!

«Сальмсон» обрушился на истребитель внезапно и сверху — атака произошла молниеносно. Пилот красных даже не заметил приближение собственной смерти.

Два синхронных «Виккерса» за считанные секунды превратили несчастный «Ньюпор» в душлаг, и хуже того, воспламенилась «казанская смесь» в баке. Спустя секунды в голубом небе вспух черный клубок взрыва, и вниз полетели обломки.

Воцилло чуть заметно поморщился, глядя на планирующее к земле оторванное крыло со змеяющимися лентами растяжек. Ему даже стало жаль красного летчика — отчаянно храбрый парень, раз на этой рухляди решил с «Сальмсонами» сражаться.

И летел «красный» без парашюта, в отличие от них, ощущавших на своих плечах широкие лямки, вселявшие дополнительную уверенность, — мало ли что может быть в небе?!

— Храбрый, но полный дурень!

Поручик выругался, облегчив крепким словом душу. Зачем ввязываться в погоню, если нет никакой возможности догнать врага?! И тем более с ним на равных сразиться он никак не мог.

— Зачем?!

Осуществляя полеты на советскую территорию, пилоты отряда разбрасывали только листовки и вели разведку. Бомбы их аэропланы не несли — требовалось соблюдать перемирие. И вот оно нарушено — неизвестно откуда красные раздобыли допотопный «Ньюпор» — до этого дня их самолеты в небе не появлялись.

«Сальмсон» Сергеева догнал, пристроился рядом, крыло к крылу. Капитан поднял руку — Воцилло разглядел три разогнутых пальца в кожаной перчатке. Понятная радость — ведь две первых победы командир одержал давно, еще три года назад, сбив германский и австрийский аэропланы. И вот теперь третья победа.

Во многом случайная — до сегодняшнего дня пилоты имели категорический приказ уходить от красных аэропланов, если они в небе появятся. И ни в коем случае их не атаковать, строго соблюдая подписанное с красными перемирие.

Но утром неожиданно для всех пилотов зачитали приказ графа Келлера, что временно замещал отсутствующего на переговорах в Москве главнокомандующего генерала Арчегова — в случае атаки немедленно сбивать аэропланы противника! Они выполнили приказ, но отчего на сердце смутно?!

— Это же свой, русский парень, — прошептал Воцилло сквозь зубы, — с которым я мог летать на той войне с германцами. Да когда же этот кошмар наконец закончится — брат на брата?!

Киев

— А ведь я показал чванливым «православным», как воевать надо! Теперь утрется!

Подтянутый генерал в ладно пригнанной польской форме, с золотыми галунами по воротнику мундира, в начищенных до блеска сапогах, презрительно скривил тонкие губы. Эдвард Рыдз-Смиглы был самым молодым из генералов Войска Польского — в марте ему исполнилось только 34 года. А сколько уже пережить пришлось за это время!

В 1908 г. молодой поляк родом из Тернополя вступил в ряды организованного Юзефом Пилсудским «Стрелецкого союза». Австрийские власти, готовясь к войне с русскими, отнеслись к этой польской инициативе с пониманием. Ведь ничто так лучше не сближает давних недоброжелателей, как один общий враг.

Но видимость приличий приходилось соблюдать — «стрельцы» действовали на полулегальном положении, а потому каждый имел псевдоним. Эдвард Рыдз стал «смуглым», и это прозвище после обретения Польшей независимости стало его второй фамилией уже официально, которую он по давней польской традиции сделал двойной.

Когда грянула война, он сделал стремительную карьеру в польских легионах, что сражались на стороне австрийцев. За два года от командира роты молодой офицер прямо взлетел на должность начальника бригады, получив чин полковника.

Но карьера оборвалась — австрийцы уволили из армии всех сторонников Пилсудского, когда последнего немцы засадили в узилище за слишком нетерпеливое желание воссоздать независимую Польшу в «дораздельных» границах. Такое ни Берлину, ни Вене не могло понравиться, ибо они сами в этих разделах и участвовали.

В ноябре восемнадцатого года, когда германцы капитулировали перед Антантой, именно Рыдз оказался под рукой Регентского совета, что стал правительством возрожденной Польши. И пост военного министра стал должной оценкой его заслуг перед Речью Посполитой.

— Теперь я утер нос «православным»! Чтоб их...

Рыдз-Смиглы грязно выругался, но очень тихо, чтобы офицеры штаба, стоявшие поодаль от него и окруженные толпой киевских обывателей с характерной наружностью, не слышали гневных слов. Нужно было соблюдать приличествующие положению условности.

Генерал сильно недолюбливал своих коллег, перешедших из русской армии, которых прозвали «православными». Они буквально заволокли Войско польское, заняв больше половины вакансий на уровне командиров дивизий и бригад.

Многие из них были детьми и потомками ссыльных поляков, на долгие годы оторванных от родины и зачастую не знавших польской речи и говоривших только на русском.

Рыдз-Смиглы прыснул, не сумев сдержать смех, ибо вспомнил генерала Вацлава Ивашкевича. Хотя тот был католиком, но вся армия называла его за глаза «православным». Сын участника восстания 1863 года, он всю жизнь прожил и служил в Сибири и не имел не малейшего представления о польских реалиях.

Вступив в Бердичев, город с рекордным процентом еврейского населения, он принял делегацию местных сионистов, что пришли поблагодарить его за освобождение от большевиков. Распрощавшись с евреями, генерал громко сказал своему адъютанту: «Если бы я не знал, что это сионисты, то подумал бы, что это жида!»

Узнав об этих словах, Рыдза, как и всех поляков, чуть не разорвал хохот — в Польше слово «жид» обозначало натурального еврея и не являлось оскорблением, а ведь «русский» имел в виду именно эту подоплеку! Таких генералов было множество, и платили они «чистокровным и природным ляхам» той же монетой, что бесило последних.

Москва

— Господин Троцкий, позвольте вам задать один вопрос? Я надеюсь, вы хорошо знакомы с некоторыми трудами председателя вашего Совнаркома господина Ульянова-Ленина?

Арчegov был любезен до слащавости, хотя внутри все клокотало от злобы. Действительность опять обрушила ранее сложившийся стереотип с легкостью карточного домика.

«Зловещий демон революции» оказался в реальности не запасным болтуном и краснобаем, который, как он знал из курса истории КПСС, что был сдан в военном училище с превеликим трудом, постоянно навязывал партии свои «дискуссии».

Как он тогда ненавидел «льва революции» — лишился из-за него, падлы, долгожданного

увольнения в город и не встретился с девушкой, желанной и любимой. Зато чуть позже попался в петлю женитьбы, что подстроила ему та, прежняя...

Нет, это был великолепный полемист и оратор, перед которым Вологодский с Михайловым выглядели просто бледно. Юношеский задор последнего Троцкий парировал самой убойной логикой, а когда премьер-министр приходил тому на помощь и пытался действовать против «иудушки» таким же образом, то его разумные доводы тут же опрокидывались изощренной демагогией и софистикой.

«Как же нам с таким зубром сражаться? Меня он словами просто затопчет, я в таких дискуссиях не силен. Зато морду в два счета козлобородому набью, но кто ж дерется на светских раутах?! Или он не желает Сибирь отдавать? Или решил ее просто выторговать? Что делать?» — Арчegov только хмурил брови, задавая себе извечный русский вопрос.

Полный афронт потерпела сибирская делегация, и теперь нужно было признавать свое временное словесное поражение, поджав хвост. Или поступить в соответствии с принципами Остапа Бендера на встрече с любителями шахмат из Васюков.

Константин сделал выбор в пользу последнего варианта, хотя по договоренности он должен был лишь молчаливо поддерживать министров, делая многозначительный вид.

Потому вопрос им был задан запредельно наглый. С такими желторотые новобранцы иной раз обращаются по собственной дурости к маститому и заслуженному фельдфебелю — и получают такой ответ, что до самого копчика пробирает, клизма на пол-литра скипидара с сапожными гвоздиками и то легче переносится.

— Судя по всему, господин генерал является одним из читателей трудов вождя русской революции?!

Троцкий «отбросил горячую картошку» обратно, в полном соответствии со своей национальной принадлежностью, что на вопрос вопросом отвечать любит, с нескрываемой ехидцей сверкнув стеклами пенсне. Но посмотрел на генерала уже с некоторым интересом, вроде как с волчьей задумчивостью — «съесть сразу или не выйдет?»

Константин только очень искренне улыбнулся в ответ и развел в стороны руки с самым непринужденным видом — давать время для атаки на себя он не собирался.

— Какой с меня читатель и тем более поклонник трудов Ленина. Так, смотрел лет десять назад одну работу, вот и запомнил. Да, кстати, насколько я помню, большевики выступают за самоопределение народов, захваченных колонизаторами, вплоть до полного отделения от метрополии. Ведь так, господин Троцкий, заявило Советское правительство?!

— Совершенно верно, господин генерал. Вот только сибиряки отнюдь не нация, как я заметил раньше господину Вологодскому, а есть неотъемлемая часть русского народа!

— Так я и не спорю с вами, господин Троцкий. Какая, к бесу лысому, нация?! Тут дело в другом. Господин Ленин в своей работе прямо указывал, что в России есть три вида колоний. Развитые в экономическом отношении Польша и Финляндия подвергаются национальному угнетению. Сибирь, свободная в национальном плане, ущемляется экономически, беспощадно грабят ее недра. А закавказские страны подвергались и национальному, и экономическому угнетению. Большевики, как я знаю, выступают за право колоний на освобождение от метрополии и обретению ими самостоятельности.

Длительный пассаж Арчегова произвел на всех собравшихся за столом определенное воздействие, особенно на председателя РВС. Тот даже наклонился над столом, демонстрируя свое внимание. И генерал сделал то же самое — их взгляды схлестнулись стальными клинками.

— Ведь это так, господин Троцкий? Или вы уже пересмотрели свои прежние взгляды, отреклись от них как ренегаты и считаете, что советская власть должна обладать колониальной империей?

Константин с самым наивным видом воззрился на Троцкого, словно невинный младенец на матерого шулера. Задав два взаимоисключающих вопроса, он хотел получить ясность в ответе от противника. И Троцкий попался, ухнув со всей мощи своего слова!

— Да, это так! Но относится только к царскому режиму. Советское правительство проводит к народу Сибири...

— Таковую же, как и царское, политику грабежа, прикрывая ее красивыми лозунгами. — Арчegov решил, что пора ударить доской по голове, момент для того казался ему удобным.

— Введение продразверстки в Западной Сибири сопровождается возмутительными бесчинствами. Хотя я вас прекрасно понимаю — взять хлеб просто неоткуда! Дон и Кубань за нас, испытав на собственной шкуре «рассказачивание». На Украине восстания и махновщина, да сейчас еще и поляки на вас наступают, уже к Киеву подошли. У них хлеб вам не взять, те сами силою у селян отбирают. Только наших коренных сибиряков и казаков, что сплошь кулачье, можно ограбить...

— Константин Иванович!

Вологодский прямо позеленел на глазах, как лягушонок. Еще бы — военный министр резал правду-матку прямо в глаза, забыв про дипломатические ухищрения.

Чичерин и Михайлов выглядели не лучшим образом, но молчали, лишь большевистский нарком по иностранным делам бросил негодующий взгляд на белого генерала.

— Господин Троцкий главнокомандующий Красной армией, и такой же пост я занимаю, только в Сибири. Скажу прямо и откровенно — в нашей профессии присутствует здоровый цинизм, без которого на войне не обойтись. Ведь мы не институтки или беременные гимназистки, что обычное яйцо куриным фруктом именуют!

Троцкий, к великому удивлению Арчегова, от брошенных в гнев слов не пришел в неистовство или недовольство — он заулыбался радушно, оценив шутку, и ласково, будто встретил сейчас в генерале долгожданного и интересного единомышленника.

— Петр Васильевич, прошу вас, — мягко, как лиса, сказал Предреввоенсовета, — послушаем нашего молодого коллегу. Тем более что он полностью прав, хотя высказал свое мнение несколько... Хм... С горячностью, свойственной его возрасту...

— В марте мы заключили перемирие с Москвой, хотя и без помощи бинокля уже разглядывали Омск. Могли пойти и дальше, до Ишима и Тобола, ведь так, господин Троцкий? Или у вас имелись дополнительные силы тогда, чтобы сдержать наше наступление?

Арчegov не отводил свой слишком въедливый взор от Троцкого. Но тот на чисто риторические вопросы не стал отвечать, а продолжал странно улыбаться. И взгляд был скорее не злой, без ненависти. А такой особенный, вроде как задумчивый и оценивающий. Нехороший, в общем.

«Надо быть предельно искренним, только этим можно взять этого упыря, — мысли в голове текли спокойно в отличие от брошенных слов. — Этот мой образ недалекого генерала только подкреплять у него уверенность будет. И не беда, если кой-какие козыри я раньше срока на стол выброшу, хотя Петр Васильевич шибко недоволен будет!»

Киев

— Пан Юзеф сильно благоволит «москалям»!

Рыдз-Смиглы скривил губы. Его самого спихнули с должности военного министра, злопыхатели поставили в вину молодость.

А сами они что творят?! Генерал Карницкий нажрался, как русский мужик в кружале, подъехал на пролетке к дворцу «начальника государства», громко запел у закрытых ажурных

ворот песню — «Волга, Волга, мать родная, Волга — русская река».

Пан Юзеф вместо жесткого наказания «москаля», чтоб другим неповадно было, только рассмеялся — «Так это Карницкий!»

А как чудят офицеры и генералы, что прошли службу в императорских кавалерийских и казачьих частях?! Они даже подчиненных распекают, используя не приличную польскую ругань, а отборный русский мат. Вон полковник Эугениуш Шляский, всю жизнь с дикими казаками служивший, что отчебучил?

Нет, приоритет обучения коня и всадника в поле Рыдз разделял, убедившись на войне в превосходстве русской конницы над австрийской, где выездкой занимались исключительно в манежах. Но как так можно поступать благородному шляхтичу?!

Во время проверки лучший наездник кавалерийской школы в Грундзендзе показал ему от всей души и умения венский «манежный цирк» — так полковник по-русски заорал: «Ну, а я бы его, раба божьего, с коня и по морде, по морде!»

И москальским песьим матом такое понес, не постеснялся. Мол, у битых австрияков если учиться, то самым битыми быть. Нахватались у «москалей» мужицких замашек и еще добрых поляков учат воевать.

Сам бы Рыдз-Смиглы «православных» бы в черном теле держал, если бы не Пилсудский. Тот хама Шляского не выкинул из армии, мундира лишив, а, наоборот, скандал замял, полковника убрал и на генеральской должности оставил, командиром 9-й кавалерийской бригады.

— Красиво идут! Настоящее войско!

Генерал усмехнулся еще раз, но уже с нескрываемым удовлетворением, оглядывая ровные ряды идущих по Крещатику жолнежов. Немного резало глаз разномастное обмундирование пехотного батальона, солдаты чеканили шаг четко, вот только обувь была разная — от английских ботинок с обмотками до русских сапог.

И то хорошо, что приоделись за счет отступивших в панике большевиков. Дивизии его 3-й армии наступали столь стремительно, что красные побросали уйму трофеев и оружия — от обмундирования до целого бронепоезда, который был брошен перед взорванным мостом.

В самом Киеве, что наконец вернулся в лоно Речи Посполитой спустя почти два с половиной века, полякам достались богатые склады и десятки разнообразных речных судов — от больших пароходов и барж до моторных катеров и лодок.

Рыдз чувствовал себя счастливым не только этим — его мечта о Великой Польше начала претворяться в жизнь. Он боготворил Пилсудского и даже прощал ему эту слабость к «всходникам». Скоро польская армия выйдет к Днепровским берегам на всем протяжении — от лимана до Смоленска и утвердится прочно на славном наследии предков.

А обстоятельство, что в этих краях поляков почти нет, такая малость, совершенно не смущала молодого польского генерала. Эти восточные жмудины-литовцы, белорусы-литвины да те же жида и хохлы должны трудиться на благо возрожденной Речи Посполитой и в тряпочку посапывать.

Да еще радоваться, ибо уже пять веков именно поляки несут им свет блага и культуры. И без всяких там глупостей, типа автономий или самостоятельности! Еще чего вздумали, может, еще Гоголя с «Тарасом Бульбой» почитать захотят, холопы поскребьши...

«Начальник государства» выбрал удачный момент для начала наступления — вся большевистская армия прикована к Кавказу и к Уралу, где белые собираются с силами. А потому Москва признает границу по Днепру, коммунистам привычно подписывать «похабные» перемирия.

То, что переговоры с ними пройдут в Бресте, в ставке Пилсудского, молодой генерал не

сомневался. Как это русские говорят — «святое место пусто не бывает» или «второй раз на грабли наступить».

— Но я утер нос этим «православным»! Я первый вышел к Киеву, им придется много потрудиться, чтобы самим выйти на берега Днепра! Теперь меня будет знать вся Польша! Да и весь мир!

Москва

— А это и есть свидетельство вашего миролюбия?! Почитайте листовку, что разбрасывается с ваших аэропланов над Омском и Петропавловском! Так вы соблюдаете условия перемирия!

Троцкий говорил с такой ехидностью в голосе, что Арчegov мысленно поежился — мирные переговоры явно зашли в тупик, и протянул руку к бумажным листам, однако спросил с сарказмом, который сразу же вырвался из глубины души:

— Если листовки разбрасывали только вчера, то каким образом они оказались у вас сегодня, господин Троцкий? Вы аэроплан от Омска гоняли? Так не долетит за это время!

— Нет, господин генерал! Нам передали текст по телеграфу, — в голосе Председателя реввоенсовета проскользнуло легкое пренебрежение, будто тот не сомневался в солдафонстве и тупости военного министра.

Один листок, с наклеенными поверху полосками, взял Вологодский, а второй достался Арчegovу. Константин быстро пробежался по тексту глазами — «ба, как все знакомо». Вполне безобидная бумажка, заранее подписанная им и премьером еще в конце марта, перед отбытием в Москву на переговоры с большевистской головкой.

И генерал с торжествующей улыбкой посмотрел на ухмыльнувшегося Троцкого, демонстративно пожал плечами и с недоумением скосил взгляд в сторону Вологодского.

«Твою мать! Это ж что такое он читает?!»

Петра Васильевича было не узнать — за секунды побелел лицом, осунулся, он невидяще уставился в лежащий перед ним листок бумаги, пухлая ладошка сжалась в крепенький кулачок, костяшки побелели, будто премьер хотел со всей силы кого-то ударить.

— Вы позволите, ваше высокопревосходительство?!

Арчegov схватил листок и впился глазами в скупые строчки текста, лежащего перед ним. Он не поверил собственным глазам, а потому поморгал. Но буквы никуда не исчезли, не растаяли в дыму. Вчитавшись в бумагу, Константин Иванович почувствовал, что еще немного, и волосы на его голове от ужаса дыбом встанут.

Генерал выдохнул воздух, не в силах поверить, что граф Келлер вот так запросто мог отправить на убой всю сибирскую делегацию. Ибо такого откровенного призыва к крестьянскому мятежу против советской власти Ленин с Троцким им ни за что не простят.

Арчegov еще раз пробежался глазами по тексту, лихорадочно соображая, что ему ответить «демону революции». А говорить было необходимо — пауза затягивалась...

«Нет, ты не старый дурак, граф. Тебя просто использовали. Даже ясен перец кто! Только Мики мог отдать тебе приказ, в корне подорвавший все мои распоряжения. Только он — любого другого ты бы отправил по такой-то дорожке. Но зачем Михаилу нас так подставлять, подписывать смертный, неизбежный приговор?!»

Константин с окаменевшими мышцами лица еще раз прочитал текст — то была не фальшивка, он был уверен. Хотелось со всей силы ударить кулаком по столу, обматерить от всей души и Троцкого с большевиками, и Михаила с «друзьями», что его с нескрываемым удовольствием красным выдали на смерть, и собственную глупость, что в порядочность и

честное слово этих «придворных» поверил.

И душе стало тоскливо, хоть волком вой. Теперь война с большевиками неизбежна. Сибиряки и южане ввалятся в нее неподготовленными. А ему самому уготована смерть...

— Я вижу, для вас, Петр Васильевич, а также для вас, господин генерал, эта листовка послужила откровением?!

Троцкий прямо лучился лживым сочувствием и доброжелательностью, победно сверкая стеклами. Даже голос у него изменился, будто старинным другом за эти минуты стал.

— Сегодня утром ваши аэропланы сбили наш прямо над Петропавловском, чуть ли в двухстах верстах от линии перемирия!

От слов Троцкого у Константина перебило дыхание — удар оказался силен даже для него. А тот нанес немедленно следующий:

— И сегодня же у Омска ваша артиллерия обстреляла части нашей 26-й дивизии, заодно разрушив железную дорогу и телеграфную линию. Ладно, я понимаю, что стрельба вдоль линии идет постоянно, но пускать в ход артиллерию?! Надеюсь, вы объясните Советскому правительству, почему ваша армия нарушает взятые на себя обязательства!

Голос Троцкого лязгнул сталью, он буквально ожег взглядом Арчегова и холодно, даже брезгливо, взглянул на Вологодского. Тот вспыхнул до корней волос от этого молчаливого оскорбления и посмотрел на Константина, требуя от него ответа хотя бы взглядом.

«Да я сам не понимаю, Петр Васильевич, какая хрень происходит?! Но будем выкручиваться!»

От немой поддержки молодого генерала Председатель правительства сразу воспрянул духом и чуть отодвинулся от стола, как бы показывая военному министру, что теперь только на него он и рассчитывает. Потому что сам на отповедь не способен.

— Могу я осведомиться, Лев Давыдович, какой тип вашего аэроплана был сбит сегодня утром?

Арчегов уже полностью взял себя в руки, с самым безмятежным видом прямо уставившись взглядом в переносицу Троцкого. Тот быстро ответил, скривив губы в усмешке.

— «Ньюпор». Наш пилот погиб...

— А что вы хотели, Лев Давыдович?! По условиям перемирия и наши, и ваши аэропланы имеют право летать над сопредельной территорией и вести наблюдение. До Петропавловска от Омска смогут долететь только наши «Сальмсоны», и то на пределе своих возможностей. Но это разведчики, легкие двухместные машины, не предназначенные для ведения воздушного боя и уничтожения вражеских аэропланов.

— Но ведь они сбили...

— Не спорю. Конечно, сбили. А что им оставалось делать, когда ваш истребитель «Ньюпор» набросился на них. Они защищались, ведь именно ваш аэроплан специально создан для борьбы в воздухе с авиацией противника. Я пока не знаю всех деталей произошедшего, но повторяю — у нас летают только «Сальмсоны», других машин просто нет, и пока не может быть! Они — разведчики, и сбить аэроплан могут только тогда, когда им они и атакованы. А ваш «Ньюпор» напал первым, в этом я уверен, ибо он по своему типу является истребителем. То есть самолетом, специально изготовленным для воздушного боя и *нападения!*

Последнее слово Арчегов произнес чуть ли не по буквам, уставившись с некоторым превосходством в Троцкого. И тут же заговорил дальше, напористо, с огоньком, не давая собеседнику времени для ответного применения своих контраргументов.

— Что касается стрельбы из наших орудий?! Перестрелки идут вдоль линии перемирия постоянно. А что вы хотите? Наши солдаты, многие из которых уроженцы Тобольска, Омска и других захваченных вами городов, вынуждены давать ответ на ваши постоянные провокации.

Разве это не так, господин Троцкий?!

Арчegov говорил напористо, задорно, с энергией на лице и блеском в глазах, стараясь скрыть за потоком слов растущую неуверенность. Что и говорить — написанная по приказу графа Келлера листовка нанесла страшный удар по нервам.

— Что произошло всего три недели тому назад, когда ваши красноармейцы открыли огонь из своих пулеметов по нашему обозу?! Поэтому мы неоднократно от вас требовали и требуем, чтоб на линии перемирия разместились нейтральные войска.

Троцкого скривило самым натуральным образом от сказанных слов — «лев революции» явственно заскрежетал зубами от бессильной злобы, покраснел как мак, а молодой генерал тут же, без малейшей паузы, нанес еще один словесный удар.

— Япония неоднократно предлагала и вам, и нам свое посредничество по решению этих проблем. А 5-я дивизия генерала Судзуки в течение трех-четырех недель может быть переброшена к Омску на разграничительную линию между нашими войсками...

— Присутствие японских войск для нас категорически недопустимо! Категорически! — Троцкий гневно вздернул бородку. И чуть снизил тон, сверля Арчегова острым взглядом. Тот только натянуто улыбался.

— Вы точно рассчитали время в своих планах, генерал. Японцы как раз подойдут к началу июня, когда окончится срок перемирия. А если учитывать ваши с ней военные соглашения...

— Позвольте, милостивый государь! — Вологодский вмешался в разговор моментально, голос сорвался чуть ли не до визгливых ноток. — У Сибирского правительства не было и сейчас нет никаких военных соглашений с Японской империей. Некоторые договоренности имеются, но военная конвенция не подписана...

— Пусть даже так, господин Вологодский, — отрезал Троцкий, — но мы имеем то, что имеем. Сосредоточение ваших войск на линии, усиленные поставки аэропланов и танков, другого военного снаряжения из САСШ и Японии, подрывная работа ваших агентов, да эти самые листовки, что так открыто призывают к мятежу. Все это говорит о том, что не пройдет и месяца, как вы развяжете войну! А то и раньше!

— Это совсем не так...

— И прибытие вашей делегации в Москву есть еще одно подтверждение этого. Вы просто решили ввести в заблуждение Советское правительство затягиванием так называемых мирных переговоров, чтобы лучше подготовиться к войне с нами!

— Господин Троцкий, позвольте заметить: логика в ваших словах присутствует железная, вот только ваша первая посылка основана на ошибочном суждении. Если мы бы затягивали переговоры, то отправили бы в Москву совсем иную делегацию, без Петра Васильевича, да и мне здесь делать нечего. Выдернул бы какого-нибудь генерала из резерва, представительной наружности. Тут дело совсем в ином...

— В чем, генерал?

— А в том, что нам воевать дальше не стоит. Нет таких вопросов, по которым нельзя договориться. И на основе взаимных компромиссов разрешить возникшие проблемы...

Иркутск

— Эшелоны с гвардией вчера проследовали через Нижнеудинск. Пункт назначения — Иркутск! Это меня и тревожит!

Молодой генерал задорно тряхнул густым русым чубом — низкий, широкоплечий, типичный кряжистый сибирский мужичок. Такие и медведя голыми руками завалят, и ведро водки выпьют.

— В чем смысл этой переброски, Анатолий Николаевич?

— Боюсь, но генералитет готовит переворот, наподобие ноября восемнадцатого года!

Контр-адмирал Смирнов задумчиво посмотрел на Пепеляева, который сам вызвал его на этот откровенный разговор, прибыв в здание управления ВМС Сибири.

В последнее время адмирал все чаще и чаще общался с новоиспеченным заместителем командующего округом, любимцем сибирских солдат, под командованием которого они два года тому назад вершили чудеса храбрости, вышвырнув красных за Урал.

Но фортуна переменчива — в августе прошлого года сибирские части, обескровленные и вымотанные, было решено вывести в тыл, на отдых. Однако известно, куда ведут благие намерения — Ставка и Верховный правитель адмирал Колчак протянули время, преступно затянув переброску дивизий на отдых. А когда те все же попали домой, то было уже поздно, на фронте произошла катастрофа.

Усталые солдаты, видя крушение и всеобщий раздрай, грабежи интервентов и партизанщину, поддались на большевистскую и эсеровскую пропаганду. И пошли мятежи...

В них, как водится в России, обвинили командующего. Хотя тот всеми силами пытался остановить брожение, сам, в свою очередь, обвинил омских руководителей и главкома Сахарова в преступном бездействии. И не только на словах — на глазах Верховного правителя Колчака, опираясь на верных егерей, Анатолий Пепеляев потребовал отрешения главкома от должности и назначения генерала Каппеля.

Этого верхушка армии ему никогда не простила, но вмешался такой же «отверженный», еще более молодой по возрасту, но пользующийся поддержкой правительства и лично премьер-министра, главнокомандующий генерал-адъютант Арчegov.

Адмирал с любопытством наблюдал, как с февраля в верхах Сибирской армии происходили видимые глазу перемещения высшего командного состава. Вначале значимые посты заняли «старые» генералы, получившие этот чин еще при прежнем императоре.

Они не скрывали своих монархических симпатий, да и сам Михаил Александрович стал «царем Сибирским». А вот потом началось еще интереснее — высокие назначения стали получать уже не монархисты, а сибиряки, многие из которых разделяли идеи «областничества».

Правительство Вологодского, весьма прижимистое в раздаче погон с зигзагами и орлами, неожиданно признало генерал-лейтенантский чин Пепеляева, который был дан ему еще при Колчаке, и назначило командующим 1-го Сибирского армейского корпуса и одновременно заместителем генерала Дитерихса, что управлял Иркутским военным округом.

Следом за ним еще трое «сибиряков», в чине полковников пребывающие и отнюдь не разделяющие самодержавный принцип, также получили заветные генеральские погоны с высокими назначениями — на должности бригадных командиров.

Не успели утихнуть пересуды в генеральской среде, что исповедовала монархизм, как тут же они вспыхнули с новой силой. Теперь дошло до назначения «розовых», тех, кто был не чужд даже социалистических взглядов, пусть и порядком «побелевших» со временем.

Генерал-лейтенант Болдырев, из «старых», бывший военный министр до ноябрьского переворота 1918 года, когда всю власть передали адмиралу Колчаку, был возвращен из Японии. И тут же решением правительства поставлен на должность начальника Генерального штаба.

А в марте взорвалась самая настоящая «бомба». Лишенный Колчаком генеральского чина, бывший командующий армией чех Гайда, от обиды поднявший мятеж во Владивостоке в ноябре прошлого года, был амнистирован по указу Вологодского и в чине подполковника Сибирской армии сразу получил назначение командиром отборного 2-го Маньчжурского батальона, который еще атаман Семенов сформировал.

Смирнов был хорошо знаком с этим амбициозным чехом, что за каких-то полгода прошел

путь от поручика до генерала. Припомнилась ему и фраза одного из командиров чешских «легий» — «Гайда либо станет вашим фельдмаршалом, либо вы с ним наплачетесь».

Потому он сразу решил, что дело тут нечисто. Адмирал прекрасно понимал, как и многие другие, что Сибирское правительство стало проводить политику противодействия «монархистам», искусственно создавая им этот противовес. И не ошиблось, судя по всему...

Москва

— Лев Давыдович! Я никогда не скрывал своего отношения к советской власти. Впрочем, и вы тоже называете нас зоологической средой и призываете к полному истреблению. Даже директиву приняли о рассказывании, поголовном истреблении...

— Эту директиву, извольте знать, подписал председатель ВЦИК Свердлов, а не я, генерал!

— Оставим эти нюансы, господин Троцкий, сейчас они не важны. Вас поддерживают миллионы человек, иначе мы бы не говорили с вами. Но и нас поддерживают миллионы сибиряков. Нет-нет, позвольте мне досказать свою мысль, господин Троцкий!

Арчegov поднял ладонь, останавливая Председателя реввоенсовета, лицо которого покрылось чудными багровыми пятнами. Убийцы не любят, когда вещи называют своими именами.

— Будем говорить откровенно. Вы не сможете нас победить. Ни при каком случае. Большая часть сибиряков люди зажиточные, кулачье, как вы их называете. Им ваши социальные эксперименты до одного места, простите за грубое слово. За нас играет даже такой фактор, что Сибирь не знала крепостного права, там просто нет помещиков. И почти нет капиталистов, впрочем, мало и пролетариев, что являются вашей опорой. Промышленность у нас того... Слабенькая, вы уж извините.

Константин Иванович развел руками, притворно улыбнулся, чутко поморгав глазами. И продолжил напористо, словно фельдфебель, распекающий нерадивого новобранца:

— Ваша ставка на новоселов не даст результата — зажиточным из них мы представили все возможности, смутьянов, что в партизаны пошли, задавили. Поддержки от них вы уже не получите, так же как от каторжан и анархистствующих пролетариев.

— Вам в решительности не откажешь, господин генерал. Одна Черемховская бойня многого стоит...

— Кому бы меня упрекать!

Арчegov от соблюдения дипломатии отказываться не стал. Наоборот, сейчас требовалось показать гибкость в решении вопросов.

— Да, шахтеры и трети жертв не составили. Большинство представляло самый обычный криминальный элемент, расплодившийся неимоверно, и от которого и советская власть, как я знаю, освобождается самыми решительными мерами. Так что упрек не по адресу.

Константин вытащил из коробки папиросу и закурил, первый раз за долгий разговор, хотя сам Троцкий себя не ограничивал в табаке. Улыбнулся в лицо оппонента, не скрывая доброжелательности. Того передернуло от такого демонстративного навязывания, но возразить нарком по военным делам не успел, как генерал заговорил дальше.

— Нет сейчас у вас опоры в Сибири и вряд ли будет. А вот та часть, что вы пока удерживаете за собой, тот еще пороховой погреб. И эта листовка не такая уж дополнительная угроза для вас, хотя и прибавит головной боли, несомненно. Но у нас еще есть возможность избежать войны, в которой вы потерпите поражение, господин Троцкий.

Арчegov остановился — он устал лицедействовать, углубляться во всякие психологические изыски, играть отвратные для него роли. И, что хуже — Троцкий это видел и все прекрасно

понимал. Сам такой же — а рыбак рыбака издалека видит. А «иудушка» еще тот ловец, сто очков вперед даст в этом поганом политическом ремесле.

— Давайте сделаем так. Я встречусь с вашими военспецами, и мы вместе поработаем над возможными вариантами развития событий... И гарантиями, чтоб эти варианты исключить... А от себя сейчас скажу одно — я полностью убежден в том, что ваши части к боевым действиям сейчас не готовы. Более того, вы даже не провели подготовку к войне...

— Вот видите, в отличие от вас мы полностью соблюдали условия перемирия. В то время как...

— Господин Троцкий, мы с вами люди военные, зачем пытаться вводить в заблуждение. У вас две железнодорожных ветки, и того, что я видел собственными глазами на одной, дает мне основание предполагать о невозможности каких-либо воинских перебросок. Вы не имеете сейчас никакой возможности усилить 5-ю армию. Ведь у вас царит...

Константин поднял глаза и серьезным взглядом уперся в лицо наркома. У того не дрогнул ни один мускул — суровая политическая школа жизни закалила характер.

— Отчаянная разруха!

Арчegov неожиданно вспомнил известную фразу вождя мировой революции, которая выручила его при сдаче зачета по истории КПСС. Тогда про НЭП разговор с политработником пошел, вот и выручило «красное» словцо «вечно живого».

— Положение архисложное! — добавил Константин еще один перл вождя, и тут Троцкий, к его удивлению, заметно вздрогнул, изумленно распахнув глаза и задрав бородку. Но тут же взял себя в руки, снова сделав каменное выражение лица.

— Это одна сторона. С другой стороны, у вас совершенно нет резервов, могущих усилить ваши позиции в Сибири. А пять дивизий будут нами раздавлены в течение двух-трех недель. И это при самом худшем для нас варианте развития событий.

В глазах Троцкого промелькнуло что-то непонятное, он снова чуть вздрогнул. Константин напрягся, хотя продолжал демонстрировать полную уверенность. Но задумался, не показывая этого.

«А ведь я его зацепил словами. И ленинскими, и сейчас. И раньше, когда упомянул Киев. Хм... А вот насчет последнего надо попробовать снова. Неужели поляки его уже захватили?»

— Как я понимаю, все резервы Красной армии сейчас перебрасываются под Киев, вот только вряд ли они принесут там пользу. Бросать их в бой пачками, не имея времени сформировать ударный кулак?! Ни к чему хорошему такие мероприятия не приведут. Тем более ваши самые лучшие войска, включая конную армию Буденного, до сих пор не сняты с Южного фронта. Ведь так, господин Троцкий?

— И зачем вы мне это все говорите?

Нарком насмешливо улыбался, вот только глаза выдавали — серьезные, без малейшей смешливой искры.

— А потому что, несмотря на все наши разногласия и пролитую кровь, вас поддерживают миллионы русских людей, которые не желают возвращения старого режима.

— А у вас желают?

— В прежнем качестве нет. Мы имеем в виду старое и отжившее политическое устройство, — вмешался в разговор Вологодский, скинув с себя оцепенение. — Хотя, судя по всему, и у нас имеются и те, кто желал бы возрождения самодержавия.

— Эту листовку следует понимать именно так, Петр Васильевич? Что она несет вред и для Сибирского правительства?!

— Именно так, Лев Давыдович. Она не подписана ни мною, ни от имени Совета министров. А потому я желаю знать, сохранилась ли в силе наша договоренность о

предоставлении нам возможности беспрепятственно воспользоваться телеграфом?!

— Мы соблюдаем условия соглашения. А потому предлагаю сделать небольшой перерыв для неотложных дел.

— Перекусить бы еще не помешало, господин Троцкий!

— Конечно, генерал. Тем более для того, чтобы вызвать военспецов, мне потребуется некоторое время. Отложим переговоры на завтра, ведь уже вечер. Нам всем требуется время для отдыха.

Иркутск

— Генерал-адъютант Фомин больно оживился, какие-то разговоры тайные ведет. И что характерно — только с монархистами. То с Дитерихсом, то с генералами Лохвицким и Сахаровым по телеграфу или в гарнизоне с офицерами, — Пепеляев затарабанил пальцами по столу.

Смирнов пожал плечами — разговоры, как говорят жандармы, к делу не пришьешь. Да и сам он был монархистом по определению — и сама жизнь от рождения, и долгие годы службы не могли не привить этого. Такие взгляды Михаил Иванович полностью разделял до декабря прошлого года, пока не познакомился с Арчegovым, тогда еще ротмистром.

Тот тоже оказался сторонником монархического принципа, именно его, а не самодержавия как такового. И чем дольше адмирал с ним общался, причем с каждым разом все более откровенно, тем больше прикипал всем сердцем, несмотря на некоторую разницу в возрасте, а может, и благодаря ей. Складывающиеся между ними товарищеские отношения вскоре стали перерастать в дружбу.

Потому адмирал отнесся к словам Пепеляева серьезно, ибо в отличие от генерала прекрасно знал, что все эти новые назначения были сделаны по настоянию военного министра, который провел их руками правительства, оставаясь как бы в стороне.

«Это защита от дурака, Миша. Ты же сам видел, что натворил его братец на троне. И вряд ли хочешь повторения. Мы разрешили ситуацию, более-менее жизнь начала обустраиваться, а им урок не впрок. Мне контрразведчики постоянно докладывают, что среди генералитета откровенные разговоры пошли за самодержавие.

Ратуют за царя, а не понимают самого простого — да передай сейчас мы Мики всю власть, на этом все и закончится. И очень скоро. Половина армии разбежится, ибо воевать за чужие интересы не захочет, а другая половина сибирскими крестьянами оккупантами рассматриваться будет. Потому все монархисты, думающие головой, а не этим самым местом, должны всегда придерживаться принципа, а не фигуры самого царя. Первое не даст ошибиться, а человек слаб. Да, слаб человек, оттого всякие Распутины у престола крутятся, гниль одна!

Да и решать вопросы должен не он один — ошибка монарха фатальна, и тем паче будет более вероятна, если он отнюдь не обладает всеми качествами государственного деятеля. Потому защиту от дурака на троне нужно ставить серьезную!»

— Мы с братом вчера говорили, — голос Пепеляева оторвал адмирала от мыслей об Арчегове, от его сказанных два месяца назад слов в приватном разговоре, и Смирнов встрепенулся.

Брат генерала, Виктор Николаевич, оставался очень значимым лицом в сибирской политической жизни. Глава МВД, он сейчас исполнял обязанности председателя правительства, хорошо знакомые ему еще при Колчаке — он был последним премьер-министром.

— В ГПУ серьезно обеспокоились переброской гвардейских частей, причем не сибирских, в Иркутск. В правительстве это даже вызвало нервное обсуждение. Ведь при Вологодском и

генерале Арчегове его величество даже не затрагивал этот вопрос. Почему? И тем паче сейчас, когда Председатель правительства и военный министр находятся в Москве?! Зачем здесь нужна гвардия, когда на фронте штыков не хватает?!

Смирнов с интересом посмотрел на разгорячившегося генерала. Однако мыслей его он не разделял — переворот со свержением Сибирского правительства представлялся ему делом весьма нереальным, без какой-либо перспективы. И глупым неимоверно. А потому он сам поспешил высказать мнение по этой проблеме:

— Устраивать заматню не просто безумие, а еще довольно бессмысленное занятие, играющее на руку только нашим врагам большевикам. Сейчас и «демократическое» Сибирское правительство, и Михаил Александрович играют свои роли, пусть между ними и имеются определенные противоречия. Но это объединяет наши общие усилия.

Адмирал говорил тихо, решив успокоить своего молодого и разгоряченного собеседника. Да и не видел он сейчас причины для беспокойства. А к чему лишние терзания?!

— Генералы Фомин с Дитерихсом не могут не понимать этого. Да, монархисты составляют значительную часть нашего командного состава, особенно генералитета, но ведь армия в большинстве своем состоит из коренных сибиряков. Наши солдаты могут принять такие монархические идеи весьма неодобрительно, а их проводников за предателей. А такое отношение, как вы сами понимаете, чревато...

— Все это так, Михаил Иванович. Но мне кажется, переворот будет совершен иначе. Смотрите — генерал Дитерихс вывел все части 1-й дивизии из города и приказал мне послезавтра отбыть в Красноярск. Для чего? К чему такая спешка, ведь проводить операцию против партизан сейчас бессмысленно, нужно ждать, пока земля просохнет. Далее — просибирски настроенных частей в городе сейчас нет. Военное училище на стороне царя. Момент более чем удобный...

— Перестаньте тревожиться, Анатолий Николаевич. Оставьте ненужные страхи, — Смирнов тихо рассмеялся, посчитав, что братьями Пепеляевыми овладело беспокойство за свое положение. — Как они вообще смогут повернуть это дело, ведь слова Вологодского и Арчегова весят у нас намного больше. И постоянная связь с ними есть. Правительство и Народное собрание имеют вес. А стоит нашей делегации вернуться из Москвы...

— А я не уверен, что их большевики обратно выпустят!

— С чего вы так решили, Анатолий Николаевич?

Смирнов непроизвольно вздрогнул, машинально задал вопрос и пристально посмотрел на генерала.

— Если с нашей делегацией что-нибудь случится серьезное, то по положению главнокомандующим и главой правительства до созыва Народного собрания станет его величество! Михаил Александрович может и отказаться от созыва народных представителей...

— Если начнется война, — закончил мысль Пепеляева адмирал, — а она неизбежно начнется, ибо мы не простим большевикам гибели нашей делегации...

— Это так, Михаил Иванович. Тем и опасно для нас, — генерал расстегнул карман кителя и вынул листок бумаги с наклеенными поверху телеграфными строчками. — Мне дал эту листовку брат, которому ее передали телеграфом из Татарской жандармы. Издана вчера по приказу командующего графа Келлера, им же и подписана. Прочитайте, ваше превосходительство, надеюсь, вы поймете мои опасения. Она того стоит.

Смирнов вчитался в блеклые буквы, ему стало невыносимо жарко. Так, что адмирал дрожащими пальцами машинально расстегнул верхнюю пуговицу, достал платок и вытер лицо, по которому потекли капли пота. Мысли пронеслись галопом.

«Это же откровенный призыв к всеобщему восстанию. И война... А что будет с

Константином Ивановичем?! Значит, они все рассчитали и выбрали удачный момент. Вот гады, это же хуже предательства, как ножом в спину!» — Михаил Иванович мысленно выругался, стиснул зубы.

— Ваш брат уже обратился к графу? Ее нельзя пускать в обращение! Это же... Я не нахожу слов...

— Уже поздно, ваше превосходительство. Листовка разбросана с аэропланов над Омском и Петропавловском, причем наши пилоты сбили красный «Ньюпор». А час назад мне позвонил генерал Болдырев, попросил прибыть в Генштаб. Я туда немедленно приехал...

— И что?!

Смирнов чуть ли не выкрикнул, потеряв от многозначительной паузы терпение. И встал со стула.

— Наша артиллерия под Омском обстреляла позиции большевиков!

— Это война... — прошептал Смирнов, опускаясь без сил на стул...

Черемхово

— Интересно, для чего нас сдернули?!

Командир 2-го лейб-гвардии сводно-стрелкового полка полковник Федор Мейбом в который раз за долгую дорогу задал себе этот вопрос. Еще бы не задуматься — подняли полк по тревоге, загрузились в эшелоны, и пятидневный марш на Иркутск. Без остановок, только паровозы меняли. И для чего, спрашивается?

Ведь большая часть дивизии с Новониколаевска будет переброшена на Омск, артиллерию и танки уже стали грузить на платформы. Подготовка к решительному наступлению против красных ведется энергично, составами вся «железка» забита, от Черемхова до Татарской.

И лишь в обратном направлении, на восток, к Иркутску двигаются два его отборных, укомплектованных в основном «волжанами», что давно привыкли себя каппелевцами именовать, батальона.

Плюс лейб-егеря, из ижевцев и воткинцев, что были выпестованы самим государем Михаилом Александровичем и прошедшие с ним почти два года войны. Отборные ветераны, против которых мало кто выстоит...

— Для чего мы направлены? Для представительства?!

Полковник усмехнулся — для этого в Иркутск перебросили бы запасные батальоны гвардейской дивизии, но они-то и остались в пунктах постоянной дислокации, в Новониколаевске и Красноярске. А так совсем другой расклад выпадает, совсем другой!

Полковник поднялся с удобного дивана, прошелся по небольшому купе — в эшелоне под штаб определили единственный первоклассный «синий» вагон, два «желтых» вагона отвели офицерам полка, а два десятка «зеленых» занимали солдаты 1-го батальона.

Все ехали с немыслимым в условиях гражданской войны комфортом — никаких тебе теплушек на 40 человек или 8 лошадей, грязных углярок, в которых нижние чины превращались за дорогу в арапов, или открытых платформ, где зуб на зуб от холода не попадал и приходилось постоянно кутаться во что попало, лишь бы хоть немного согреться, так как встречный ветер продирали до костей.

Второй состав, с 3-м батальоном полка, также двигался в пассажирских вагонах, коих от «союзников» осталось в неимоверном количестве. Мейбом раньше и не подозревал, что эти «гости» фактически являлись оккупантами, отобрали лучший вагонный и паровозный парк у «хозяев» и полностью распоряжались им.

И поди отбери назад — чехи сразу зубы скалили, что твои волки. А ведь в восемнадцатом

году «братушки» были совсем другими. Мейбом с ними десятки боев на Волге прошел, плечо к плечу. И как они за год спокойного и сытого стояния в тылу изменились!

Действительно — мародерство быстро и основательно разлагает любую, даже прежде бывшую крепкой дисциплиной, армию. Вот так-то!

Федор посмотрел в окно, присев на диван — ночь стремительно вступала в свои права, но взошедшая луна хорошо освещала станцию, на которой его эшелону придется стоять до утра, поджидая отставший за Тулуном 3-й батальон. Но то, может, и к лучшему, зато ведь в Иркутске они будут сразу же после полудня.

— Господин полковник! Вам срочная телеграмма из Иркутска. От генерал-адъютанта Фомина!

Дверь в купе отворилась, и на пороге встал молодой командир команды связи с листком бумаги в руке.

— Благодарю, можете идти, капитан!

Офицер четко развернулся и прикрыл дверь.

Мейбом развернул сложенный вчетверо листок и впился взглядом в строчки.

— Чудны дела! — Федор еще раз прочитал две строчки предельно лаконичного текста. Теперь ему стала понятной такая невероятная спешка.

— Ну что ж, приказ получен, будем его выполнять!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чтобы козырем судьбу...

(11 мая 1920 года)

Москва

— Храни тебя Господь, сын мой...

Константин истово приложился к кресту, что держал старенький батюшка с печальными глазами и изможденным лицом, прикоснулся губами к его руке и пошел к выходу из церкви, ощущая всей спиной робкие, но пристальные взгляды немногочисленного клира.

И он понимал их тщательно спрятанный испуг и потаенную радость — для них сибиряки явились, словно люди из другого мира, того старого, привычного. С погонами на плечах, что само по себе в Москве для других смертельно опасно...

Выйдя из храма, Арчegov перекрестился на надвратную икону и надел фуражку. Огляделся по сторонам. Следом вышли генерал-майор Степанов, ординарец Гриша Пляскин, единственный, кто щеголял желтыми казачьими лампасами, бывшие с ними на службе трое егерей охраны, державшие в руках даже на заутрене «хлысты».

Светало. Улица была пустынна, но у небольшой церкви царило прямо настоящее столпотворение — полдюжины егерей в темно-зеленой парадной форме с автоматами на изготовку рассыпались полукругом, бдительно зыркая глазами по сторонам.

На той стороне растянулись охранной цепью латыши, в неимоверном количестве — на первый взгляд, хладнокровных прибалтийских парней, этих ландскнехтов революции, было не меньше роты.

Не обошлось и без людей Дзержинского — за храмом и в палисаднике чернели кожаные куртки чекистов. И на десерт большевики перегородили проезд «остинком» — тот грозно уставил свои башенные пулеметы с прикрытыми броневыми листами кожухами «максимов».

— Видите, Иван Петрович, как красные нас блюдут? Думаю, не слабее, чем своего Ленина.

— Даже прихожан в церковь не пускают, — Степанов усмехнулся, поправив фуражку. — Только к чему большевики эдакое представление устроили? Не понимаю! Даже в храм за нами пошли, головы обнажив...

— Только к кресту не подходили, — Арчegov усмехнулся, — а так прямо как истовые православные, молча стояли, даже не переглядывались. И даже лоб исправно крестили.

Генерал припомнил их лицедейство и чуть не сплюнул. И пожелал от всей души — «Лучше бы зеленой себе лбы намазывали!»

— Вас блюли, ваше высокопревосходительство...

— И да, и нет, Иван Петрович, — Константин пожал плечами, прыснув смешком, — видите, что они устроили? Ни малейшей возможности для антикоммунистической пропаганды нам не дают. Комендантский час ввели, время церковной службы сдвинули, чтобы мы со своими погонами и лампасами никому в глаза не попались. И не столько нас охраняли, сколько улицу оцепили да на окна смотрели — где любопытные найдутся?! Чтоб за шкварку их и в свое «гестапо»...

— Последнего названия я ни разу не слышал, Константин Иванович. Однако, наверное, что-то пакостное.

— Хуже некуда, Иван Петрович. Но это так, случайно к слову пришлось. Сейчас меня другое беспокоит. Ведь батюшке бедному потрошение устроят, на предмет моей исповеди!

— Признаюсь честно, но я об этом еще в церкви подумал и решил на исповедь не подходить. Но раз вы пошли, то и я за вами потянулся. Но о военных делах не говорил, само собой разумеется.

Арчegov усмехнулся и еще раз внимательно осмотрелся. Большевики поместили сибирскую делегацию удачно, от Кремля не слишком далеко, но почти на отшибе, район малолюдный.

Большая трехэтажная, порядком запущенная усадьба была приведена в относительный порядок, даже электричество подвели, благо в паре верст высокая кирпичная труба электростанции постоянно дымила.

К зданию примыкал небольшой парк, некогда обнесенный по периметру решеткой. Правда, преграда была не ахти какой — кирпичная кладка во многих местах разрушена, а металлические прутья растащены.

За парком по улице стояла небольшая старинная церквушка, которую представитель Совнаркома широким жестом передал сибирякам на «нужды духовные, вместе со всеми служителями культа, там обретающимися», как он сам выразился с иронической улыбкой.

На другой стороне вытянулись три трехэтажных здания и небольшой дом в два этажа с флигелем, что почти перекрывал улицу, делая тупик. Дом напротив усадьбы заняла охрана из вечно молчаливых латышей, остальные оставили за жильцами.

Правда, насчет флигеля Константин испытывал определенного рода сомнения. Вряд ли чекисты его оставили без «гарнизона» — если поставить там пулемет, лучше станковый, то вся улица окажется под продольным, самым страшным огнем. Тактически важная позиция, ключевая, как для обороны, так и для нападения. Меры по охране делегации «хозяева» приняли самые жесткие — в церковь сибирякам разрешили ходить только ранним утром, а жильцы обязаны были занавесить окна, выходящие на улицу.

Более чем странное распоряжение — стекла обыватели, как показалось, не мыли целую вечность, через грязные разводы разглядеть из квартиры, что происходит на улице, просто невозможно.

Такова характерная примета коммунистического владычества — грязь на окнах и стенах, мусор на улицах. Особенно одолевал последний — Арчegovу казалось, что не убирались вечность. И через пару лет город будет просто погребен под грязным и зловонным завалом.

Странно — но уже к концу марта тот же Иркутск основательно прибрали, да и работа пошла веселая. Стены почистили, разбитые стекла заменили, окна помыли — одни сплошные солнечные зайчики играли. Люди нарядные ходят, лица радостные. Будто на шестьдесят лет история перепрыгнула, в «олимпийский» 1980 год.

И не мудрено — каждый жилой дом или несколько деревянных усадеб обязаны были иметь дворника, отвечавшего за чистоту и порядок. И первый помощник полиции, кстати. А за отсутствие одного полагался такой штраф, что даже очень богатый домохозяин с тягостным кряхтением выплачивать будет, а то и с глубокой тоски задавится, от жабы пупырчатой. Или самолично метлой махать станет и тротуар с мылом мыть...

— Завтра надо будет в церковь Петра Васильевича пригласить и всех наших «штатских». Нечего им в атеизм играть, свое вольномыслие показывать. На этой «карте» и с Троцким сыграть нужно будет, а то они на церковь такие репрессии обрушили, что страшно за будущее становится. Хоть всех святых выноси. Как вы думаете, Константин Иванович?

— Вы правы, Иван Петрович. Я сегодня же поставлю этот вопрос перед Троцким. — Арчegov мысленно выругался, давая сам себе строгий и нелицеприятный выговор.

Ведь генерал Степанов полностью прав, а он совершенно забыл о том, что даже большевики вспомнили, раз для сибирской делегации не только церковь предоставили, но и в некоторых комнатах в усадьбе иконы с лампадками оставили.

«А мы с Вологодским, как дятлы, право слово, клювами прощелкали. Нет, завтра всей делегацией на службу придем, и Михайлова притащу, нечего ему свою революционность демонстрировать. Стоять будем и молиться — а по всей Москве слухи пойдут. И в нашу пользу, несомненно. Да и на время большевики к батюшкам помягче относиться станут — невинность свою перед нами показывая».

Генералы медленно шли мимо ограды, решетка которой была выломана. К великому удивлению Арчегова, внутри запущенного парка шла дорожка, посыпанная песочком, и даже стояли несколько крепких лавок с высокими диванными спинками.

— Никак большевики и на прогулку для нас расщедрились? Лавки явно откуда-то доставлены. И недавно. Прямо на траву.

— Вы наблюдательны, Иван Петрович, — Арчegov с уважением посмотрел на генерала. Глаз-алмаз у Степанова, ему бы не в Генштабе служить, цены бы в спецназе не было.

— А знаете, я сейчас на холодку посижу, подумаю, о чем с Троцким сегодня беседу вести. Покурю здесь немного. Вы уж идите, позавтракайте, а я потом, — Константин улыбнулся, молчаливо извиняясь. Генерал Степанов к курению относился резко негативно, почти как старовер, однако при начальстве терпел, молчаливо, но красноречиво.

Так зачем подчиненного, с которым связывали дружеские отношения, понапрасну обкуривать? Лучше уж одному посидеть, прохладой утра надышаться, на зорьку полюбоваться.

— Гриша, и ты иди, — Арчegov махнул ладонью Пляскину, что застыл рядышком. Казак почти не отходил от него все эти дни.

Генерал дошел до лавки, доски были чистыми — чекисты еще раз продемонстрировали свою предупредительность. Посмотрел по сторонам и усмехнулся, прошептав:

— Надо же, вспомнишь — и вот они, легки на помине.

В парке застыли несколько черных фигур в узнаваемой кожаной униформе. Бдительно охрану несли, везде, где только возможно. Генерал усмехнулся еще раз и уселся на лавку, навалившись на спинку. Достал из кармана коробку папирос и коробок, чиркнул спичкой.

Выдохнул клуб дыма — первая затяжка для него была всегда сладостна. Да и курил он теперь уже намного меньше, чем раньше, о чем не жалел. Дело в том, что военная этика разрешала генералам и офицерам курить только в помещениях, но не на улице, тем паче стоя или на ходу.

Вот только так сидя на лавочке в тенистом парке и можно было покурить, но никак иначе — моветон. Да и жена все чаще и чаще мягко журила его за дурную привычку.

Егеря остановились неподалеку, не приближаясь к генералу, но держали автоматы наготове. Мимо лавки прошел молодой чекист, совсем еще безусый парень, бросил на отдыхающего генерала любопытствующий взгляд.

Так посмотрел, мельком, видно, приказ имел — к военному министру не приближаться. С другой стороны парка появился еще один в кожанке, но смотреть на него Арчegov не стал.

«Пусть ходят, где хотят, — насчет парка мы с ними не договаривались. — Генерал закрыл глаза. — Надо же, никогда не думал, что попаду в столицу, после того как в госпитале отлежал. И прав был и ошибся при этом. На три четверти века. С той войны».

Он вспомнил раскаленный воздух, что обжег его в БМД, как задышался от боли, как горело живое человеческое тело. И голос с тех времен ворвался в его мозг.

— Гвардии майор Ермаков! Разрешите поговорить с вами!

Чужой голос наяву ударил обухом...

Теплый майский ветерок ласкал лицо, соленый морской воздух до сих пор будоражил кровь старого моряка. С высокого мостика линкора «Адмирал Ушаков», флагмана Черноморского флота, вся Ахтиарская бухта и город были как на ладони, мирный город, будто не было шести лет войн и смуты, а вернулось то благословенное время, уже почти забытое.

— Может быть, и вернулось, — адмирал Колчак печально усмехнулся, тонкие губы сжались, — вот только флота у нас нет...

Громады броненосцев, приткнувшиеся к берегу темными коробками ржавеющего металла, бывшие раньше грозною силою, которая гоняла по морю даже «Гебен», резали глаз.

«Прав был фельдмаршал Кутузов, когда сказал, что он даже не вздохнет по англичанам, если узнает, что их проклятый остров уйдет под воду. Трижды прав!»

Колчак хотел выругаться в три боцманских загиба, но не стал, зная, что за ним смотрят десятки матросов и офицеров, занимавшихся своими делами на просторной палубе линкора.

Гнев адмирала был вызван отношением к тем гадостям, что устроили «просвещенные мореплаватели» Черноморскому флоту. Весною прошлого года союзники, среди которых первой скрипкой, как оно водится всегда, играли англичане, бросили Крым на произвол большевиков.

Но потрудились изрядно перед этим — взорвали паровые машины на всех русских броненосцах, крейсерах и миноносцах, на которые не смогли наложить свою загребущую лапу. Из подлости своей — чтоб красные или белые, не важно, флота на Черном море не имели.

Подводные лодки наскоро затопили, выведя их из бухты на буксирах, а самые лучшие корабли, включая новейший линкор, единственный уцелевший из трех построенных, увели как свои трофеи в Константинополь. Заодно всласть пограбили богатые флотские запасы, накопленные за годы войны, а склады боеприпасов взорвали.

Лишь благодаря бешеной энергии вице-адмирала Саблина да верных долгу морских офицеров белые смогли увести в занятый Добровольческой армией Новороссийск крейсер «Генерал Корнилов», пару эсминцев, подводную лодку да десяток мелких судов.

Однако уже осенью лощеные британцы со скрежетом зубовным вернули обратно хозяевам уведенный линкор и другие корабли, но выставили круглый счет «за спасение русского флота».

Адмирал, будучи тогда в Омске, не сдержался и наговорил резкостей британскому послу. Его жгучая ненависть к союзникам, появившаяся в Сибири, здесь, в легендарном городе русской морской славы, еще более укрепилась. Александр Васильевич всем сердцем жаждал сторицей отплатить за перенесенные унижения и обиды.

Вот только сил у истерзанного осколка белой России не было, так же как и могучего флота. Вечным сном застыли лучшие броненосцы: «Три святителя», «Святой Пантелеймон», «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» — и хода дать никогда не смогут, и пушки приведены в негодность. Ремонтировать их накладно, да и не нужно по большому счету. Век броненосцев прошел с появлением дредноутов.

Два более старых броненосца выглядели намного лучше. «Георгий Победоносец» давно, еще до Мировой войны, был лишен шести орудий главного калибра в 12 дюймов, назван штабным кораблем и даже малый ход мог дать. Англичане его из строя не выводили, в расчет не приняли, что русские могут эту рухлядь использовать.

Второй броненосец, «Ростислав», со взорванными паровыми машинами, мог использоваться в качестве плавучей батареи. Его 10-дюймовые пушки британцы посчитали слишком несерьезным оружием, а потому главный калибр броненосца уцелел в отличие от «собратьев».

— Блокив, — прошептал Колчак, прекрасно понимая, что иных функций этот броненосец выполнять просто не может. И посмотрел на вытянутый корпус крейсера «Память Меркурия»,

что до 1907 года «Кагулом» именовался. Тот требовал замены паровых котлов — интервенты до него хоть и добрались, но, слава богу, «трудились» с ленцой. Отремонтировать можно, вот только зачем деньги тратить?!

От современных турбинных крейсеров «старик» уйти не сможет, и отбиться от них ему затруднительно — броневой пояс отсутствует, пушки расстреляны. И в качестве учебного корабля не нужен, в строю имеется его собрат «Адмирал Корнилов», что в прошлом году еще «генералом» был назван. Тот при закладке носил имя «Очаков», но в 1905 году лейтенант Шмидт изменил присяге и поднял на нем красный флаг.

Тогда восстание с немалым трудом подавили, мятежного офицера казнили на острове Березань, а крейсер, сгоревший под обстрелом, несколько лет ремонтировали, переименовав заодно в «Кагул».

И не только его — тот же броненосец «Святой Пантелеймон» в 1905 году именовался «Князь Потемкин-Таврический». Вот там матросня и первую бучу устроила...

— Проклятая революция!

Колчак в гневе ударил ладонью по поручню так, что боль вырвала у адмирала невольный стон, а железо завибрировало.

Москва

От скрипучего противного голоса Константин непроизвольно дернулся и похолодел. Мурашки ледяной волной пробежали по телу — только сейчас до разума дошло, что произнесли его настоящую фамилию, которую он уже порядком подзабыл.

Но Арчegov тут же собрался, сжав нервы в кулак, стараясь сохранить полную неподвижность и невозмутимость, будто не к нему обращались сейчас. И медленно открыл глаза.

На него пристально смотрел человек, чей облик был не просто страшен. Он напомнил Константину Ивановичу образ того самого легендарного Фредди Крюггера из знаменитого «ужастика», который ему довелось посмотреть в свое время. Впрочем, куда там американцу, тот в сторонке нервно курит от зависти.

С лица этого человека будто сдернули всю кожу, содрали одним взмахом могучей длани. Кроваво-красная маска словно застыла, вся в уродливых рубцах, одного глаза нет, зато второй светится прямо нечеловеческим огнем. Изуродовали капитальным образом — алеет красный череп, словно красную шапочку надел.

«Сто против одного, что эту морду я прекрасно знаю по рассказам. Но как его, паразита изрядного, на сторону прямо скособочило», — Арчegov демонстративно мазанул ленивым взглядом, выразил чуточку брезгливой мимикой свое отношение.

Знакомая по рассказам «заклятых друзей» морда, тот еще кадр, мать его за ногу, но вряд ли она была — отборный, достойный дзержинец. И во властную гору хорошо попер, буром, «отличник боевой и политической», как раньше говорили — на кожаной чекистской куртке пламенели на розетках два ордена Боевого Красного Знамени.

Один такой знак редкостен сейчас, а тут сразу парочка в наличии. Да и не у вояки, а у заплечных дел мастера, как в старину говорили про палачей, что в пыточных дневали и ночевали.

— Вы в чинах ориентируетесь, «товарищ»? — Константин медленно, чуть ли не по слогам, усмешливо промолвил, но напуская ледяные нотки в голос. — Хоть немного разбираетесь? Тогда объясню — на мне генеральские погоны, а не штаб-офицерские.

— Конечно, ваше высокопревосходительство, если вам так привычнее. И разрешите

присесть, товарищ гвардии майор! Ведь так к вам совсем недавно обращались? В той «вашей» жизни?

— Вы, наверное, белены объелись, «товарищ»?! Или мухоморов пожевали для вящего удовольствия?! Чую, что перегаром от вас не разит, а потому делаю такое допущение!

— Я хорошо понимаю ваши слова, господин генерал. Я действительно знаю, кто вы есть на самом деле. Хотя в такое очень тяжело поверить. Обычному человеку, но никак не мне. И, судя по такому отношению, вы, Константин Иванович, прекрасно знаете, кто я такой. И Фомин, и его цепной пес... Простите, но так я привык называть Шмайсера. Вам обо мне рассказывали, не могли не поведать. Да и «хлысты» ваши солдаты держат, а ведь это оружие совсем другого времени. Ведь так?

Арчegov промолчал, желания лезть в ловушку у него не возникло. А в голове всплыла знакомая фраза из известного кинофильма про нашего разведчика в черной эсэсовской униформе — «никогда так Штирлиц не был близок к провалу».

— К тому же вы сделали одну маленькую оплошность, господин генерал. Министр Яковлев тот еще интриган, и вы, стремясь заручиться его поддержкой в декабрьские дни, кое-что ему поведали о своем прошлом, вернее, будущем. Немного, но весьма занимательно.

— Вы читали записки убитого эсерами Яковлева?

Арчegov усмехнулся, демонстрируя любопытство. Как он и предполагал, утечка информации произошла, теперь для него стало ясным, кто ее и когда «слил». Осталось только выяснить, зачем это было сделано. И указал рукой на лавку.

— Садитесь, товарищ Мойзес, — Константин сделал упор на первое слово, вкладывая в него совсем иной смысл. Не начала двадцатого века, а его конца. И «валять» дурака дальше ему не следовало — и так все понятно, откуда ветерок дует.

— Не успели мы бумаги те прибрать, слишком поздно узнали и спохватились, а вы смогли перехватить. Жаль, очень жаль. Но что тут поделаешь, — он пожал плечами.

— Такова жизнь, господин генерал. Кто первым встал, тому и штиблеты. Так говорят в бедных еврейских семьях?

Мойзес присел рядышком, но бочком, чтобы видеть собеседника. Лицо чекиста вблизи оказалось таковым, что Константину потребовалась вся его многолетняя, вбитая военной службой выдержка, чтобы оставаться нарочито спокойным. Он даже недрогнувшими пальцами достал еще одну папиросу и неторопливо закурил.

Но собеседнику не предложил — велика честь. Тот это понял, но обиды не выказал — еще чего?! Достал свои папиросы.

— У меня к вам есть несколько вопросов, которые требуют незамедлительных ответов, господин генерал...

— Я вам не подследственный и не нахожусь в камере на Лубянке, любезный Лев Маркович!

— Прошу простить, Константин Иванович, — чекист сразу взял предложенный тон, светясь от доброжелательности, если применимо это слово к этому человеку. — У меня действительно есть к вам разговор, полезный не только нам с вами, но и нашему руководству.

— Меня совершенно не тянет работать на вашего Ленина, Мойзес! Вы, надеюсь, понимаете причины?

— Я имел в виду наше с вами руководство! Вы монархист и сибиряк, я коммунист и русский...

— Хм. Думаю, у вас совсем другая национальность!

— Я не иудей, как вы считаете. Да и в руководстве нашей партии нет иудеев, хотя евреев достаточно, даже много. Если судить по введенной раньше, при царе, процентной норме для

нас. Вы же советских людей национальностью не измеряли. Ведь так?

— Поддели вы меня, товарищ Мойзес. Ну что могу сказать?! Тогда мы с вами сможем договориться, если только те, кто вас послал, имеют определенные возможности и реальную власть.

— Дзержинский вас устроит, Константин Иванович? Надеюсь, вы понимаете, кто он такой?

— Более чем, Лев Маркович.

— У нас очень мало времени. Вас ждет товарищ Троцкий через два часа, а потому...

— Поляки Киев взяли?! Ведь так? Уж больно резко ваш нарком по военным делам реагировал.

— Не буду скрывать — еще позавчера. В Подолии наши части держатся, а вот на Западном направлении в самое ближайшее время начнется мощное наступление поляков на Смоленск — они желают выйти на Днепр по всему его протяжению.

— Хреновы ваши дела, скажу честно и откровенно. Тем более что главные силы Красной армии прикованы к нам. Вы лишены хлеба, осенью начнется голод...

— Вы хотите показать мне ту задницу, в которую угодили большевики? Зря стараетесь, мы ее и так видим!

— Нисколько! Я хочу договориться с вами о том, чтобы все противоборствующие стороны вылезли из нее и занялись каждый своим делом. И хватит нам лить русскую кровь. Ни вы, ни мы от этого ничего не выигрываем. Так что, товарищ Мойзес, и красным и белым пора заниматься другими делами. Совсем другими...

— И какими же?

— Хотите откровенность? — Арчegov усмехнулся и потянулся за очередной папиросой. — Большевизм победить нельзя. Я имею в виду военным путем. Да вы это знаете, Яковлев не мог такое не написать...

Константин пожал плечами, хотя внутри все кипело — ушлому каторжнику-губернатору в свое время он гнал откровенную «дезу», где относительно истинной была только его собственная биография, но и та порядком подкорректированная.

— С интересом прочитал. Очень заняты...

— Тем паче. И знаете, кто я и с какого времени попал сюда. Скажу откровенно, мне бы самому хотелось прочитать, что там наш министр внутренних дел вам намастрячил, до жути интересно.

— Я передам вам записи, Константин Иванович!

— Даже так? К чему такая любезность? Надеюсь, что дадите мне подлинник, а не квинтэссенцию?

— Конечно, зачем нам в малости обманывать друг друга...

— А в большем можно?

— Так это политика. Но и она может быть честной, если договаривающимся сторонам она выгодна.

— Согласен, Лев Маркович. А потому беру быка за рога, нам нельзя терять времени, а ваш Троцкий откровенно «валяет Ваньку», одно по одному талдычит, будто патефон заевший. Надоело до жути, оскмину набило. Может, как-нибудь сменить пластинку?

— Я внимательно вас слушаю, Константин Иванович!

— Мы должны заключить с вами не очередное перемирие, а долгий и взаимовыгодный мир на условиях равного партнерства, скажем так. А сейчас давайте обсудим способы его воплощения...

— Вы, кстати, с заимодавцами дело имели?

— Приходилось в молодости, и весьма часто, Константин Иванович. Было дело...

— Представьте себе, что в бараке живут два родных брата с многочисленными семьями, что люто враждуют друг с другом. До смертоубийства дело доходит. А тут еще раздел отцовского наследства происходит, барак-то этот не на них ведь записан.

— Такое сплошь и рядом происходит. Дело насквозь житейское, обыденное и привычное, — Мойзес хмыкнул, но смотрел цепко, внимательно.

И Арчegov заговорил дальше, усмехнувшись:

— Так вот. Во время одной из склок приходит заимодавец, трясет папашиними расписками, требует своей доли. Но тут один из братцев ему сразу в рыло и орет, что долги эти признавать не будет! И пошла между ними драка, смертно друг друга душат. И что тут делать прикажите второму брату, что тоже в долгах, как в шелках?

— Если заимодавец ему простит долг за спасение от смерти, то брата по затылку лучше шарахнуть чем-нибудь тяжелым!

— В такой ситуации ростовщик что угодно пообещает, вот только долги прощать не будет. Расписки и векселя от горемычного семейства у него самые прибыльные, доход такой получает, что мама не горюй! Так что братца молодцу бить незачем. Ничего ровным счетом не решает, только хуже делает. Не прибыль тогда будет, а сплошной убыток.

— Это почему же?

— Да потому что и братины долги выплачивать придется. Выгоды никакой не просматривается!

— В комнате запереться и ждать, чем дело закончится?

— А смысл? — Арчegov хмыкнул.

— Помочь тогда придушить?

— Совершенно в точку попали. Только не одного его, а всех сразу. Одного прибить мало, векселя-то еще у трех ростовщиков осели. Да и это убийством считаться будет. А вот если всех сразу, до одной кучи? Чтоб никаких кредиторов не осталось?!

— Тогда это будет называться не убийством, а мировой революцией. Я вас правильно понял, Константин Иванович?

— Совершенно верно, Лев Маркович. Нужно только договориться о взаимных гарантиях, чтоб и вам, и нам на душе спокойнее было. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду?

— Конечно, — безмятежно ответил Мойзес, только светящийся нехорошим блеском глаз выдавал его лихорадочное состояние, да и пальцы рук непроизвольно сжались в кулак.

— Только давайте сразу определимся, без обиняков. Нападать на вас мы, то есть сибиряки, не собираемся. Даже если Урал и захватим, то вы нас оттуда скоро вышибите, легко перебросив на Восточный фронт вдвое больше дивизий, чем у нас...

— А что нам помешает договориться с поляками и обрушиться на вас всеми силами?

— Больше двух десятков дивизий вы не сможете задействовать. Никак! Переброска больших сил чрезвычайно затруднительна, железная дорога еле функционирует. Как будете питать операцию в глубину? Тем более что мы выставим, в случае вашей агрессии, такую же по численности армию и легко вышвырнем вас обратно.

— Вы считаете десять своих дивизий равными нашим двадцати? Или даже тридцати?

— Три десятка вы никак не перебросите, пупок развяжется. А два десятка наших дивизий будут легко громить ваши. Причем мы даже мобилизации объявлять не станем. Я думаю, Сахалин стоит возможности скорейшего удвоения нашей армии...

— Вот оно что, — после долгой паузы отозвался Мойзес. — То-то Вологодский так яростно

открещивался от наличия у вас военной конвенции с японцами. Ну что ж, тогда это совершенно меняет дело. Нам теперь следует договориться, благо внесена определенная ясность. Каковы будут ваши предложения, господин генерал?

— До предложений мы дойдем, Лев Маркович. Вначале требования, от которых мы не отступимся ни при каком раскладе. Во-первых, в течение июня вы отводите свои войска из западной части Сибири. На Урал отводите, а не за Tobol. При этом останавливаете подразверстку, которая может вызвать всеобщее крестьянское восстание. И оставляете все материальные ценности, включая паровозы и вагонный парк.

— Господин генерал, можно подумать, что вы являетесь победителем и можете диктовать свои условия!

— Мы этого все равно добьемся, пусть и ценой значительных потерь. А вы потеряете всю свою 5-ю армию. Сами понимаете — грешно не использовать столь выгодную ситуацию.

— А что вы еще хотите?

— Во-вторых: мы требуем вывести ваши дивизии и чекистов с казачьих территорий, немедленно остановить репрессии против казаков. В противном случае вы получите массовое восстание, наподобие Вешенского в прошлом году. Помните, чем оно для вас закончилось? С какими последствиями?! А сибирские дивизии обязательно придут на помощь казакам. И мы пройдем вдоль реки Урал до Каспия.

— Это вряд ли произойдет...

— Будет, Лев Маркович, обязательно будет! Сил для этого у нас хватит. Да и две дивизии оренбургских казаков уже сейчас хотят свести с вами счеты. А остановить вам многочисленную конную массу нечем — она запросто фронт проломит и пойдет поднимать казачьи восстания в вашем глубоком тылу. Недовольных советской властью там много, и они готовы взять в руки оружие. А оно вам надо?

— И вы говорите о партнерских отношениях, занимаясь вульгарным вымогательством?

— Вымогательством вы занимаетесь! Казаки к вам относятся крайне враждебно, так что упреки не по адресу. Скажу прямо — если вы примите эти условия, то приобретете намного больше. Я даже боюсь загадывать сколько. Но задам вопрос, чисто риторический, — Арчegov улыбнулся как можно добродушнее, хотя это было совсем нелегко. — Скажите, что предпочтительней для советской власти — полностью обескровить белых, а заодно ослабеть настолько, что всякие английские, французские и прочие империалисты нас на куски растерзают... Или мировую революцию устроить и всех капиталистов к ногтю взять?!

— Вы рассуждаете как настоящий большевик, господин генерал.

— Так что ответите, товарищ Мойзес?

— Второй вариант для нас намного предпочтительней.

— Тогда задам еще один вопрос — дорога к мировой революции идет через Омск или Екатеринодар? Или через Варшаву на Берлин?

Мойзес ничего не ответил, только кивнул — глаз горел нечеловеческим пламенем.

— В прошлой истории поляки тоже заняли Киев. Но вы их вышвырнули и дошли до Варшавы. В Германии, Венгрии, Австрии вас ждали с нетерпением, там и сейчас тлеют революционные угли, их надо только раздуть хорошо. И полыхнет так, что даже англичане на своем проклятом острове поджарятся. Но тогда не получилось...

— Почему? — Мойзес затрясся, словно в лихорадке, единственное око прямо жгло Арчегова.

— Белые не дали, сами в наступление перешли. И откатилась Красная армия обратно от Вислы чуть ли не до Днепра, только Киев с Минском сохранили. Я говорю правду...

— Я знаю. Есть один способ... — Мойзес наклонил голову, дыхание калеки стало

хриплым.

«Я с тобой буду искренен. Правда, и ничего, кроме правды. Но не всю, а так, дозированно», — Арчegov выдавил из себя улыбку и достал из коробки очередную папиросу. На этот раз он предложил и Мойзесу — тот чиниться не стал, задымил в охотку.

— Я белый, вы красный, мы враги лютые! Но мы русские, прах вас подери, хоть вы и еврей! За вами миллионы русских мужиков, они хотят своей правды. Слишком несправедлив был старый мир! Но и за нами миллионы, у которых своя правда! Истребить вы нас не смогли, а мы вас никогда не сможем! Так зачем нам обливаться кровью, чтобы всякие шакалы нас на куски потом разорвали. Может, хватит?!

— Что вы предлагаете?

— Врежьте по полякам, хорошо ударьте! Так, чтобы до Варшавы и Берлина на одном дыханье дойти! Кто мы для панов? Всегда были сволочью — жида пархатые, варвары русские, хохлы грязные, бульбаши вонючие! Разве не так? Кто веками нас грабил? А для «союзников», что злее и подлее врагов? Я их ненавижу больше, чем вас! Вы, по крайней мере, враги для меня открытые и маски друзей не надеваете. Вы кровь нашу льете не стесняясь, а они нас удавкой душат и с улыбочкой!

— Я понял вас! Сибирь будет держать нейтралитет. Так?

— Нам не нужна война!

— А Деникин? — Мойзес скривил рот в пакостной ухмылке. — Вы дадите гарантии, что он не ударит нас в спину, как в прошлый раз?

— Нет, таких гарантий я не дам!

— Вот видите...

Иркутск

— Да ничего не случится, Сеня! — Шмайсер небрежно похлопал по плечу Семена Федотовича, улыбнулся тому слишком широко, чтобы быть искренним. — Так что не суетись. Не убьют большевики твоего Арчegovа, нет в том нужды. Им совершенно не нужно настолько обострять отношения с нами, пока поляки ведут энергичное наступление на Киев.

— А если они все же поведутся на провокации?! И всю нашу делегацию перестреляют?

— Они не наши, Сеня. Там сплошь «сибирские областники», даже Арчegov с Михайловым.

— Но все же такая вероятность существует?

— Конечно, — пожал плечами Шмайсер, но Фомин, знавший своего молодого приятеля достаточно времени, заподозрил неладное. Слишком нарочитым было для него такое равнодушие.

— Не выдержат давления и «разменяют». Так они, по-моему, о расстреле сейчас говорят?! В «штаб генерала Духонина» всех скопом отправят, в «Могилевскую губернию».

— Даже так? — Фомин заиграл желваками, лицо несколько посерело. — Не хотел бы я такого итога. Очень бы не хотел...

— Ты чего, Сеня, будоражишь и себя и меня? Момент очень удобный с большевиками счета свести. А эти «автономисты», мать их за ногу, нам все путают, все планы ломают. Чего их жалеть-то? Они враги, раз от «великой, единой и неделимой России» отказались!

— Да я не о том, Андрей. Все же наши люди, много сделали, чтоб Сибирь от красных отстоять. А тут такая судьба! Жалко ведь, они еще могут немало полезного совершить...

— А ни хрена! Ты сам ответил, когда про Сибирь сказал. Для нее они, может, и совершат чего-нибудь, но не для России! Врагами они стали, когда всерьез в «областники» перешли.

Шмайсер оскалился волком, глаза недобро полыхнули. Немец последние дни еле

сдерживал возбуждение, постоянно улыбаясь, словно распирала его какая-то радость.

— Заигрались они. А ведь эти игры далеко зайдут, что бы там Арчegov ни говорил. Не верю я ему, он спит и видит, чтоб в своей Сибири первенство себе, родному, обеспечить. К чему ему Россия, когда он здесь первый парень на деревне! А ты тут сопли пускаешь, интеллигентщина одолела, достоевщина. Ты еще на улицу выйди и заори — вяжите меня, православные! Сволочь я, товарища своего «товарищам» сдал!

От едких слов Шмайсера Фомин ежился, словно на ледящем ветру, глядя глазами побитой собаки.

— Ты одно пойми и прими, Сеня. Независимая Сибирь — это мираж, видение пакостное. Без нее Великой России и монархии быть не может. А потому мы должны этот сорняк с корнем выдрать, пока он в рост не пошел и семена не сбросил. На месяц промедлим, и все, хана. А ты и Мики, да вы просто тягомотиной занимаетесь, на порядочность этого казака надеетесь. Тоже мне, нашли спасителя!

Слова Шмайсера словно хлестали плетью, генерал-адъютант вздрагивал всем телом, будто физически ощущал удары.

— Когда это казаки спасителями России были? Разин и Пугачев? А чего далеко ходить, давай возьмем атамана Краснова. Царский генерал, а первым делом что совершил, когда атаманский пернач в руки взял? Да о независимости Дона сказал и кайзеру посольство отправил. А вторым делом? С кубанскими и терскими казаками столкнулся, чтоб свою «Казакию» создать и генералу Деникину укорот сделать. Хорошо, что атаманская затея провалилась, а то «добровольцам» на Москву сходить бы не пришлось...

— Да ладно тебе. На душе просто пакостно...

— А ты дурью и самобичеванием не майся. Сделанного не воротишь. И вообще, поехали на ту сторону, эшелоны с гвардией пришли. Ждать недолго осталось. Денек нынешний дадим на обустройство, завтра их погоняем и морально подготовим. А послезавтра...

Москва

— Такие гарантии дать можете только вы! Я имею в виду ваш Совнарком. И никто иной!

От удивления чекист чуть ли не подскочил на лавке — глаз вытаращился от изумления. Потребовалось добрая минута, чтобы Мойзес обмозговал сказанное и хрипло спросил:

— Растолкуйте, я что-то вас не понимаю.

— Вы карту юга представляете хорошо? Географию знаете?

— В определенных пределах, — ответ был осторожным.

— В Каспий впадает Волга, в Азовское море Дон. Треугольник получается, не миновав который на Москву не пойдешь. Так ведь?

Мойзес кивнул в ответ, слушая с нарастающим напряжением так, что стал громко сопеть носом.

— Если вы незамедлительно признаете за казачеством юга России право на самостоятельность, как народа, то полностью обеспечите себе тыл. Казакам война с вами не нужна, они хотят жить спокойно. А потому казачий буфер нужно создавать немедленно, не теряя и дня.

— Но Деникин...

— А что Деникин?! Две трети, если не три четверти его армии составляют казаки. Он что, с ними войнушку начнет? Пупок развяжется! Единственное место, где можно начать ему воевать с вами, так это Крым. Но ведь перешейки незатруднительно блокировать с двух сторон. Да и вообще — разве можно обеспечивать операции через бутылочное горлышко при полном

отсутствии местных ресурсов?!

— Ваше предложение, конечно, очень интересное, — задумчиво протянул Мойзес. — Но где же подвох?

— Вы это о чем? Какой подвох?

— А вот сейчас вы не искренне ответили, генерал.

— Хорошо, — Арчegov чуть наклонился, почти толкнув плечом Мойзеса. — Отвечу вам честно — как только вы дадите гарантии казакам, вы полностью обеспечите свой тыл. Но...

— Что но?

— Но в будущем, если вы пожелаете распространить на юге совдепию, заплачете кровавыми слезами. За полгода казаки вкусят мирной жизни, а наше золото сделает ее более привлекательной. И как только вы нападете — мы вас извалтаем беспощадно. У нас будет кадровая армия, опытное командование, достаточно военно-технических ресурсов, завершено перевооружение. За полгода много воды утечет. А если не нападете, то и мы, и вы в выигрыше — нам платить не надо будет, ибо вы наших кредиторов вырежете. Это наше обязательное условие, и, надеюсь, вы разделяете его, несмотря на некоторый цинизм сказанного.

— В политике нет цинизма, а есть здоровое восприятие, — Мойзес ответил с некоторым почтением. Даже глаз стал блестеть иначе. — Вы сможете мне ответить на один вопрос?

— Задавайте! Отвечу честно, но есть некоторые моменты...

— У меня вопрос личного характера, тайны вашего Генштаба не нужны, — чекист усмехнулся, но заговорил вкрадчиво: — Вы монархист, но, тем не менее, предлагаете нам такое, что в голову не укладывается! А как же «единая и неделимая»? «Царствуй над нами»? Почему вы так делаете?!

Мойзес буквально выплевывал из себя последние слова, словно боялся, что ему заткнут рот.

— Я не могу поверить в это, но я знаю! Да, я знаю, что вы мне сейчас не солгали! Почему?!

— Я монархист, это верно. Но это не значит, что я сторонник самодержавия! Вы разницу в этих словах улавливаете? Я не желаю, чтобы всякие генералы и помещики, что Россию просрали, снова балом заправляли. «Единая и неделимая»? Хм...

Арчegov остановился, его лицо исказила такая гримаса нечеловеческой ярости, что Мойзеса пробрало, хотя тот видал виды. На всякий случай чекист чуть отодвинулся — он умел различать фальшивость, но тут наигранности не было ни на йоту.

Генерал на самом деле пришел в бешенство, злоба клокотала со свирепостью вулкана.

— Где вы ее видели?! Есть красная Россия, есть белая, есть множество народов, что получили свою государственность. А они желают их всех в кучу согнать и себя во главу поставить?! Хрен им во всю морду! Я не желаю воевать за их усадьбы и заводы! Да и ни к чему доброму это не приведет — народ, который вкусил свободы, поставить на колени невозможно! А они этого не понимают, уроды, и не поймут сейчас! Вот только когда их из России пинком вышибить, вот тогда, может быть, хоть что-то в их куриных мозгах появится. Кретины! История их ничему не научила!!!

Арчegov говорил возбужденно, сжимая кулаки. Потом он схватил Мойзеса за плечо — тот ойкнул, и генерал тут же разжал пальцы. Но говорил веско и четко, будто приказ отдавал. И не отводил свой свирепый взор, буквально впился им в обезображенное лицо чекиста.

— И вы еще одно запомните — нас тоже победить нельзя! Я казак — а мы от рождения не знали рабства. Нам легче погибнуть. Надеюсь, что ваши в Кремле это понимают?!

— Да, Константин Иванович. Ваши предложения я немедленно передам кому следует. И еще одно, — Мойзес замялся на секунду, но, вскинув голову, продолжил звонким голосом: — Сейчас мы союзники, в этом я теперь полностью уверен. Пусть и временные. А потому должен вас предупредить — в Сибири давно зреет монархический заговор. Переворот намечен на

ближайшие дни. Вас и Вологодского ждет смерть...

— Доказательства есть?!

Арчegov впился глазами в чекиста, положив ладонь тому на колено. Пальцы так сжались, что Мойзес поморщился от боли.

— Вы не можете связаться с Иркутском по телеграфу потому, что ваша артиллерия разрушила линию. Наши парламентареры были отогнаны пулеметным огнем. Более того — из Новониколаевска на восток переброшен гвардейский полк полковника Мейбома и батальон лейб-егерей, но всех сибиряков и казаков оставили на месте. Сегодня-завтра эшелоны уже будут в Иркутске. Есть еще данные...

— Даже так... Не знал, но чувствовал, — голос Арчегова помертвел, и Мойзес увидел, как генерал посерел лицом. Но тут же спросил, скрипнув зубами, словно от боли: — Вы сможете отправить несколько радиogramм в Севастополь и в Париж? Это нужно сделать немедленно! И срочные телеграммы в Китай и Японию. Поможете?!

— Товарищ Дзержинский уже отдал нужные распоряжения. Нам не следует терять время, генерал!

Севастополь

Колчак пристально смотрел на пламенеющий закат. Дурное настроение, что овладело им сегодня утром, исчезло бесследно. Нет, русский флот был жив, в этом он убедился за сегодняшний день еще раз.

И пусть не тот, что был раньше, три года тому назад, когда он вступил в командование Черноморским флотом, но даже такой он представлял собою реальную боевую силу, с которой врагам придется считаться.

С мостика «Гeоргия Победоносца», с которого адмирал летом 1917 года бросил свою «золотую» саблю в море, дабы она не попала в загребушие лапы революционизированных матросов, Александр Васильевич с нескрываемым удовольствием вглядывался в хищные силуэты готовых к боям и походам кораблей.

Главный козырь представлял линкор «Адмирал Ушаков», за свою недолгую трехлетнюю жизнь сменивший три имени. Он был заложен как «Император Александр III», вошел в строй как «Воля», переименованный на революционной волне, а возвращенный англичанами, получил имя одного из зачинателей белого движения — «Генерал Алексеев».

Колчак сразу по прибытии в Севастополь настоял, чтобы линкору дали другое имя, которое будет ласкать душу и гордость каждого моряка. Великий русский флотоводец, с именем которого связаны самые громкие победы русского флота, адмирал Федор Федорович Ушаков подходил для того как нельзя лучше.

Он был и одним из основателей Черноморского флота, и его командующим. Тем более в русском флоте броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков» героически погиб в Цусимском проливе, но не спустил перед врагом Андреевский флаг, презрев собственную участь.

С Деникиным состоялся тяжелый разговор, но, в конце концов, генерал уступил, сказав, что не станет вмешиваться во флотские дела, и дал «добро» на все реформы и переименования.

Сегодня адмирал осматривал злосчастный линкор «Императрица Мария», что взорвался в бухте три года назад. Что это было — несчастный случай, халатность экипажа или вражеская диверсия, так и не установили ни тогда, ни сейчас.

Он про себя решил, что второй линкор флоту необходим. И был выбор — или достроить готовый на три четверти «Император Николай I», стоящий на стапеле в Николаеве, используя

механизмы и вооружение «Императрицы», или, наоборот, восстановить последний корабль, используя элементы первого линкора.

Дело вполне посильное, вот только Николаевские верфи в руках большевиков, а мощности Севастопольского морского завода далеко не те, чтоб капитально отремонтировать и тем более построить линкор. Хотя выход из положения имелся — в Новороссийск было эвакуировано оборудование Ревельского завода, что сейчас было бесхозным.

Но слишком опасна тамошняя «бора», резкий, внезапно срывающийся с гор сильный ветер, особенно зимой. И потому он решил перевезти все в Севастополь и увеличить мощности местного морского завода. Но время, время! На строительство уйдет не меньше года и уйма средств, которые, впрочем, имелись.

Колчак вместе с чином полного адмирала, дарованного государем Михаилом Александровичем, получил от Сибирского правительства пятьдесят миллионов рублей, половина из которых была загружена в трюм «Орла» в тяжелых ящиках — золотыми слитками и монетами. Эти деньги флот не получил бы никогда, но они были буквально выбиты для него молодым военным министром Арчеговым.

— Я знаю, кто он такой, знаю, — прошептал Александр Васильевич, вдыхая полной грудью соленый морской воздух.

Теперь он действительно знал все, получив очень откровенное письмо от Миши Смирнова, своего старинного друга. И представил, как февральской ночью его самого вывели чекисты к проруби в устье реки Ушаковки, что впадает в Ангару, и дали залп...

Москва

— Насчет гарантий, что предлагает Сибирское правительство, нам все ясно. Товарищ Мойзес хорошо изложил свой разговор с военным министром! Ведь так, Лев Давыдович?

— Да, Владимир Ильич!

Троцкий ответил как можно дружелюбнее, хотя внутри все клокотало от сдерживаемого бешенства. Целый день он распинаясь перед Вологодским и Арчеговым, кружева плел и дурачил, а этот поляк за его спиной все тихонько обделал. И молчком.

Нет, он еще вчера заподозрил, что дело нечисто, когда генерал фразы Старика произнес, что тот на днях сказал. Словно о чем-то намекал ему, а он тогда удивился, но не придал тому значения.

Сам Ильич вне подозрения, как жена Цезаря, а вот хитромудрый Феликс прокололся. Недаром говорят, что шила в мешке не утаить. За его спиной интригуется и переговоры с сибиряками ведет. Старая сволочь!

С Арчеговым стоит переговорить наедине, тот явно хочет что-то важное предложить. И выразительно намекает на это. Генерал молод и горяч и Феликса явно не любит, при виде чекистов его прямо корежит. На этом стоит сыграть, доверие за доверие...

— С гарантиями понятно, они обоснованны, но вот насчет Деникина? На такое он не пойдет! Да и сама идея «Казакии», за которую так ратует генерал Арчegov, для него на дух непереносима.

— Зато для нас полезна, Лев Давыдович! Еще как полезна. Военный министр Сибири, целый генерал-адъютант их царька, и надо же столь горячо выступать за отказ от «единой и неделимой»?! Мне на Россию наплевать, я большевик! — Ленин хмыкнул — когда-то сказанная хлесткая фраза вновь пришла ему на ум, и он ее с удовольствием, прямо смакованием повторил. — И когда с такой же мыслью выступает белый генерал, то он наш союзник, и никак не меньше. Его не нужно убеждать, он сам все за нас сделает! Как ловко придумал с казачьими

«буферами»! Вы уж с ним поласковой, Лев Давыдович, это ж наш человек, настоящий большевик, хоть партийный билет ему сейчас выписывай!

Троцкий выдавил из себя улыбку, поддерживая ленинское ерничество, весьма далекую от искреннего смеха. Так вождь относился ко всем тем, кого называл «попутчиками революции».

— А потому вы, батенька, постарайтесь выбить сегодня из сибиряков надежное обязательство. Именно так, и никак иначе, чтобы они немедленно прекратили любую помощь югу, особенно золотом. Без этого режим беляков на Кавказе обречен. Ведь так, Феликс Эдмундович?

— Я согласен с вами, Владимир Ильич. Но этого мало — Сибирь далека, а у Деникина руки развязаны.

— Так связать их надобно, и хорошенько. Что нам стоит признать за казаками самостоятельность, раз на этом настаивает военный министр? Ровным счетом ничего! Зато мы такой козырь выьем, куда там тузу, и раздрай внесем. И армию беляков вдвое уменьшим...

— Втрое, Владимир Ильич, — произвольно поправил вождя Троцкий, удивившись, откуда тот знаком с карточной игрой. — Донские и кубанские казаки составляют две трети вооруженных сил на юге России, если не больше. И это без учета терских, уральских и прочих казачеств.

— Вот и прекрасно! — вождь потер в возбуждении руки, пробежавшись по кабинету.

Настроение у Ленина от таких радостных известий было превосходным, и Троцкий прекрасно понимал отчего — путь на Берлин, к мировой революции, идет через Варшаву, а не через Екатеринодар или Омск. Тем более если за Иртышом и Обью могут появиться японцы, война с которыми крайне нежелательна.

— Если мы немедленно выведем казаков из войны, да еще дадим им таких атаманов, что на дух генерала Деникина не переваривают, то обеспечим этим самую надежную гарантию. Хм... Арчegov ведь сам из казаков? Тогда понятно...

Вождь пробежался снова по кабинету, потирая ладошки в лихорадочном возбуждении. Потоптался по ковру, как стреноженный мерин.

— Нет, определенно, генерал наш человек! А этот, как его... Товарищ Миронов, где сейчас? Еще одна прекрасная кандидатура, ведь он, как я помню, тоже вроде из казаков?

— Донской казак, Владимир Ильич. Арчegov иркутский, а родом из терских! Но ведь белые казаки никогда не согласятся на атаманство Миронова, он для них полностью неприемлем!

— А может, нам следует предложить генерала Краснова? Того, что на Пулковские высоты наступал, а на следующий год «независимую» Донскую республику учредил.

Дзержинский взглядом голодного удава задумчиво посмотрел на Троцкого, а того от этого порядком передернуло.

Лев Давыдович только что сам хотел предложить кандидатуру бывшего атамана, ярого германофила, большого ненавистника генерала Деникина, но его опередили.

И кто?! Янек, чтоб его!

— Краснова?! Чудесная кандидатура!

На губах Ленина заплясала ехидная улыбка. Он прошелся еще раз по кабинету, что-то обдумывая. Троцкий и Дзержинский застыли в ожидании, они хорошо знали Старика — когда тот так улыбается, то следует держать ухо востро.

— А потому, Лев Давыдович, вы должны сегодня же урегулировать этот вопрос с генералом Арчegovым. И стойте намертво — никого другого мы на посту атамана не потерпим. И требуйте гарантий, обязательно требуйте. Настойчиво!

— Я понял, Владимир Ильич.

— Уступайте в малом, не торгуйтесь. Но в главном стойте непоколебимо. Момент очень

удачный, поляки заняли Киев. Как сейчас ненавидят их белые, вы только представьте?! Грех не воспользоваться взаимной ненавистью наших врагов! И мы превратим это поражение в победу, ведь Деникину, в отличие от сибиряков, расчленение России не по нутру. Да и те тоже, по большому счету, противники интервентов, хоть чехов, хоть Польши. А потому они будут выполнять договоренности, ибо в их глазах поляки исконные враги и оккупанты. И нам стоит немедленно воспользоваться этим. Один сильный удар, и мы в Варшаве!

Троцкий с восхищением посмотрел на Ленина — «Ох, рано сбрасывать его со счетов, ох, рано!»

— А сибиряки и казаки не дадут Деникину возможность ударить нас в спину. Полгода более чем достаточно, особенно сейчас, когда один день неделе равен. А уж после Варшавы...

— А что будет после взятия Варшавы?

Дзержинский первым не выдержал длительной и многозначительной паузы, взятой вождем.

— Вместе с германским пролетариатом мы непобедимы. Вот тогда и наступит очередь и Кавказа, и Сибири. Пусть они сейчас успокоятся, посчитают, что мы от них отступились.

Стремительным и хищным тигром прошелся по комнате изменившийся до неузнаваемости за мгновение вождь диктатуры пролетариата, словно сам к броску изготовился.

— Бить врага нужно внезапно, и всей силою, чтобы он не успел отпор дать. А мы, большевики, можем отказаться от любого соглашения, если оно идет вразрез с интересами мировой революции! Так будет всегда, иначе мы не победим!

Ленин торжествующе посмотрел на соратников и засмеялся, взмахнув рукой в жесте победителя...

Севастополь

Адмирал Колчак помотал головой, отгоняя видение своего собственного тела, истерзанного пулями, и сосредоточился на делах флотских. А они радовали сердце.

В январе из Николаева и Одессы удалось увести все недостроенные корабли, с высокой степенью готовности. Первым из них был легкий турбинный крейсер «Адмирал Нахимов», на котором осталось только смонтировать загруженные механизмы и установить артиллерию. Работы на год, не больше, но на обустроенном заводе.

Рядом с крейсером стояли два эсминца «Занте» и «Цериго» знаменитой «ушаковской» серии, названной так в честь побед легендарного флотоводца. Их старшие собраты — «Гаджибей», «Фиодониси» и «Калиакрия» были затоплены в Новороссийске, а «Керчь» в Туапсе, чтобы не быть выданными немцам, когда те заняли Севастополь.

Их страшную участь разделил и линкор «Екатерина Великая», флагман флота, также переименованный в революцию, и полдюжины старых угольных эсминцев.

— «Свободная Россия», — пробормотал адмирал, припомнив то название, — какая похабель!

И в который раз мысленно выругался по адресу большевиков, что выполнили заказ «союзников», вольно или невольно приложив руки к уничтожению русского флота.

Если бы не это, то сейчас на рейде стоял бы еще один линкор с парочкой дивизионов новых турбинных эсминцев. Да и «угольщики» были совсем не старые...

Но что было, то было, ничего здесь не поделаешь. Сейчас на флоте ударной силою являлись «новики» — прекрасные турбинные эсминцы, пусть и изрядно потрепанные затяжной шестилетней войной и революцией. Если их по одному ставить на ремонт, то флот будет иметь пять эскадренных миноносцев, очень быстрых, как и их прародитель «Новик», на палубу которого Колчак вступал не раз.

Восстановить линкор, достроить крейсер, двух «ушаковцев» и «Быстрого», что потерпел аварию на камнях и до сих пор не отремонтирован, тогда флот будет иметь по бригаде линкоров и крейсеров, и мощную минную дивизию, способные полностью господствовать на Черном море. И против которых турки вместе с румынами бессильны что-либо предпринять. Да и с «союзной» эскадрой можно справиться или, по крайней мере, существенный ущерб ей нанести.

Тем более флот имел серьезное оружие даже против линейных сил, что продемонстрировали германцы в прошлую войну. В строю были четыре подводные лодки, из которых три «Барса» — «Буревестник», «Утка» и «Тюлень», и одна «АГ».

Еще три «Барса» увели из Николаева. «Гагару» и «Орлана» в высокой степени готовности, они могли быть достроены в самое ближайшее время, а «Нерпу» с ремонта.

Из затопленных англичанами на рейде дюжины подлодок адмирал надеялся поднять и восстановить хоть парочку. По крайней мере, специалисты заверяли, что такой подъем возможен.

Но ведь это еще не все — флот имел на ходу четыре угольных эсминца старого типа, оборудованных паровыми машинами. Можно было отремонтировать еще несколько, но опять вставал вопрос — зачем впустую тратить средства на заведомо устаревшие корабли? Впрочем, если отправить на Дальний Восток «Капитана Сакена» и пару эсминцев типа «Живой», то придется отремонтировать им замену.

Имелся и крейсер «Алмаз», небронированная яхта, что прошел через горнило Цусимы и добрался до Владивостока. На Черном море он был переоборудован в гидроавиатранспорт, в качестве которого и провел всю войну с германцами и турками.

Сейчас бывший крейсер снова был готов принять на борт аэропланы — на днях в Севастополь придет транспорт, что привезет летающие лодки и несколько самолетов-торпедоносцев.

— А ведь вы правы, генерал, — Колчак припомнил строчки из письма Арчегова, подтвержденные и разговорами с Михаилом Смирновым. Новое оружие, если его правильно применить, принесет серьезные потери любому вражескому флоту, что вздумает похозяйничать в Черном море. Действительно, новые времена наступают, и есть чем найти замену дорогостоящим линейным кораблям.

Ведь не важно, получит ли враг снаряд с «Ушакова», или в него попадет торпеда, сброшенная летающей этажеркой. В последнем случае попадание даже для «Куин Элизабет» может оказаться фатальным, что англичане и продемонстрировали на собственных учениях. Потому и молчат, ибо на море появился новый грозный враг.

Адмирал еще раз посмотрел на пламенеющее небо, на изящные и грозные силуэты русских кораблей и тихо прошептал:

— Ничего вы не сделаете, господа «союзники». Русский флот возродится, как Феникс из пепла, расправив крылья...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Отчего весною бьют в «десятку» пули

(12 мая 1920 года)

Москва

— Тяжелый разговор, очень тяжелый...

Арчegov вытряхнул из коробки папиросу, смял картонный мундштук. Затем чиркнул спичкой и закурил, глубоко затянувшись, выдохнул клубок дыма, прикрыв глаза от удовольствия.

Вологодский молчал, глядя на землистое лицо своего молодого друга. Генерал вымотался полностью, без остатка, как говорится — «выложился».

Переговоры с Троцким завершились за полночь, но, Петр Васильевич просто чуял, были весьма успешными, иначе военный министр был бы хмурым. А тут на губах иной раз появлялась улыбка, как бывает у любого уставшего человека после успешно выполненного дела.

— И как вам Троцкий?

— Договорились мы с «иудушкой». Вначале сцепились, как два голодных пса из-за одной кости, я его даже хотел головкой об стол приложить, настолько он меня достал. Опосля стали торговаться, как хохол с евреем за кусок сала на колхозном рынке...

— «Колхозном»? А что это такое?

Арчegov закричал — этот привычный для него «новояз» здесь был неизвестен, а потому нужно было выкручиваться в очередной раз, что он часто делал, благо не впервые попадал в такие вот щекотливые ситуации. И будет дальше попадать, ибо очень трудно себя контролировать, когда хронически не высыпaeшьсeя да еще устаешь, как цуцик.

А Троцкий тот еще полемист, все извилины заплетет, все нервы на кулак наматает. С таким необходимо постоянно держать ухо востро, в тонусе, «на взводе», как говорят.

Любое слово, каждый жест жизненно необходимо контролировать. А потом идет «откат», как сейчас, когда можно расслабиться, со старшим по возрасту, в отцы годится, другом поговорить. Вот тут-то и допускаешь ляпы, но что делать?

— Большевики сейчас госхозы и совхозы пытаются создавать, правда ничего не выходит.

— Я про это слышал, Константин Иванович. Весьма неэффективная замена капиталистическому помещичьему хозяйству, имеющему крупную товарную направленность в производстве зерна...

«Ни хрена как курчаво выражается господин присяжной поверенный. Я думал, что так только партийные кадры в мое время глаголить могут, ан нет!» — Арчegov мысленно усмехнулся и, припомнив Высоцкого, промурлыкал без слов: — «Стукнул раз, специалист, видно по нему».

— Так вот, Петр Васильевич, о колхозах они сейчас замыслили. Сокращенный термин от коллективного хозяйства. Когда все крестьяне объединяются в большой кооператив, где в совместном владении пашни, покосы, пастбища, домашняя скотина...

— Не может быть! — Вологодский даже привстал с кресла. — Они ж на корню хозяйство развалят. Ведь сколько мужиков, столько и мнений. Хотя нет — если они поставят управителя, то будут иметь возможность отбирать зерно и хлеб в одном месте, а не в отдельно взятом крестьянском хозяйстве. Весьма разумная мера, если они желают не изменять подразверстку как таковую и которая уже вызывает всеобщую ненависть селян. И насчет колхозного рынка

понятно. Смешно.

Арчegov от изумления чуть ли не захлопал ртом как рыба. Вологодский его продолжал удивлять раз за разом. Тот умел делать удивительно точные выводы, редкостное умение, напрямую зависящее от знания логики, что в советское время не очень-то поощрялось, а сам курс логики формализовали так, что теорию, может, и вытянешь, но вот только прикладных навыков на этом не получишь.

— Впрочем, обобществлять они хотят все, даже женщин и семьи, вот только вряд ли у них выйдет так надругаться и над людьми, и над бытием, — председатель правительства отпил чая из чашки и задумался, собрав морщинами свой высокий лоб.

Арчegov хмыкнул — он знал, что большевики попробовали провести два года тому назад социализацию женщин в Самаре и некоторых других городах. Поступили просто — объявили всех лиц женского пола от 18 до 35 лет, имеющих не более двух детей, в общественном пользовании на принудительной основе.

Каждый индивид мужского пола мог воспользоваться услугами один раз в месяц от конкретной женщины по определенной Советом таксе. Муж тоже имел определенные льготы — он мог пользоваться своей женой вне очереди раз в неделю.

В случае беременности женщина получала от Совета «выходное пособие» и за два месяца до родов освобождалась от выполнения «общественных обязанностей». Родившийся ребенок должен был являться общенародным достоянием и передаваться на воспитание в детский дом.

«Реформу» начали с истинно революционным энтузиазмом, но вскоре закончили — население восстало и с нескрываемой радостью встретило подходивших к Волге чехов.

Второй результат принес массовый всплеск венерических заболеваний, особенно пагубного неизлечимого сифилиса, что сильно озаботило большевистских заправил.

И тогда в Совнаркоме опомнились и, как водится, стали искать крайних. Списали все на революционный порыв масс, благо на это можно перевести что угодно.

А Ленин с компашкой решили больше всеобщую социализацию баб-с не устраивать, хотя для себя сделали исключение — ведь революция несет и права. За что боролись?!

В той же Москве в широком ходу был совдеповский «новояз» — «содкомка». Переводится как «содержанка комиссара», которые плодотворно трудились на своих начальников не только за пишущими машинками, но и на постельном фронте, получая за сие жирный совнаркомовский паек.

Заместитель Троцкого Склянский аж трех «содкомков» имел на иждивении, и прочие себя тоже не ограничивали. Зато народ дал этому термину еще другое объяснение, что от гнусно прославленного в Библии города Содомы идет.

Раз за разом в этой Москве Константин открывал для себя все новые и новые факты. В советской литературе часто писалось, что народные комиссары падали в обмороки и пухли от голода. Ну, если они и пухли, то далеко не от голода, а совсем от другого.

Троцкий угощал его в Кремле как Лукулл, и даже пожаловался, что икра ему поперек горла уже стоит. Мол, он всю революцию на этой кетовой и осетровой икре сидит, надоела она ему хуже горькой редьки.

Увесистые пакеты ежедневных совнаркомовских пайков вызвали у скромного Вологодского такой тихий ужас, что он категорически отказался принимать их.

Эта наглость рвачества демонстрировало как нельзя лучше мораль новых властителей несчастной страны — нравственно все, что служит победе революции, с которой они почему-то отождествляли только себя. А раз нужно и можно, то так и будет...

— Константин Иванович, я с нетерпением жду.

Голос Вологодского вывел Арчegovа из полусонных размышлений, он с трудом очнулся,

тряхнул головой, прогоняя дремоту.

— Что вы решили с Троцким?

— Казачьи «буфера» будут созданы. Гарантии мы даем следующие — наши войска, как и «деникинцы», входить на территории казачьих автономий не будут. Там остаются наблюдатели за этой договоренностью из краскомов. В Западной Сибири мы можем держать только три дивизии, формирование которых идет из местных уроженцев. И мы, и Деникин переводим армии на режим мирного времени, проводим демобилизацию. Но количество офицеров и добровольцев не нормируется. Это касается и флота. Наши офицеры имеют право находиться на их стороне, в приграничной полосе до 50 верст, и наблюдать за перемещениями частей Красной армии, численность которых будет оговорена. Но не больше, чем донских, оренбургских и яицких казаков, а также западносибирских формирований.

— Это все ваши договоренности?

— Нет. Мы должны обеспечить поставку хлеба. Троцкий потребовал 20 миллионов пудов, я предложил только пять, и то как помощь голодающим, и чтоб об этом оповестила вся советская пресса. Так что вам завтра придется торговаться, не давать же им зерно в том объеме, который они наложили своей продрозверсткой на наших крестьян.

— А еще что потребовали большевики? — Вологодский задумчиво посмотрел на военного министра. — Ведь есть такое?!

— Да, есть, — неохотно произнес Арчegov. — Я отбивался, как мог, но Троцкий зажал меня. Да еще обвинил, что я не русский патриот и не хочу помочь русским же мужикам в борьбе с польскими интервентами. Пришлось согласиться, хотя и сжав зубы.

— Слишком много потребовал?

— Двести отремонтированных паровозов и пять тысяч вагонов для переброски войск против поляков.

— Ох!

— Сам знаю, что очень много, а потому уперся — предложил полсотни паровозов и всего одну тысячу вагонов. Вы уж завтра поторгуйтесь с ним хорошо, добавьте чуток, но дать не больше половины от запрошенного. Слишком жирно. Он и золотом империи предложил с ними поделиться. Но я его отбрил, сказав, что бывшие у большевиков более трехсот миллионов рублей звонкой монетой они кайзеру сами отдали. А мы сохранили, а потому нечего на наш каравай рот разевать!

— Правильно поступили, Константин Иванович! Золото мы им ни за что не отдадим!

— И еще одно: придется им теперь помочь и оружием. От поставки боеприпасов я кое-как отлалялся, сказал, что у самих острая нехватка. И от обмундирования и снаряжения. Но он меня подловил, сукин сын, простите за грубое слово.

— Ничего, я вчера о нем думал такими ругательными словами, что даже самому нехорошо стало!

— Отдадим все вооружение — винтовки, пушки, пулеметы, что имеют наше, русское происхождение. И под наши трехлинейные патроны. Мы же на японское оружие сейчас переходим. Но жалко отдавать, мы бы его генералу Деникину перевезли...

— Что жалеть-то! А я хочу выразить вам благодарность за хорошо проведенную встречу. У меня прямо камень с души упал. И прошу вас пойти поспать пару часов. Скоро в церковь идти.

— Хорошо, Петр Васильевич. На утреннюю службу, надеюсь, все наши придут?

— Да, Константин Иванович, я настрого попросил всех там обязательно присутствовать. Дело-то политическое!

Арчegov перекрестился, глядя на строгий лик Спаса. Служба завершалась, на душе впервые стало спокойно. Он никогда не представлял, что церковное пение может так взять за сердце.

Нет, вера не пустой звук, и жить без нее никак нельзя. Рано или поздно, ибо кто знает из солдат, когда наступит его черед положить свой живот на алтарь Отечества, но всем им придется дать свой отчет на Суде строгим и беспристрастным.

Что ты сделал для блага Родины, для людей, ее населяющих?! И не поможет ложь, ни жалкие попытки оправдания собственных пороков, мол, я не виноват, а все такие, и жизнь такая!

Только сейчас он представил весь ужас, который несут народу большевики. В свое время их деяния оправдывались высшей целью, вот только молчали, когда речь заходила о средствах, коими эти якобы благие цели достигались. И хуже того, лаяли, как шавки, злобно, задыхаясь от ненависти, когда им показывали их же дела сотворенные, в невинной крови замешанные и на адской злобе.

Нет, убийцы и мерзавцы, и их красненькие последыши очень не любят признавать свои гнусные преступления. А без покаяния нет и прощения, а значит, милосердия.

Превратить церкви в конюшни и отхожие места они могут, перестрелять и замучить батюшек без жалости, поставить памятники Иуде и Каину, надругаться над семьей и изbleвать веру — большевики сейчас это все делают не скрываясь, нагло и цинично.

Эти гнусные деяния Константин видел собственными глазами, об этом вопияли десятки тысяч жертв и живых свидетелей чудовищного «строительства светлого будущего».

Как же такое удалось?! Почему значительная часть народа «съехала с катушек» и кинулась во все тяжкие?

Ответ для себя он нашел страшный — большевики сыграли на самых темных сторонах человеческой души. Зачем работать, не покладая рук, жить по Христовым правилам, отказывать себе во всем, поститься, если есть более легкий путь, не заставляющий человека делать над своим мозгом и совестью значимое усилие.

«Грабь награбленное», «перебить всех буржуев», «экспроприируй экспроприаторов», «владеть землей имеем право, а паразиты никогда» — вот доходчивое объяснение для неграмотного и темного народа. И отпущение грехов, если применимо это слово, большевики тоже дали — «нравственно все, что служит делу революции».

И началось такое, что Россия в одночасье в живой кошмар превратилась. И еще особенности национального менталитета никуда не денешь, ибо с детства босоногого все сказки слышали, когда по «щучьему велению», или при помощи двоих из ларца, одинаковых с лица, или еще прорвы помощников какой-нибудь лодырь и лентяй типа Емели в одночасье получал все. Без всякого труда.

Это сладкое слово «халява», когда даже уксус в малиновый джем превращается. И песню большевики подкинули знатную, как раз по такому случаю — «Кто был ничем, тот станет всем!»

Сейчас коммунистов поддерживает большинство, отвыкшее за эти годы от работы. Россия очень богатая страна, есть что грабить! Но сей увлекательный процесс имеет и конечную точку, когда исчезают богатства, а все остаются равными, то есть превращаются снова в нищих и бедных.

Вот тогда и наступит протрезвление от сладкого революционного угара, недаром Ильич НЭП ввел, скрипя от ярости зубами. И сам себя доконал от бессильной злобы и торжествующего сифилиса, ибо понял, что революция не сможет дальше развиваться вширь и глубь.

Но винил Арчegov не только большевиков — эта погань не захватила бы Россию, если бы не

вторые поганцы, с французским прононсом, не устроили на протяжении веков свой «пир во время чумы». Никак не предполагая, что их потомки за все заплатят собственной кровью, жизнью жен и детей. Да и те тоже отличились в последние предреволюционные годы.

И еще одно: те, кто правил страной последнюю четверть века, внесли свою лепту в ее разрушение собственным эгоизмом и тупостью. Виновата и официальная православная церковь, что перешла на казенное жалованье от государства и забыла о духовности, оставшись в плену у светской власти, а потому потеряла большую часть народа, что с радостью ухнул в коммунистическое язычество.

Впрочем, он и о старом никогда не забывал. Так что переход в новую веру, да еще сопровождаемый «весельем разрушения», прошел для него почти незаметно...

Константин приложился к кресту и неспешно отправился к дверям. Выйдя из храма, он был пойман под локоть Вологодским.

— Зачем вам это нужно было, Константин Иванович? К чему такая демонстрация?

Председатель правительства чуть дернул плечом, как бы указывая на членов сибирской делегации, гурьбой выходящих из небольшой церкви. Действительно, на службу пришла чуть ли не сотня человек, включая взвод охраны почти в полном составе — внутри яблоку было негде упасть, стояли плотно, плечо к плечу.

— Не мне, Петр Васильевич, а всем нам. В смуту, что была триста лет тому назад, только православная вера смогла объединить русских людей, хотя в Москве владычествовали оккупанты.

— Вы что имеете в виду?

— На нынешние дни намекаю. И захватчики в Кремле сидят, вот только веры в народе здесь не осталось. Оттого и поддались на искушение, а оно известно от кого идет. Так что без веры никак не прожить.

— Я раньше как-то об этом не задумывался, — после долгой паузы отозвался Вологодский тусклым голосом.

— И я тоже. Потому что дуриком был!

От резких слов Вологодский вздрогнул и остановился. Встал и Арчegov — огибая их, сибиряки потянулись мимо парковой ограды к зданию посольства. Они все стояли и молчали, пока не остались чуть ли не в арьергарде этой утренней процессии.

— Скажите, Петр Васильевич, какие подразделения Сибирской армии лучше всего себя зарекомендовали?

Арчegov нарушил неловкую паузу и уже сам подхватил пожилого премьер-министра под руку, медленно повел его дальше вдоль узорной решетки, за которой начинались уже выбитые заслоны ограждения.

— Многие, как мне говорили. Я не знаю толком военного дела, а потому не компетентен в таких вопросах, полагаясь на вас.

Константин улыбнулся — «Дед» как всегда и нашел что сказать, и подбодрил. И похвалил.

— Егеря, Петр Васильевич. Я в феврале и марте с 1-м батальоном занимался и приказал его только старообрядцами комплектовать. И знаете, что у меня с ними вышло? — Арчegov посмотрел на Вологодского, но тот промолчал. А потому генерал заговорил снова: — Это великолепные солдаты, я таких раньше почти не встречал. Воюют с большевиками люто, истово, даже так можно сказать. Я им давал читать большевистские газеты, те, где с восторгом описывалось открытие памятников Иуде и Каину...

— И что? Как они отнеслись? — Вологодский спросил с интересом, даже стекла очков блеснули.

— Они стали рассматривать войну с большевиками как духовный подвиг! О неисполнении

приказа или лености я не слышал, у них нет дезертиров. Совершенно нет. Помните, как партизаны на Ангаре две семьи старообрядцев вырезали? Так егерей еле удержали от мести. Для них наша война теперь носит почти религиозный характер.

— Никогда не придавал вере значения.

Впервые в голосе Вологодского прозвучали какие-то виноватые нотки, да и он сам как-то осунулся.

— Нам надо срочно исправлять ситуацию, Петр Васильевич. Я, правда, не знаю пока как. Но мы должны противостоять большевизму, и православие призвано сыграть здесь решающую роль. Староверов не нужно упрашивать, они будут воевать, а вот официальная церковь должна занять более принципиальную позицию, даже воинствующую, ведь речь идет о противостоянии кощунству и бесовщине...

— Я согласен с вами, Константин Иванович, но пока не представляю, что мы можем сделать!

— Я тоже. Но одно ясно — нам надо любой ценой уломать большевиков, чтобы они разрешили патриарху посетить Сибирь. Придумать тысячу причин, но он должен приехать! А там...

Чувство опасности обрушилось звенящими молотками в мозг, и Константин быстро оглядел улицу, машинально раскрыв кобуру. Вроде все как вчера — броневи́к, вытянутая вдоль улицы длинная цепь серых шинелей латышей, спокойно идущие вдоль решетки сибиряки в гражданской одежде и егеря в двухцветных полевых защитных куртках. Те же грязные окна с закрытыми шторами...

«Что?! Во флигеле наверху створка окна внутрь комнаты съехала! И рядом тоже. К чему это?! Ведь там такая убойная позиция для пулемета, лучше не выберешь!»

Не домыслив, генерал уже знал, что делать. Лучше быть смешным, чем убитым. Арчegov крепко схватил Вологодского за пальто, с силою рванул его к выломанной решетке. Он знал, что за ней большая яма, а это надежное укрытие, не хуже окопа.

Падая, он краем глаза увидел высунутый из окна флигеля пулеметный ствол с уже пульсирующим огоньком на дульном срезе. И через секунду обрушился грохот...

Севастополь

Александр Васильевич Колчак молча курил, разглядывая в предрассветных сумерках раскинувшийся у бухты город. Ему не спалось, адмирал не находил себе места в просторном салоне штабного корабля. А потому поднялся на мостик и лишь здесь, вдыхая полной грудью прохладный воздух, немного успокоился.

Нет, дело всей его жизни не окончено, как думал Александр Васильевич пять месяцев тому назад. Он нужен стране и флоту, ради которых должен жить и трудиться, не жалея себя и всех своих сил. Да и какая может быть старость или усталость, когда тебе и пятидесяти лет нет, когда под ногами качается палуба корабля, когда скоро приедут из Парижа жена с сыном, а здесь еще и любимая женщина.

Проблемы...

— Прав Константин Иванович, жизнь у тебя, ваше высокопревосходительство, только начинается, — с усмешкой вымолвил адмирал, вспомнив недавние, в январе еще сказанные слова.

Арчegov встряхнул его, всю его душу, словно щенка за шкурку. В какой-то момент Колчаку показалось, что этот молодой генерал намного старше его по возрасту. Особенно когда говорил почти как и его отец, участник Севастопольской обороны, которого Александр Васильевич

безмерно почитал всю свою жизнь.

А еще этот пронзительный взгляд, скупые отточенные движения, резкие слова...

Он обязан этому человеку, хотя порою не понимал, зачем он делает то, что другие считают ошибкой. Но, как показало время, прав оказался военный министр, «молокосос», как его презрительно именовали иные «заслуженные» генералы, а не они, безжалостно вышвырнутые со службы за свои в большинстве своем мнимые или раздутые заслуги. Иначе нельзя — то, что раньше решалось при помощи дворцовых связей, сейчас губительно и опасно и для страны, и для армии с флотом.

И теперь здесь, в Севастополе, Колчак делает подобное, решительно освобождаясь от «балласта». На небольшой по корабельному составу флот приходилось свыше сотни адмиралов и генералов, а также чуть ли не тысяча вполне здоровых к службе офицеров, забивших все вакансии и должности, и даже больше того, на берегу.

Причем эти самые должности придумывались, штаты разбухали прямо на глазах, заполнялись тунеядцами и приспособленцами всех мастей, зачастую не имевших к морю никакого отношения.

Не служа Отечеству в тяготах и лишениях, они получали такое же денежное содержание и довольствие, как и те немногие офицеры, кто честно и доблестно нес бессонные вахты на палубах усталых и ломающихся боевых кораблей.

И впервые в жизни адмирал, попав перед сложным выбором, сослался на чужой приказ, слишком тяжелым для него стало чудовищное бремя выбора. Но данное генералом Арчеговым золото, те сорок миллионов рублей, привезенных в трюме вспомогательного крейсера «Орел», требовалось истратить в соответствии с полученным приказом. А иначе Сибирское правительство просто прекратило бы финансировать Черноморский флот и Каспийскую флотилию, что получили сильный толчок и яркую искру к жизни.

Выбора у него не было, и Колчак начал реорганизацию, которая вызвала сильнейшее недовольство одних, которых он стал еще больше презирать, и уважение вторых, настоящих тружеников моря, подобрать другое слово для них он не смог.

Москва

— Ох на...

От мощного взрыва во рту застряла отборная ругань, и Константин Иванович машинально прикрыл своим телом Вологодского. По спине больно заколотила кирпичная щебенка, пыль запорашивала глаза, но чего-то крупного, к счастью, не прилетело.

— Твою мать!

Арчegov приподнял голову, стараясь прижаться ею к кирпичной опоре, на которую раньше крепились металлические решетки. Огляделся за секунду, оценив обстановку, и тут же стремительно нырнул обратно в надежный импровизированный окоп.

Увиденное впечатляло. «Остин» превратился в грудку горящего железа, одну пулеметную башенку напрочь снесло, вторую смяло как консервную банку. Еще бы — из окна трехэтажного дома, что стоял у церкви, какой-то молодец зашвырнул на крышу броневика самодельную бомбу, с начинкой из пары килограммов тротила.

А теперь в том окошке еще появилось толстое пулеметное рыло в кожухе — длинная, патронов на полсотни очередь прошла по дороге и уткнулась в здание посольства.

«Хреновы дела! Если не хуже — мы в самой заднице. С флигеля два станкача лупят продольным огнем, патронов не жалеют. С дороги сейчас все вымело. Латышей словно ленточкой положили, всех причесали. Наших поперек накрошили, сенокос устроили, умельцы

хреновы! Прямо наскирдовали, мясники, бля! С другой стороны улицы еще один пулемет долбить стал. В перекрестный огонь взяли», — мысли текли в голове отстраненно, насквозь практичные, но очень быстро, почти молниеносно.

Арчegov с первых очередей прекрасно осознал, что пока неизвестный ему враг устроил весьма грамотную засаду и безжалостно перебил почти всю сибирскую делегацию.

Почти, но отнюдь не всех. Премьер-министра он уберег, в который раз доверившись своей интуиции, а рядом в яме лежал ходящий за ним тенью верный ординарец Гришка Пляскин, скакнувший в укрытие лихим прыжком взбесившегося кенгуру.

Казак лихорадочно вытягивал из-под плеча автомат, матерясь почему свет, судя по быстро шевелящимся губам. Рядом тут же застрекотал «хлыст» — кто-то из егерей охраны уцелел, не попался под смертоносный ливень свинца и теперь огрызался.

— Лежите смирно, Петр Васильевич!

Арчegov придавил Вологодского, который заворочался под ним.

— Из трех пулеметов садят, но здесь нас пули не возьмут. Надежное укрытие. Окоп-с.

— Ногу жжет, — пожаловался премьер-министр тихим дрожащим голосом, но вошкаться прекратил.

— Твою мать!

Арчegov задрал полу ставшего грязным пальто. Так и есть, на штанине, чуть ниже бедра, расплывалось темное пятно.

— Гриша! Ползи сюда!

Казак повернулся на команду и тут же бросился ее выполнять, оказавшись рядом через несколько секунд.

— Перетяни Петру Васильевичу ногу ремнем. Распори штанину и перебинтуй! Эта заморозка еще минут на пять, потом мы их причешем! Автомат дай, — и Константин протянул руку.

— Есть, — отозвался ординарец, сунул в протянутую руку генерала свой «хлыст» и мигом извлек из специально нашитых на форму длинных карманов два запасных тяжелых магазина. И лишь затем занялся раненым премьер-министром, быстро сняв с себя ремень.

Арчegov отвернулся, снова прижавшись к тумбе — за Вологодского он уже не беспокоился. Пуля мякоть прошила, кость и артерию не задела, иначе бы и кровь хлестала, и вопли были, мама не горюй! Как на дороге, которая превратилась от стонов и хрипов раненых в юдоль скорби.

Гришка Гиппократово дело знает туго — всех егерей и ординарцев хорошо научили оказанию первой медицинской помощи. Каждый имел при себе индивидуальный перевязочный пакет, что с недавнего времени стал обязательным во всей Сибирской армии.

Прижавшись к тумбе, Константин откинул складной приклад и поднял автомат. Через секунду он уже целился в окно — далековато для «хлыста», попасть в укрывшегося в комнате пулеметчика невозможно, но так хоть нервы попортит да прицел собьет. А то людей расстреливает как на полигоне, нагло и безнаказанно!

Автомат затрясся в крепких руках — магазин на 35 патронов был опустошен тремя очередями. Хорошую «машинку» сотворил в блокадном Ленинграде Судаев, очень надежную и неприхотливую. Пусть нет переводчика огня, как у «калаша», но при должном навыке можно стрелять и одиночными, хотя сейчас этого не требовалось.

И Константин Иванович, отбросив в сторону пустой магазин, присоединил запасной. Передернул затвор и снова направил автоматный ствол на окно. И от всей души всадил очередь...

Пулеметному расчету пришлось туго — по их окну лупили со всей дури три «хлыста».

Уцелевшие егеря живо сообразили, что если уничтожить этот пулемет, то засевших во флигеле врагов можно будет обойти от здания посольства и забросать окна гранатами. Без «отсечного» огня их позиция превращалась в ловушку.

Так доты нельзя взять атакой в лоб, напрасные потери только. Но, неприступные бетонные сооружения, они обычно уязвимы с тыла и с крыши. В Финскую войну наши саперы обычно втаскивали наверх сотню-другую килограммов тротила, а то и побольше, если дот был капитальным «миллионником» (то есть на его строительство был затрачен миллион финских марок), и прощайте, «горячие финские парни»...

Константин всей спиной ощущал, как вибрирует добротная кирпичная кладка столба за спиной, как заволакивает воздух кирпичная пыль, выбитая смертоносными пулями.

И молился, искренне молился, чтобы преграда устояла, — сидящие во флигеле не сэкономили патронов, а водяное охлаждение стволов позволяло им бить длинными очередями.

И если в стенку войдет еще пара очередей, то она может и не выдержать. И тогда и ему, и Вологодскому придется туго, вжимаясь друг в дружку в спасительной яме.

По стене дома будто горох сыпанули щедрой рукой. Вниз пыльной завесой полетела кирпичная крошка. Знакомый звук кольта обрадовал Арчегова — охрана в особняке сообразила, что делать, недаром ее натаскивали до полного изнеможения.

Сейчас станковый пулемет из посольства собьет вражеский, автоматы и так не дают противнику покоя, и под их прикрытием штурмовые группы пересекут дорогу и ворвутся во флигель.

Еще минуту продержаться, и все — генерал поднял автомат и выпустил одну длинную очередь...

Севастополь

Свыше семидесяти адмиралов и генералов были лично уволены Александром Васильевичем на пенсию, пусть и не такую огромную, как в прежние времена, но и не нищенскую даже тогда, а сейчас, по нынешним тяжелым условиям, очень солидную.

Полупустые по штатному расписанию корабли стремительно доукомплектовались, причем маститые капитаны первого ранга, ранее командовавшие на Балтике линкорами и крейсерами, стали считать для себя неслыханной удачей получить эсминец или новую канонерку, а то и «собачью должность» старшего офицера на них.

Теперь денежное довольствие на кораблях стало вдвое больше, чем на берегу, и выплачивалось оно за время, проведенное в море. Офицерство, ранее околачивающееся на земле, живо вспомнило завет адмирала Макарова чувствовать себя в море как дома. Черноморский флот сразу ожил, дополнительно получив столь нужные уголь и нефть, прекратив отстаиваться на якорях в удобных бухтах.

За какой-то месяц угольные эсминцы и сторожевые катера покончили с самым натуральным пиратством, что разлилось махровым цветом у берегов Тавриды. И для крымских контрабандистов также наступили тяжелые времена, их пустые фелюки и баркасы теперь просто не высовывали носа из укромных стоянок.

Рабочие Морского завода стали трудиться намного лучше, выполняя текущий ремонт кораблей. Платили им золотой монетой, по самым высоким расценкам, но и спрашивали строго. За саботаж или большевистскую агитацию можно было запросто лишиться жизни.

«Белые» власти теперь намного строже и бескомпромиссно относились к своим врагам, отвечая на красный террор сторицей, безжалостно карая, но обязательно по суду.

Драконовские меры и щедро, но с умом потраченное сибирское золото того стоили — у

стенок завода спешно переоборудовались и вооружались четыре «эльпидифора». Канонерские лодки новой специальной конструкции, что как десантные корабли, способные действовать на мелководье, строились крупной серией на черноморских верфях в войну с германцами. И неплохо себя зарекомендовали.

А потому их сейчас снова решили задействовать, забрав в портах. Еще три корабля, один из которых был уведен из Николаева в январе, под самым носом у подступивших к верфям красных, ожидали своей очереди на переоборудование.

Четыре «генерала», названные так в честь погибших зачинателей белого движения — Алексеева, Корнилова, Маркова и Дроздовского, — были первенцами военного кораблестроения, пусть и доделанные. До того флот пополнялся лишь переоборудованными гражданскими судами, которые теперь снова возвращались к мирным занятиям.

Канонерские лодки имели тысячу тонн водоизмещения и мощное вооружение — три 130-мм орудия с броневыми щитами, два 75-мм зенитных орудия, да парочку пулеметов. Жизненно важные для корабля места бронировались — рубка, погреба, подачи.

С броневыми листами проблем не имелось, так как в бухте ржавели выведенные англичанами из строя корабли. Теперь с них снимали все, что только можно — броню, механизмы, корабельную листовую сталь и много всего прочего.

И с матросами проблем не стало — две тысячи новобранцев еще полгода будут обучаться в экипажах. Три тысячи «охотников», уставших за лихие годы и вдоволь поскитавшихся, после тщательного отбора поступили матросами и унтерами в команды.

Щедрая плата золотом, сытный паек, пенсия в случае увечья — что еще надо мужику для полного счастья собственной женки и детишек. Да и служба привычная — брали в первую очередь тех, кто воевал на море с японцами или германцами, невзирая даже на солидный возраст, лишь бы был лоялен к власти да здоров...

— Ваше высокопревосходительство! Получена срочная радиограмма из Москвы!

Колчак стремительно обернулся — его флаг-офицер капитан Кетлинский протянул листок бумаги.

— От военного министра Арчегова. Вы приказали немедленно...

— Давайте!

Адмирал развернул листок и за секунду проглотил его взглядом. Не поверил — прочитал еще раз.

— Боже мой!

— Александр Васильевич! Сейчас шифровальщики занимаются еще одной радиограммой, полученной из Москвы. Она также отправлена генералом Арчеговым...

— Не будем терять времени!

Колчак стремительно повернулся и, как в лихие гардемаринские времена, почти не держась за поручни, скатился вниз по трапу...

Москва

— И на хрена мне это нужно? Молодой, что ли?!

Арчегов осторожно отпрянул от тумбы. Увиденное его порадовало. Так и есть — толстый кожух пулемета беспомощно свисал с подоконника, зацепившись сошками за какой-то трос. Массированный огонь с колыта и нескольких «хлыстов» сделал свое дело — огневая точка противника была полностью подавлена.

Темп стрельбы из флигеля заметно упал. Сейчас стрелял только один пулемет. А вот ответный огонь по дому резко усилился — к егерям добавились вынырнувшие из глубины парка

чекисты с парой «Льюисов», что говорило о чрезвычайно серьезном оцеплении. Вот только опростоволосились ребята Дзержинского...

— Петр Васильевич серьезно не пострадал? В мякоть ведь?! А вы не ранены, генерал? Кирпичной крошкой лицо посекло?! Возьмите платок! Тогда все чудесно, только не высывайтесь, прошу вас!

Непонятно откуда вынырнувший Мойзес присел рядом с ними у ямы, хоронясь за кирпичной кладкой от возможной пули. Наблюдательным человеком оказался чекист, одного взгляда хватило, чтобы оценить их положение и физическое состояние.

— С предателями пообщаться желаете? — Арчegov громко хмыкнул. — Окошки эти, как я понимаю, вашими людьми были заняты?! Вот только с чего это они такую бойню нам учинили?! «Балтийского коктейля» нажрались, скоты, спиртягу с кокаином всю ночь глушили?!

— Сам не понимаю! Но разберусь, обещаю! Всех виновных к стенке поставим без разбора! Скрип зубов был отчетливым даже в звуках стрельбы. Лицо Мойзеса, и без того изуродованное, исказилось такой гримасой лютой ненависти, что Константин помимо воли почувствовал острое желание немедленно отодвинуться от своего собеседника. Но сдержал себя и, выглянув наружу, хмыкнул от удовлетворения.

Егеря уже подобрались вплотную к стене флигеля и приготовились метать в окна гранаты. И словно по заказу тут же загрохотали «Льюисы» чекистов, точно и злобно, не давая возможности вражеским пулеметчикам отбить начавшийся штурм.

— Молодцы твои чекисты, товарищ Мойзес! Вот сейчас грамотно работают, не то что раньше!

— Я за пулеметы в этих зданиях не отвечал, только за посольство, парк и церковь! Претензии не ко мне!

— Хорошо, — нехотя буркнул в ответ Константин, и тут ухнуло два сильных взрыва. Мощных — разозленные егеря швырнули в окна тяжеленные гранаты Новицкого, и сейчас внутри флигеля все живое превратилось в кровавый раскромсанный фарш.

А вот теперь нужно было действовать, и быстро, пока чекисты не сообразили, что к чему. Константин вскочил на ноги и закричал Мойзесу в лицо, что тот оторопел:

— Хватайте Петра Васильевича и бегом в здание. Головой за него отвечаешь! Ты понял?! От дикого выкрика генерала чекист впал в ступор, что Арчegov и добивался. Ничего с Вологодским не случится, он под надежной охраной будет, не хуже егерей. Мойзес со своими головорезами сейчас с него пылинки сдувать станет.

А вот поймать хотя бы одного из «затейников» этого побоища для него стало делом настоятельно необходимым. Уж очень хотелось узнать, кто его с Вологодским «заказал».

Нехорошие мысли ворочались в голове у генерала по этому поводу, такие, что он в них боялся не то что поверить, подумать даже!

Он рванулся вперед так, словно вернулась *та* забытая молодость, в которой он хлебнул полной ложкой лиха первой для него войны. Нельзя было терять времени ни секунды, благо смертоносный пулеметный ливень прекратился. Краем глаза он скользнул по лежащим телам, но для эмоций места в душе не было, один холодный анализ краешком мозга.

Сибирскую делегацию выкосили почти полностью — безжалостно искромсанные пулями тела несчастных лежали длинной цепочкой от здания посольства до церкви.

Положили почти всех гражданских, а вот шинели и темно-зеленые куртки взгляд почти не цеплял, от силы десятков. Еще он заметил, как за ним следом рванулись с полдюжины егерей, что мгновенно поднялись из-за ограды, с автоматами наперевес.

А вот чекисты приотстали, видно, не ожидали от генерала такой прыти — еще бы, ведь военный министр должен не ходить, а шествовать, переваливаясь от солидности на ногах

подобно откормленному гусю. А вот и не угадали — ему ведь в новом теле и тридцати еще нет!

— Гриша! Возьми троих и на этаж! Проверь все квартиры, чекистов не пускай вовнутрь! Егеря! Рассыпались по всем закуткам и переулкам! Живьем брать, демонов!

Пляскин тут же рванулся в дверь черного хода — выходящий на улицу парадный был наглухо заколочен согласно нормам революционного времени. А Константин тут же рванул дальше, мимо замызганных стенок проходного двора. Кучи мусора он просто перепрыгивал, выжимая из себя всю возможную прыть, жадно глотая воздух.

Тело действовало само собой, руки накрепко сжимали автомат. На бегу он старался прислушиваться, стараясь уловить малейшие звуки, особенно топот бегущего человека. Услышать или увидеть того, кто пять минут назад залил кровью улицу.

«Хрен с латышами, о них я и не вздохну! Но вот за своих отплачу сторицей, на куски и ленточки нарежу. И еще: курить нужно бросить, иначе дыхалки совсем не будет!

Тех, кто был в засаде на третьем этаже, было несколько человек — от трех до пяти, никак не меньше. Расчет станкового пулемета составляли двое, нужно ленту в две сотни патронов, очередями ведь длинными лупили, держать и направлять. Да еще один умелец на броневик связку тротиловых шашек зашвырнул.

Во флигеле вряд ли кто уцелел — там до последней секунды стреляли, смертники! А вот отсюда кто-то мог и попытаться сдернуть, когда понял, что промедление опасно! Мог, и наверняка бежит где-то рядом. Эх, знать бы, как эти проходы идут!»

Мысли мгновенно улетучились из головы, а тело само рвануло в сторону — в темноте арки запульсировал огненный цветок.

— Не стрелять! Живым брать!!!

Прокричав команду и чуть не сорвав отчаянным воплем голос, он рванулся вперед — вражеский стрелок дал только одну короткую очередь — и снова бросился бежать.

«Может быть, уже патроны экономит?! Или они у него закончились?!» — мысль обожгла разум и подхлестнула тело. Ярость стала расчетливой — в него стреляли с ППС, звук знакомый, ни с чем не перепутаешь. А значит, ясно, откуда ветер дует!

— Стоять, сука!

Беглец оказался чекистом в привычной кожаной куртке. В возрасте мужик, потому и запыхался. Он остановился, но вот только не для того, чтобы поднять руки для капитуляции, а вскинуть «хлыст». Константин тут же дал очередь, стараясь попасть только в правую ногу.

— А-а!

Автоматчик упал на землю, крутанулся от боли, машинально схватив себя за ногу. Арчegov стремительно бросился на него, выкладывая все силы и вытянув руки, за мгновения преодолевая эти долгие два десятка шагов. Теперь он был уверен, что возьмет эту сволочь живой!

— Сука!

Чекист поднял автомат, но навел его не на бегущего к нему генерала, а упер себе в подбородок.

Константин еще поднажал, хотя это было невозможно, но уже осознал, что не успевает. Автомат глухо взрыкнул, откинув назад человеческую голову, из которой полетели кровавые брызги.

— Твою мать! Не успел...

Обессиленный и опустошенный, Константин рухнул задом на загаженную землю рядом с трупом и попытался сплюнуть. Но не смог — во рту пересохло, язык рашпилем тер гортань.

— Вы целы, ваше высокопревосходительство?!

Его со всех сторон обступили егеря, хрипло дышащие, будто загнанные лошади. Подхватив под руки, подняли.

— Да цел я, не беспокойтесь! Этого обыскать!

И словно молнией пронзило мозг — он вспомнил самую любимую книгу своего отрочества — «В августе 44-го». Вот так и сидел рядом с трупом немецкого диверсанта Павловского старший лейтенант СМЕРШа Таманцев, не успевший взять того живьем. И те описанные в книге чувства контрразведчика и «волкодава» сейчас были для Константина Ивановича близки и понятны как никогда. И Арчegov хрипло рассмеялся:

— От Таманцева ты бы так не ушел, гаденыш, будь он на моем месте... Ха... А будь я на твоём, падло, то два против одного, что хрен бы вы меня догнали! Это точно...

Иркутск

— Все готово, Сеня. Я думаю, пора настала!

— Ты уверен?

Фомин пристально посмотрел на улыбающегося Шмайсера.

— Они не могут предпринять контрмеры?

— Невозможно. Все давно рассчитано. Послезавтра, ровно в четыре часа и начнем, тянуть дольше нельзя.

— Нужно еще раз проверить, — генерал-адъютант показал на карту, что была раскинута по столу, на ней были детально изображены очертания кварталов и улиц Иркутска.

— Весь дьявол в деталях...

— Это точно, — потянул Шмайсер с ухмылкой и взял в руки карандаш. — Смотри. Ты поднимаешь два батальона Мейбома, первый батальон одной ротой занимает вокзал, а второй — мост через Ангару. Третья рота переходит на ту сторону и остается у прогимназии Гайдука — переправа должна оставаться в наших руках. И одним взводом немедленно занимает электростанцию, она рядышком. Так?

— Так, — согласился с другом Фомин, не отрывая глаз от мелькающей по карте импровизированной указки.

— Второй батальон переходит по понтону. Первая рота уходит к Тихвинской площади, далее по Амурской, занимает госбанк. И немедленно берет под охрану золотой запас империи. Там два десятка жандармов внутреннего караула, невелика сила, справятся. Им на это раз плюнуть. Вторая рота занимает телеграф и телефонную станцию. Выставляет оцепление и блокирует почти весь центр. А третья рота идет к зданию правительства по Амурской, на перекресток с Большой улицей.

— Хорошо, — Фомин вытянул из коробки папиросу, постучал картонным мундштуком по контуру Русско-Азиатского банка, волею обстоятельств превратившегося в центр Сибирской власти.

— Занимает Гранд-Отель, берет министров под арест...

— Андрей, какой арест?! Думай, что говоришь!

— Называю вещи своими именами, Сеня, — от слов Шмайсера Фомин недовольно поморщился, состроив гримасу, а тот с улыбкой продолжил, подняв руки в немом извинении:

— Ну, хорошо, хорошо — берет под охрану. А заодно занимает и дом наискосок — хотя заседания правительства не будет, но один взвод там нужно поставить. Обязательно!

— А если охрана дернется? Ты учитывай, что рядом полицейский участок, могут быть казачьи разъезды.

— Даже так ничего страшного не произойдет. В роте две сотни стрелков, против них едва сотня, ну полторы, если полицию с казачьими патрулями учитывать. Но рота из опытных солдат с шестью пулеметами — что им сделает такой противник?!

— Пусть так. Но на Казарминской, в бывшей 1-й школе прапорщиков, чуть ли не две сотни государственной стражи. Им до здания правительства добежать пять минут. Это же МВД, они только Пепеляеву подчиняются. И не забывай — Белый дом, где будет Мики, на той же Большой улице, в трехстах шагах. А если они...

— Никаких если, Сеня, все просчитано.

— Да? На Ангарских островах матросня...

— Их там полсотни всего, да пара патрульных лоханок с «максимками», невелика угроза. Для них и стражников наших юнкеров генерала Ханжина достаточно будет. Генерал поднимет свое военное училище, разоружит флотских и стражников. Юнкерам объявят, что они берут под охрану государя, на которого может быть «совершенно» покушение. Это сообщение наших юношей изрядно взбодрит!

— Хорошо, я понял, — Фомин не хуже Шмайсера знал план переворота, просто сейчас выступал оппонентом, просчитывая варианты и выявляя слабые звенья в подготовке.

— Что касается штаба округа и военного министерства, то здесь все берет на себя генерал Дитерихс. Он посадит под арест начальника Генштаба Болдырева и командующего ВМС адмирала Смирнова. Или ты, Сеня, еще раз попробуешь с ними переговорить?

— Бесполезно, — Фомин пожал плечами. — Первый «розовый», для него сибиряки во сто крат лучше, чем мы, монархисты. А второй приятель Арчегова, сдружились они еще с байкальских событий. И говорить с ним не надо. Если заподозрит, то кровью умыться можем...

— Да брось ты. Напугал, аж коленки трясутся. Морячки, задницы в ракушках у этих водоплавающих. — Шмайсер презрительно улыбнулся, кривая ухмылка пренебрежения застыла на губах.

— Ты это брось, Андрюха. У него в Лиственничном рота морской пехоты, вооруженная до зубов. И ее сам Арчegov готовил — выучка не хуже, чем у твоих егерей. Плюс учебный центр, а там еще рота, не меньше. Да малая канонерка, да пара бронекатеров! Да еще других посудин достаточно. И зачем он их на Байкале оставил, под рукою? Почему на Иртыш не перевез, а здесь все нужные оставил?

— Прости, я имел в виду местных морячков, не байкальских, — лицо тевтона моментально стало серьезным.

— А потому их нужно изолировать заблаговременно, вместе с братьями Пепеляевыми. Иначе непредсказуемо...

Слово «изолировать» прозвучало как «ликвидировать», и Фомин поморщился, прекрасно все поняв.

— Хотелось бы без крови, Шмайсер. Последствия могут быть не очень желательные.

— Да понимаю все. Только ты учитывай, что в «Красных казармах» 1-й Маньчжурский батальон из японцев, а эти косоглазые нам всю малину обгадить могут. Их лучше постфактум поставить. По Ушаковке казаки — конный полк с пластунами. Атаман Оглоблин однозначно супротив встанет. Они с Арчegovым неразлейвода. Можем пошутить — казак казака видит издали. И если выступят супротив...

— Да понимаю я все!

— Тогда чего сомневаешься?! Японцев и казаков я егерями отсеку на все время действия. У тебя пара часов будет, хватит, чтоб дело повернуть. Только быстро, быстро — они не должны не то что очухаться, понять, откуда ветер прилетел, а продрать от сна свои глаза. Пора кончать с этой сибирской вольницей!

— Что скажете хорошего, капитан?

Арчegov сидел на табуретке, обнаженный по пояс, Пляскин шустро перебинтовывал ему плечо. Зацепило пулей вскользь, кровушки чуток натекло, так, царапина. Раньше он бы и не обратил внимания, но не сейчас — его буквально принудительно раздели.

Хотели даже врача немедленно вызвать, но тут Арчegov всех «послал» подальше — для медиков сейчас было совсем не до царапин, пусть и военным министром полученной. Ибо в данный момент здание сибирского посольства напоминало огромный лазарет, пропитанный болью и столами раненых, запахом смерти и крови.

— Убито семнадцать человек, среди которых генерал-майор Степанов и министр финансов Михайлов. Еще двенадцать человек серьезно ранено. Легкие ранения и контузии получили многие...

— Суки червивые!

Арчegov заскрежетал зубами от ярости. Он только сейчас понял все последствия этой коварной засады.

Жалко ему стало погибших до боли — правую руку отдал бы без раздумья, лишь бы миновала их чаша сия. Гибель Степанова и Михайлова грозила обернуться непредвиденными последствиями — оба были на своем месте и хорошо знали свое ремесло.

— Из каких станковых пулеметов нас порезали?

— У них было три ручных германских MG 15.

— Те же яйца, только вид сбоку, — хмыкнул генерал, быстро припоминая все, что было ему известно про это оружие.

Ручным данный пулемет называли только потому, что он был на сошках и с деревянным прикладом. Обычный MG 08, который немцы попытались облегчить и превратить в ручной. Станка лишили, кожух чуть укоротили, приклад присобачили — вот и появилось на свет это «ручное чудо», что по весу намного больше, чем пулемет Калашникова вместе со станком.

Единственное достоинство — ленточное питание, что позволило иметь чрезвычайно плотный огонь, который он на собственной шкуре полчаса тому назад ощутил.

«Что ж, умело подобрали пулеметы, затейники, мать их через коромысло, как раз для такой бойни!»

— Их было семеро, Константин Иванович. Четверо во флигеле, трое в доме. Все в чекистской униформе. Мандаты сотрудников ВЧК только у двоих, причем у того, которого вы попытались взять, подписан самим Дзержинским. В кармане имелся недописанный на его имя и рапорт, зело прелюбопытный, позволю вам доложить.

— Оставьте все бумаги у меня!

— Есть, ваше высокопревосходительство!

Капитан Насонов, один из руководителей военной контрразведки, которого Арчegov постоянно держал при себе еще со своих дивизионных времен, аккуратно положил на стол два листка.

— Кроме пулеметов у них имелись еще три «хлыста» с десятком запасных магазинов. Они у нас, хотя чекисты и попытались их отобрать у егерей в качестве вещественных доказательств.

— Правильно сделали, — Константин чуть поморщился, — номера на автоматах какие?

— Трехзначные, Константин Иванович! До трехсотого номера все! А такие поступали только в одно подразделение!

Улыбка контрразведчика была очень многозначительной и жестокой — первые пятьсот «хлыстов» пошли на вооружение егерей флигель-адъютанта Шмайсера почти целиком в марте.

— И еще одно: наши егеря опознали одного из «пулеметчиков», — Насонов почти прошептал.

— Иди, Гриша, иди, сам понимаешь, — Арчegov отправил ординарца за дверь, хотя был полностью в нем уверен. Но зачем молодому парню знать то, что не следует, да и не нужно. Ведь, умножая знания, известно, что еще приумножаешь... на свою задницу.

— Это поручик Емельянов из лейб-егерей, — тихо сказал Насонов, когда дверь за ординарцем закрылась.

— Ни хрена себе! Они не ошиблись?

— Нет, Константин Иванович. Более того, они клянутся, что еще двоих убитых видели раньше среди ижевских егерей, только не знают их фамилий. Они были инструкторами.

В комнате воцарилось многозначительное молчание. Генерал Арчegov машинально выудил из пачки папиросу, забыв о данном в подворотне зароке. Тут поневоле закуришь...

— У них в нашей делегации имеется информатор. Не может его не быть, слишком хорошо нас подцепили.

— Ищем, ваше высокопревосходительство.

— Обо всем молчок! Парней предупредили?

— Так точно!

— Идите, капитан. Копайте дальше, нутром чую, что интересные ниточки потянутся.

Контрразведчик быстро вышел из кабинета, у него действительно было множество дел и ни одной лишней минуты. А генерал взял листок бумаги с недописанным рапортом и стал читать.

С первых же строчек Константин Иванович впал в изумление и, не сдержавшись, выругался:

— Твою мать! Это что ж такое происходит?!

Москва

— Ваше предложение, Феликс Эдмундович, чрезвычайно поспешное и непродуманное. Вам следует оставаться на своем посту, куда вас направила партия! Предатели и мерзавцы могут быть везде, они искусно втерлись в доверие пролетарской диктатуры. И ваше дело — разоблачить их всех до последнего. Иуды должны быть наказаны без всякой слякотной жалости! Вот так-то! Вам не следует заниматься самобичеванием и предлагать то, что ЦК может рассмотреть как дезертирство!

Ленин возбужденно махнул рукою и быстро прошелся по ковру. Вождь революции был вне себя от гнева, в такой ярости Лев Давыдович его давненько не видел.

Самого же Троцкого прямо распирало удовольствие видеть «железного Феликса» в таком пришибленном виде, с глазами больной собаки. Еще бы — «карающий меч пролетарской революции» опростоволосился в полной мере.

Его же люди, несущие охрану, перестреляли всю сибирскую делегацию. А расхлебывать последствия придется ему, ведь дело пахнет скорой и неизбежной войной.

— Теперь мы убедились на этом примере, что приняли совершенно правильное решение, пойдя на мирные переговоры с сибирскими «областниками». Да, правильное!

Ленин горячился все больше и больше, лихорадочно метался по кабинету, и у Троцкого возникло убеждение, что так вождь пытается убедить в первую очередь самого себя.

— И эти переговоры вызвали лютую злобу всех наших врагов. Ведь так, Феликс Эдмундович?

— Владимир Ильич, — Дзержинский заговорил тихим голосом, но который стал крепчать с каждым произнесенным им словом, — террористы были вооружены автоматическими ружьями, которые выпускают только в Сибири. Более того, хотя среди убитых двое являлись сотрудниками ЧК, но один из них поляк, непонятно как взятый в МЧК. Второй сотрудник, а

такая возможность более чем вероятна, принадлежит к партии эсеров. В его квартире нами найдена соответствующая литература. А также письма на английском языке, по всей видимости, зашифрованные...

— Вот видите, товарищи, что я полностью прав!

Ленин прямо возопил во весь голос, его лицо покраснело от гнева и непритворного ликования. Он, как голодный тигр, прошелся по кабинету, рубя воздух ладонью.

— Сибирские монархисты, эти подлецы эсеры, шпионы и агенты крупного капитала, все они объединились, чтобы сорвать наши усилия. Они панически боятся, что Красная армия обрушится всей своей силою на поляков и понесет на своих штыках революцию дальше. В Берлин и Будапешт! Там нас давно ждут!

— Это так, Владимир Ильич!

Троцкий громким возгласом поддержал вождя, ибо сказанное им дьявольски походило на правду.

— А потому нам следует немедленно подписать соглашение с Вологодским, пусть даже на невыгодных условиях. Путь на Берлин лежит через Варшаву, а не Омск. И еще...

Ленин задумался, пробежался по кабинету, неожиданно встал как вкопанный и засмеялся своим узнаваемым смешком.

— Мы даже признаем «независимость» казачьих образований, если она приведет к их войне с Деникиным! Мы, большевики, должны уметь уступить, если это нужно для блага мировой революции. Пусть играют в самостоятельность, зато мы выиграем время. Так что, Лев Давыдович, вам есть архиважное дело. Следует немедленно, сегодня-завтра, срочно подписать с Вологодским мирное соглашение. И хорошо, что убийцы не достигли своей гнусной цели, а то бы подписывать было не с кем.

— Зато застрелен министр финансов Иван Михайлов, сын старого народовольца Андриана Михайлова...

— Так это чудненько, Феликс Эдмундович. Нужно немедленно поместить в газеты наши соболезнования. И подчеркнуть, что враги хотят уничтожить и диктатуру пролетариата, и молодую сибирскую «демократию». Нужно расколоть их, всех перессорить! А потому вы, Лев Давыдович, и вы, Феликс Эдмундович, немедленно поезжайте к Вологодскому и Арчегову. Выразите соболезнование, обговорите совместное расследование этого преступления. Организацию траурных мероприятий возьмите на себя, Феликс Эдмундович. Она должна стать впечатляющим торжеством — тогда сибиряки будут напрочь оплеваны другой белой контрой и «союзниками». Ну и, конечно, это главное — подписание мирного соглашения. Это для нас сейчас самое архиважное дело, батенька...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вперед, заре навстречу

(13 мая 1920 года)

Иркутск

— Учения гвардии назначены на завтра! В полдень. Что будем делать, господа? Ведь это...

— Переворот, Михаил Иванович, переворот! — Атаман Оглоблин сверкнул глазами, рука легла на рукоять шашки.

Контр-адмирал выдохнул, взял себя в руки, успокаиваясь, и сел на стул — в кабинете управляющего ВМС на минуту воцарилась тишина. Пятеро собравшихся молча переглядывались, каждый лихорадочно думал над сложившимся положением. А оно было аховым, как ни крути, со всех сторон.

Дело в том, что монарх был в своем праве — гвардия подчинялась только ему, и отменить распоряжение о переброске в Иркутск мог отдать только главнокомандующий. Но военный министр Арчegov находился сейчас в Москве, связаться с ним не имелось ни малейшей возможности — телеграфная линия под Омском была разрушена.

Михаилу Смирнову в голову поневоле закралась здравая мысль, что такое совершенно специально, обстрел начали сами сибиряки по прямому приказу графа Келлера, монархиста до последней капли крови. А значит, переворот задумывался давно, и теперь начался последний этап его реализации.

— Что мы можем сделать, господа?

Тишину нарушил голос старшего Пепеляева — министр внутренних дел и исполняющий обязанности премьера первым среди них озаботился принятием экстренных контрмер.

Жандармы из ГПУ умели работать, да и монархистами не были еще по прошлой своей работе, так как прекрасно видели, что страна скатывается к революции именно из-за самодержца.

Того самого, который в силу своей недалёковидности, если не сказать глупости, прилагал к этому не меньше усилий, чем самые махровые противники царского режима. Если не больше.

— Михаилу Александровичу мало того урока, что получил его старший брат? Решил взять власть в свои руки полностью? Опираясь на верные лично ему штыки?

Начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Болдырев заговорил тихо, но казалось, что эти вопросы он задает не собеседникам, а самому себе, ища ответ совсем не на них.

— Начинать стрельбу в городе глупо, мы будем лить воду на мельницу наших врагов!

— Вы правы, Василий Георгиевич, но что мы можем предпринять в данном случае? Я могу приказать маньчжурцам занять набережную у прогимназии Гайдука и выставить пулеметы. Тогда гвардия по понтону не перейдет через Ангару на эту сторону...

— А лейб-егеря из Знаменского ударят в спину, Анатолий Николаевич!

— Егерям через Ушаковку нужно идти. Мои казаки перекроют им мостики по речке и выход на берег, — усмехнулся атаман Оглоблин.

— Господа, вы в своем уме? Простите меня, но устраивать побоище в городе я не позволю! Это же страшнее декабря семнадцатого года будет! Даже в прошлогоднем декабре почти без крови обошлось. А тут такое может быть, — Пепеляев-старший вскочил со стула, даже стекла очков, как показалось всем, гневно засверкали. — И вы о таком спокойно говорите?! А уверены ли вы, что ваши солдаты и казаки выступят против законного монарха? Ведь как ни крути, но

Михаил Александрович избран Земским собором!

— И давал клятву при этом, которую сам и нарушает, — генерал Оглоблин усмехнулся. — А мои казаки выступают, тут у меня ни малейшего сомнения. Мы полвека при царях пасынками были, а Сибирское правительство все наши чаяния за неделю удовлетворило, и даже больше дало. И военный министр наш, из казаков, и присягу мы правительству и народу сибирскому и российскому давали, и лишь потом царю — не прежняя она, когда только одному самодержцу и императорской фамилии присягали. Так что выступают казаки, не сомневайтесь!

— Маньчжурцами командует майор Огата, что вместе с генералом Арчegovым чехов в Глазково атаковал. Вчера я с полковником Фукудой разговаривал, как бы в шутку о возможном перевороте рассказал...

— И что, Анатолий Николаевич?

— Фукуда пообещал помощь, но отнюдь не шутил, хотя и улыбался, как они все любят! Сказал, что если мои батальоны с Военного городка выступают, то японцы присоединятся.

Все собравшиеся переглянулись — в Заиркутном городке дислоцировались три запасных батальона 1-й Сибирской дивизии с учебным артдивизионом, а также японский батальон, прибывший из Забайкалья.

Сила мощная, но вот дадут ли ей гвардейцы возможность перейти через Иркут по мосту. А в обход идти, вброд или на лодках, то только через Смоленщину, а до нее больше десяти верст. Но время, время...

Москва

— Лев Давыдович, двести паровозов совершенно несуразная цифра! Да у нас в Сибири столько не наберется...

— Как же, Константин Иванович! Вы чего-то запамятовали, и очень нужное. Только у чехов вы забрали полтысячи паровозов. А у поляков сколько? Из одного Омска вышло несколько сотен паровозов с эвакуируемыми эшелонами. А еще те шесть десятков новеньких локомотивов, что вы получили у американцев?

— У вас не совсем точная информация, Лев Давыдович. Паровозы, что вы упомянули, из САСШ получили еще при адмирале Колчаке. Те, которые мы заказали, поступят только летом. Да, у нас есть свыше полутора тысяч паровозов, но на ходу и трети не будет. Остальные нужно ремонтировать, но это требует времени. Причем долгого — от силы паровоз в день. А текущий ремонт? Вы еще наши расстояния учитываете?! Перегоны по тысяче верст в Сибири обычны, от Омска до Владивостока десять тысяч! Это ж какую прорву паровозов нужно?!

— Константин Иванович, вы же понимаете, что двести паровозов нам действительно необходимы...

— Хорошо, семьдесят отремонтированных локомотивов вас полностью устроят, по глазам вижу...

— Да побойтесь Бога!

— От атеиста такое даже мне грешно слышать! Ну, хорошо, хорошо, вы меня уговорили — восемьдесят штук весьма хорошая цифра! Привлекательная, я бы так вам сказал. Ну что — согласны?

— Сто двадцать нас устроят гораздо больше! Это тот минимум, на который я еще могу согласиться!

— Сто! И ни одним паровозом больше, — выдохнул из себя Арчegov. Он был изможден этим долгим торгом. Два военных министра, а торгуются, будто два одессита на Привозе из-за синего цыпленка. Словно в старом кинофильме про студента Шурика — «двадцать баранов,

двадцать. И холодильник финский, хороший».

Никогда Константин не думал, что вот так будет торговаться. А Троцкий тот еще кадр, ему бы на колхозном рынке или в коммерции цены не было. Промашку большевики с генетикой сделали, сильно ошиблись. Вот она, перед глазами сидит, бородку задрал, и торгуется с ним столь рьяно, явно ощущая за собой тысячелетний опыт поколений одного предприимчивого народа, что даже из пленения фараонова выкрутился.

— Согласен! И тысячу вагонов, как мы уже договорились, — Троцкий ответил чересчур быстро, и Арчegov понял, что его провели, как последнего лоха. Председатель РВС явно рассчитывал на меньшую сумму, потому и торговался настолько яростно. Хотя обе договаривающиеся стороны сильно поторапливало время.

— Хорошо, пусть будет так, — генерал устало согласился, и его оппонент тут же расцвел самой доброжелательной улыбкой, победно задрал свою бородку клинышком, как у Мефистофеля. И которую Константин сравнивал в мыслях с козлиной...

— Так, — радостно протянул Троцкий, и сам себе задал вопрос, на который и принялся отвечать: — Что мы сейчас имеем? С вагонным и паровозным парком мы с вами полностью договорились, пусть будет не новое, которое и вам взять негде, а отремонтированное. Надеюсь, ваши путейцы не станут плохой товарец нам подсовывать?

— Поставьте своих приемщиков, пусть они следят за качеством, — недовольно буркнул генерал.

— Поставим, поставим, — покладисто согласился с ним Троцкий. — И нутро вагонов проверять тщательно будем — зерно там будет наше. А вот паровозы сразу уйдут на запад!

— Так мы что, на своих паровозах еще и пшеницу к вам гнать будем? А у советской власти морда не треснет? Семь миллионов пудов — это десять тысяч вагонов, целых двести эшелонов! Это ж сколько нам паровозов до Екатеринбурга гонять нужно?

— И еще до Челябинска, — тут же уточнил Троцкий, не обратив внимания на нарочитую грубость. — Направлять эшелоны с зерном, настоятельно просим, как по южной, так и по северной ветке одновременно. Мы очень остро нуждаемся в сибирском хлебе.

— Ладно, так и будет. Но вы немедленно отменяете продрозверстку, оставляете в целости и сохранности промышленные и хозяйственные объекты, не вывозите оборудование. Также не занимаетесь порчей, а то ваши отдельные товарищи вольны нарушать приказы РВС.

— Такого в Красной армии нет! И уже не происходит!

— Надеюсь на это, а потому прошу усилить контроль. Причем будет справедливо, если в нем примут участие представители от Сибирской армии. А то знаете, как-то так выходит, что вы нам не доверяете, а мы должны вам верить на слово.

— Хорошо, — лицо Троцкого скучилось, будто он лимон целиком разжевал. Было видно, что предложение ему пришлось не по нутру. И Арчegov решил добавить «жару», рассчитывая окончательно загнать Председателя реввоенсовета республики и наркома по военным делам. Вопрос-то более чем деликатный, бедняга Михайлов особенно на него упирал.

— И еще одно. С прекращением продрозверстки ваши войска и органы советской власти не могут покупать у крестьянства товары народного потребления и продовольствия. Я имею в виду имперские денежные знаки. Вы бесконтрольно печатаете в Москве «романовские» банкноты!

На гневный рык Арчегова Троцкий ответил самой обаятельной улыбкой — «а что ты хотел, генерал? Если есть возможность посадить врага в финансовую яму, то ее нужно немедленно использовать!»

Может, и не так думал Председатель РВС, но его многозначительную улыбку генерал воспринял именно в этом ключе. И насел:

— Мы не собираемся их обналичивать на золото. Не примем в Сибири и ваших советских

денежных купюр, нам они ни к чему. Не имеют они обращения на нашей территории. И ценности никакой не имеют!

От лица Троцкого можно было прикуривать папиросу, так оно раскалилось от гнева, пошло чудными багровыми пятнами. Еще бы, получить прямо в лицо гневный упрек в самом наглom фальшивомонетничестве. Советская власть охотно занималась этим увлекательным делом всю гражданскую войну, подрывая доверие населения к имевшимся в обороте «старым» дореволюционным деньгам. А ведь во всех странах сие деяние есть самое жуткое преступление, за которое немедленно карают, и так, чтоб другим неповадно было...

Верхнеудинск

— Ну, ты и сукин сын, Константин Иванович!

Генерал-майор Семенов хлопнул широкой мужицкой ладонью пахаря по столу и тяжело встал, уставившись на листок бумаги, покрытый ровными строчками бисерного почерка шифровальщика.

— Вот он извечный русский вопрос, мать его через ногу, — что делать? Что, что — лишь бы сухари не сушить пришлось, да к Унгерну в Монголию подаваться. Чтоб шкуру с меня генералы не содрали!

Бывший всевластный хозяин Забайкалья пребывал в крайнем замешательстве от полученной полчаса назад телеграммы генерала Арчегова. Послание военного министра проделало чрезвычайно извилистый путь.

Отправлено из Севастополя адмиралом Колчаком, куда пришло радиogramмой из Москвы. Во Владивостоке ее ретранслировал контр-адмирал Старк, командующий Сибирской флотилией. И теперь она у него, так же как и шифровка, направленная управляющему военно-морским ведомством контр-адмиралу Смирнову, с которым Григорий Михайлович был знаком отнюдь не шапочно.

Сейчас, мысленно сложив два и два, бывший атаман оказался в «буридановом» положении — ему нужно было что-то выбирать одно, причем очень быстро. Он физически чувствовал, как стремительно течет в песок время, и все меньше и меньше остается времени для обдумывания.

В Иркутске в самое ближайшее время произойдет военный переворот. Пользуясь отсутствием Вологодского и Арчегова, монархисты решили передать всю власть «царю Сибирскому», отстранив правительство.

В итоге — самодержавие, при котором, тут к бабке не ходи гадать, реальная власть перейдет в руки «старых» генералов. Потому заговорщики сибирскую делегацию в Москве от телеграфа отсекли, так же как и правительство в Иркутске. Так что ясно — переворот произойдет в ближайшие дни, если не часы.

— И что получу я?

Атаман вслух задал сам себе вопрос и задумался. Перспективы вырисовывались не то что туманные, а совсем не радостные.

— Да ни хрена я не получу! Я для них выскочка, прыщ на заднице! Мне все грехи припомнят! И месяца не пройдет, как меня отсюда вышибут и в лучшем случае казачью бригаду где-нибудь под Омском дадут! От Забайкалья подальше! Их у власти и без меня будет много, локтями друг дружку отпихивать станут, хрен пролезешь.

Григорий Михайлович выругался и недолго думая открыл шкафчик. Достал бутылку водки, налил полстакана и хапнул, чуть ли не глотком — хорошо-то как! Занюхал рукавом и снова задумался.

«Так, с генералами мне не по пути. Арчегов все, что мне обещал, выполнил. А потому не

кинет, и награда будет достойной. Так что выбора у меня нет. А потому думать незачем!»

Генерал громко позвенел колокольчиком, и дверь через секунду отворилась. На пороге вырос есаул, что раньше погоны войскового старшины на плечах носил, его личный порученец вот уже два года, не бросивший в трудные дни и не предавший.

— В Мысовой сейчас стоят бронепоезда есаула Гордеева?

— Да, Григорий Михайлович! «Бесстрашный» только подошел туда из Иркутска, а «Беспощадный» из Верхнеудинска.

— А ледокол «Ангара»?

— В «вилке», — коротко отозвался порученец.

— Немедленно передать ему эту шифровку от военного министра. Пусть «Ангара» ретранслирует ее в Иркутск, контр-адмиралу Смирнову. И от меня еще одну отправить.

Атаман задумался, а есаул уже открыл тетрадь, взял карандаш и приготовился записывать.

— Приказываю выступить на Иркутск незамедлительно. Проконтролируйте передачу шифровки военного министра «Ангарой». Против правительства Сибири возможно выступление заговорщиков. Забрать все десантные команды и прибыть в Порт Байкал в полное распоряжение контр-адмирала Смирнова. Сегодня из Верхнеудинска выйдет эшелон со спешенным Селенгинским уланским полком. С ним буду лично. Действовать энергично и смело, идти на всех парах. Промедление смерти подобно. Дайте скорее на подпись, потом занесите шифровальщикам и немедленно отправляйте.

Атаман размашисто подписался и взмахом руки отправил порученца, а сам задумался. Нет, решение он принял правильное, но отправкой телеграмм он сжег за собой все мосты. Теперь его не пощадят, если переворот завершится удачей...

— Вашу мать! Мало нам красных, так теперь еще генералы в тылу свару затевают, большевикам на руку играют, сволочи!

Москва

— А потому воззвание Сибирского правительства должно быть распространено немедленно, это к вашей же вящей пользе. А то возможны всяческие ошибки отдельных лиц по незнанию, которые нанесут ущерб договаривающимся сторонам. Ведь если вы заполучите хлеб таким путем, пусть даже в результате непреднамеренной оплошности, то мы сразу же вычтем его из того объема, который должны вам передать.

— Но это же...

— Договор дороже денег, господин Троцкий. Если вы не можете контролировать ситуацию, тогда это сделать сможем мы. Поверьте — те десять верст в день, которые вы отвели для нас на продвижение по мере эвакуации ваших частей и советской администрации, мы легко можем изменить с вами на полсотни, если вы на это согласны?

— Не думаю, что нам следует вносить такие изменения, — отрезал Троцкий. — Давайте оставим все, как есть.

— Впрочем, ваша администрация может расплачиваться с крестьянами сибирскими денежными знаками, которые свободно обмениваются по определенному курсу. Советская власть, как мне известно, продолжает использовать сибирские ценные бумаги и деньги в хождении.

— Так оно и есть, господин генерал, — взгляд Троцкого чуточку вильнул, и Арчegov понял, что тот замыслил подложить «свинью». Вопрос только в том, где, в чем и когда?

С другой стороны, вся эта «торговля» была длинной прелюдией к главной проблеме, которую было необходимо срочно разрешить. И Константин решительно приступил, четко

выговаривая слова:

— И еще одно — в течение этого полугода множество сибиряков и казаков было арестовано или депортировано из отходящих к нам областей. Сибирское правительство озабочено их судьбой и настоятельно требует их возвращения на постоянное место жительства. Вы не имеете право распоряжаться жизнями граждан другого государства по собственному разумению и исходя из государственной политики. Мы продолжаем требовать их немедленного возвращения, немедленного! Независимо от того, какие деяния ваши чекисты им инкриминируют...

— Это внутреннее дело Советской власти по отношению к ее врагам! Вы не имеете права вмешиваться...

— То есть вы желаете и даже провоцируете нас, чтобы на ваш террор мы нашли адекватный ответ? Вы считаете Сибирское правительство и меня лично, как военного министра, настолько равнодушными и нерешительными? Вы думаете, что мы будем продолжать спокойно смотреть, как карательные органы вашего государства расправляются с гражданами нашей страны?! И злобно нарушаете тем самым условия перемирия, которые вы же и подписали с нами в марте этого года!

— Но ведь среди них есть те, что совершили чисто уголовные преступления! Грабежи, мародерство, изнасилования...

— Смею вас заверить, Лев Давыдович, что с криминальным элементом мы ведем самую беспощадную войну. Надеюсь, вам об этом докладывали? И не думаете ли вы, что я проявлю снисхождение к преступникам там, где объявлено военное положение?!

— Нет, я так не думаю и не считаю, Константин Иванович. В решительности вам не откажешь!

— Так в чем же дело?

— Я думаю, товарищ Дзержинский пойдет вам навстречу и отдаст необходимые распоряжения.

— Когда? И желательно, чтобы не имелось бы всяких изъятий и исключений. Все сибиряки, находящиеся на вашей территории, должны быть возвращены на родину. А также те люди, кто был арестован на нашей территории и перевезен за Урал! В свою очередь Сибирское правительство гарантирует, что все желающие переехать в Советскую Россию будут туда и отправлены. Перевозка будет происходить за государственный счет, а имущество справедливо оценено, с выплатой золотом. Вас такой подход устраивает, господин Троцкий?

— Более чем, господин генерал. Что касается изложенного ранее требования, то вы сегодня переговорите с товарищем Дзержинским. Я искренне надеюсь, что вы с ним найдете способы разрешения этой проблемы! Препятствий для этого я не вижу!

— Я надеюсь на позитивное решение, господин Троцкий. А потому от имени Сибирского правительства позвольте мне сказать следующее. Это очень важно, Лев Давыдович — вы можете рассчитывать на нас в вашей справедливой войне с польскими интервентами, недавно нагло захватившими Киев — «мать городов русских»!

Арчegov говорил с все нарастающим гневом, который выплеснулся на упоминании Киева. И тут же заговорил более спокойным тоном:

— Какую военную или иную помощь вы бы хотели получить от нас? Я имею в виду не только Сибирь, но и казачьи образования, а также южно-российскую государственность, что представляют сейчас «Вооруженные силы на юге России» генерала Деникина.

Делая это заявление, Арчegov специально сделал каменным выражение лица, без малейшего проблеска эмоций. А вот Троцкий впервые потерял самообладание, и хотя растерянность длилась всего секунду, генерал успел заметить, как сверкнули глаза «льва революции», с нескрываемым торжеством и презрением...

— Гениальная конструкция, безнадежно испорченная исполнением. Ну, уже не совсем так. Вернее, совсем не так!

Командир отдельной роты морской пехоты капитан-лейтенант Тирбах снова взял в руки новую автоматическую винтовку, не в силах от нее оторваться. Два месяца назад ижевские оружейники выдали первый экземпляр — его отстреливал здесь же, в Порт-Байкале, генерал Арчegov и остался очень недоволен полученным результатом.

Петр Игнатьевич видел, с каким непонятным для него раздражением вертел в руках данное оружие генерал, как сказал он эту фразу, которую моряк сейчас повторил с нескрываемым удовольствием.

Еще бы не радоваться — за это время, с марта по май, ижевские мастера-оружейники совершили невозможное. Тот ворох замечаний, что высказал им военный министр, почему-то ругая при этом и себя, сейчас был почти полностью устранен.

Металл тускло отсвечивал, винтовка приятно оттягивала руки — вес как у снаряженной «мосинки», но сама намного короче, ствол всего в 48 сантиметров, как у японского карабина, у которого он, впрочем, заимствован. Снизу, как у автомата Федорова, единственного в армии, непонятно как попавшего в Сибирь, крепился магазин на двадцать патронов.

Испытания были проведены сегодня с утра — Тирбах не смог удержаться от распирающего любопытства. Конструкция 1916 года вчистую проиграла новорожденному конкуренту. Тот бил точнее, кучнее и, что самое важное, не заедал. Вот только стрелять нужно было короткими очередями по 3–5 патронов — если же дать длинную, то достоинства моментально превращались в недостатки. Ствол мотало из стороны в сторону, а о точности стрельбы и говорить не приходится.

Однако сейчас подработанный автомат не заедало, длинный японский патрон заходил ровно, перекосов не было. И грязи не боялся, хотя офицер его специально мелким мусором посыпал.

Теперь дело за производством опытной партии и войсковыми испытаниями. Если все пройдет успешно и винтовка получит одобрение военного министра, в чем сам Тирбах сейчас был полностью уверен, то к концу лета армия начнет получать первые серийные образцы.

А ведь будет еще и ручной пулемет, первый экземпляр которого уже доводится до нужной кондиции, как поведали ижевцы. Конструкция соблюдена в точности, детали механизма взаимозаменяемы с винтовкой.

Все отличие в длинном винтовочном стволе в 80 сантиметров, более толстом, что действительно необходимо для ведения стрельбы длинными очередями, и сошках, без которых никак нельзя. Да иной формы приклада — так лежать удобнее целиться.

Пора и над названием для нового оружия думать. Оружейники с ходу предложили два, по аналогии с имеющимся «хлыстом». Для автоматической винтовки «плеть», а пулемет окрестили «нагайкой». Названия ходовые, характер оружия только подчеркивают.

Вот только сам Тирбах сомневался, что военный министр их оставит. Как он слышал собственными ушами, в марте генерал Арчegov раз обмолвился, назвав автомат «калачом». Вроде как «кормить» врага будет, как Петр Игнатьевич понял по этой оговорке.

Правда, это только ему послышалось, другие настаивали, что главнокомандующий вообще назвал это новое оружие каким-то «калашом». Что это такое и с чем его едят — непонятно! Очень странное название, если не сказать больше...

— Все налюбоваться не можешь ижевским творением, глаза отвести, Петр Игнатьевич?!

В комнату стремительно вошел командир дивизиона канонерских лодок капитан-лейтенант Миллер. Возбужденный донелся для своего спокойного немецкого характера, с разгорячившимся лицом и нервными, порывистыми движениями.

— Что случилось, Владимир Оттович?

— Пока не знаю, но чувствую одним местом — грядут у нас большие перемены и вряд ли к добру!

Тирбах отложил автомат в сторону, моментально насторожившись. Его друг к розыгрышам не имел ни малейшего пристрастия, а таким он его не видел даже со времен злосчастной эвакуации с Иртыша.

— В чем дело?

— С «Ангары» отправили радиogramму для ретрансляции в Иркутск адмиралу Смирнову. От военного министра.

— И что тут такого, камрад? Просто генерал Арчegov не воспользовался телеграфом!

— А им и не воспользуешься! Командующий флотилией лично опечатал станцию в Лиственничном и выставил караул. Отсюда, с Порты Байкал, можно связаться только с Глазково, где любое послание пропадает втуне. Вспомни, как мы в декабре предместье атаковали?

— Ты хочешь сказать...

— Сейчас похожая ситуация, только наоборот! Каперанг Фомин мало, что опечатал телеграф, он приказал флаг-офицеру радиogramму военного министра не ретранслировать. Я это собственными ушами слышал, а потому сразу на «Волну» кинулся и на эту сторону подался!

— Твою мать! Так что ж такое происходит?!

Тирбах выругался в три морских загиба. И что думать прикажете, когда начальник не то что не выполняет вовремя приказа главнокомандующего, он его вообще игнорирует?

— Фомин ненавидит Арчegovа с того дня, что мы прибыли на флотилию, и адмиралу Смирнову стойкий недоброжелатель. И если он себя так повел, то, значит, на что-то рассчитывает. Ведь знает, что военный министр за неисполнение приказа по головке не погладит.

— Что ты предлагаешь, Владимир Оттович?

— У тебя на «Михаиле» недавно установили радиостанцию. Свяжись с Иркутском, с управлением флота — там тоже станция стоит. Доложи адмиралу — чую, дело нечистое! На моих канонерках радио нет!

— О полезности неограниченного самодержавия и до тебя слухи дошли?! Ты об этом?

— Да. Я монархист, но сейчас я не сторонник самодержавия. А его противник. Хватит, и так обожглись с дураком на троне, что и страну погубил, и себя, и собственную семью. И если в пользу этого заговор, то я категорически против — нужно быть полным идиотом, чтоб сейчас перевороты на радость красным устраивать. Ты вспомни — каперанг Фомин сидел здесь сиднем, ничего не делал. И погубил бы все, хотя мог спасти. Арчegov же воз этот вытянул, при нем победы у нас пошли. Смотри, какая Сибирь сейчас стала. Нет, по мне лучше правительство Вологодского, чем перевороты со смутой, что ни к чему хорошему не приведут!

— Хорошо! Скажу откровенно — я тоже против. А потому немедленно радирую контр-адмиралу Смирнову. И еще — я поднимаю в ружье свою морскую пехоту и десантников Арчegovа, что в учебном центре. Советую тебе свои корабли к бою и походу изготовить. Мало ли что произойдет, а нам нужно быть наготове ко всяким случайностям!

Петрозаводск

Прибывший на станцию бронепоезд был длинный, как полярная ночь. По крайней мере,

таких генерал Марушевский еще не видел. Впрочем, весь его опыт заключался в лицезрении наспех построенных в Мурманске и Архангельске «адмиралов» — бронированных угловатых коробок, вооруженных морскими пушками и имеющих экипажи из флотских офицеров. И имена им были даны соответствующие — «Колчак» и «Непенин».

Сейчас в армии остался только один, выполняющий функции подвижной батареи по охране железных дорог. Но ни в какое сравнение с прибывшим бронепоездом «адмирал» не шел.

В нем все было по два — один бронированный паровоз в центре состава, еще один прицеплен концевым. Два броневагона были увенчаны с каждого торца круглыми приземистыми башнями с трехдюймовыми пушками. Еще два вагона были угловатыми бронированными ящиками с откидными дверьми и с несколькими пулеметными амбразурами в бортах.

Следующая парочка вызывала нешуточное уважение — в каждой по одной 48-линейной гаубице, установленной в конусообразной башне и с бронированным пулеметным казематом. Подобную конструкцию генерал видел на фотографии бронепоезда «Хунхуз», но там сама башня была меньше и вооружена трехдюймовкой.

За концевым паровозом был прицеплен длинный бронированный вагон с наклонными стенками. В торцах грозно высились башни с трехдюймовыми пушками, с броневыми колпаками и перископами.

И еще генерал заметил выхлопные трубы, а потому сразу решил, что в данном вагоне имеется двигатель и он может действовать самостоятельно, в отрыве от бронепоезда. Более чем серьезная сила прибыла в приполярный северный край на помощь из далекой Сибири. Не поспешили...

Два эшелона по полсотни теплушек и платформ, с несколькими классными вагонами, как показалось ему, заполнили станцию. Паровозы, выпустив клубы пара, остановились. Как по команде двери в теплушках поползли в сторону и оттуда посыпались, словно горошинки из опрокинутой банки, десятки солдат в непривычной здесь русской полевой форме.

Дело в том, что на севере русские войска вот уже два года находились на британском иждивении. Первые англичане высадились еще в начале 1918 года под предлогом защиты огромных складов в Мурманске и Архангельске от их захвата немцами или большевиками.

И потом грузы в порты доставлялись бесперебойно, в требуемых количествах, с излишками — интервенты воевать любили с комфортом, а уж в боеприпасах не экономили.

В августе прошлого года союзники покинули север, но все лето перевозили на пароходах в Мурманск свои чудовищные запасы, которых, как генерал Марушевский хорошо знал, хватило бы на пару лет для снабжения всего края, где чуть больше полумиллиона жителей проживало.

И воевать можно было года три-четыре совершенно спокойно, ни о чем не заботясь. Снарядов и патронов имелось в достатке, а в английской форме щеголяла вся армия, в которой едва насчитывалось двадцать тысяч, включая моряков немаленького по местным меркам флота и всех стражников вкупе с полицией...

Солдаты проворно строились вдоль вагонов, усталости в них не чувствовалось, несмотря на дальнюю дорогу. У каждого за плечами туго набитый матерчатый ранец с широкими лямками, скатка через плечо, на поясах фляги, ножи и саперные лопатки в чехлах. Оружие в руках держали знакомое — винтовки «Ли Энфилд», ручные «Льюисы» и станковые пулеметы «Виккерса» — все сплошь английское.

Впрочем, у многих солдат были в руках незнакомые генералу конструкции, чем-то отдаленно напоминающие ему ручные пулеметы «Шоша», с которыми его солдаты воевали во Франции, где он командовал 3-й Особой русской бригадой. Только были они намного меньше в размерах. Или походили на однажды виденный, захваченный у красных трофей — автомат

конструкции генерала Федорова. Но там ложе и приклад из дерева, а тут все из железа, даже складывающийся приклад.

Из классного вагона сошел моложавый генерал, что-то спросил у подошедшего к нему коменданта станции в красной железнодорожной фуражке и, чуть раскачиваясь, что заметно у людей долгое время пробывших в поездке по железной дороге или в плавании, пошел навстречу.

— Генерал-майор Петров! Прибыл в ваше распоряжение, ваше превосходительство! — четко доложил подошедший и чуть тише добавил свое имя с отчеством. — Павел Петрович.

— Я рад вас видеть, генерал, — крепко пожал протянутую ему ладонь с сильными пальцами. И сам представился. — Командующий отдельным Северным армейским корпусом генерал-лейтенант Марушевский! Владимир Владимирович. Как добрались? Какие впечатления от столь долгой дороги?

— Шесть недель тряслись. Надоело хуже горькой редьки! А впечатления... Довели большевики страну до ручки — нищета и разруха кругом. Железная дорога еле дышит! Но дошли в полном порядке!

— Это очень хорошо, что в полном порядке. Вы прямо как в море — с корабля на бал. Вовремя прибыли!

Генерал ничего не ответил, только внимательно посмотрел на командующего. Пауза стала многозначительной. И Марушевский решил не тянуть и сразу ввести Петрова в курс дел.

— Положение очень сложное. Финнам было мало захватить наше исконное — Валаамский монастырь на Ладоге и Ребольскую волость. Они в этом марте заняли Ухту. А сейчас рвутся к Олонцу силами до двух тысяч штыков под командованием подполковника Павла Тайвела. Имя у него чуточку другое, но без стакана сразу и не скажешь. Их правительство от этого похода отрешивается, но за спиной егерей стоит, в этом у нас нет сомнения!

— У меня две тысячи штыков. Сводно-егерский полк в два батальона. И горный артдивизион трехбатарейного состава — 12 орудий. Пулеметная рота полного состава, гренадерский взвод, саперы. Кроме того, можете рассчитывать на два моих бронепоезда «Блестящий» и «Бравый» и бронемотовагон «Быстрый». Но ведь к Ладоге, как я знаю, железной дороги нет?

— В том-то и проблема, иначе бы давно артиллерию перебросили. Зато теперь по-другому пойдет. Но как большевики разрешили такую силу по железной дороге сюда перевезти?

— В Омске договорились с Эйхе о переброске одного бронепоезда с батальоном пехоты. Правда, усиленного состава, — Петров лукаво улыбнулся. — С патронами поможете, а то у нас по обойме на винтовку и по диску на пулемет?! «Виккерсы» вообще без лент. Но если бы большевики вздумали нас истребить, они бы кровью умылись.

— А чем бы воевали, коли пришлось?

— «Хлыстами», — генерал показал рукою на незнакомый автомат. — Пистолет-пулемет! Патрон пистолетный, японский «Намбу», но стреляет как пулемет. Плотно, хотя не далеко. Патронов к нему взяли в избытке.

— В лесу дальность не слишком нужна, так что ваш автомат здесь будет зело полезен. Нам не выделите самую малость?

— У меня две сотни «хлыстов», половина из них ваша. Специально привезли. Взамен прошу нам выдать боеприпасы. У нас, как я уже говорил, их практически нет.

— Что-то, а к английскому оружию с боеприпасами у нас проблем давно нет. Сегодня же получите все требуемое со складов. Подайте заявку и напишите все, что вам нужно.

Марушевский облегченно вздохнул — напряжение последних дней с души схлынуло. Теперь все пойдет совсем по-другому, а на силу ответ будет дан силой. И немедленно!

— Панове большевики в спасители России записались?! Это что-то новое для вчерашних германских наймитов!

По губам Пилсудского пробежала злая ухмылка. Пышные усы встопорщились — «начальник государства» пребывал не в самом лучшем настроении. И было отчего призадуматься...

— Жид Троцкий примеряет роль князя Пожарского, а «литератору» Ленину не дают спать лавры купца Козьмы Минина. Генерал Брусилов собирает новое ополчение, спасти Россию от польской интервенции, будто на дворе 1612 год стоит!

Пан Юзеф продемонстрировал неплохое знание русской истории, которую он внимательно изучал в молодости. Цель тогда для него была ясна, а чтобы победить врага, нужно его досконально знать. А такие знания может дать только история, и как нельзя лучше. Прошедшее время дает правильные ответы для настоящего и позволит предвидеть будущее.

Последние дни Пилсудский пребывал в замешательстве и напряжении — в Москве сейчас решалась судьба его страны. Если сибиряки договорятся за себя и за Деникина о продлении перемирия с красными, то большевики смогут сосредоточить против Польши не меньше тридцати стрелковых дивизий, создав полуторный перевес.

В таком варианте развития событий ничего хорошего он не ожидал. И пусть паны горлопанили в Варшаве о доблести жолнезов и трусости москалей, но сам Юзеф хорошо знал, каковы русские солдаты. Тем более сейчас в Москве принимали лихорадочные меры.

Русские генералы и офицеры сотнями записывались в Красную армию. Ненависть к полякам, как к интервентам и оккупантам, полностью задавила в их душах злобу на большевиков — русское офицерство всегда пылало патриотизмом, в отличие от интеллигенции, что страдала равнодушием и космополитизмом. И если Деникин не станет терзать большевиков, даст им возможность ударить по полякам со всей силы, то будет худо, совсем плохо.

Надеяться на то, что Антон Иванович, будучи по матери поляком, воспылет любовью к «Привислянскому краю», было безумием. Генерал сквозь зубы признал независимость Польши, но в границах по Бугу, а не по Днепру. И к поглощению западным соседом Белоруссии и Малороссии относился резко отрицательно.

Возможен такой вариант?

— Еще как возможен, — вслух сказал Пилсудский, отвечая на свой собственный вопрос. — Но еще более вероятна ситуация, что московские властители, стоит дать им еще один наглядный урок, пойдут на попятный. И такой урок мы им дадим!

В голосе Пилсудского прозвучали угрожающие нотки. Большевикам не привыкать подписывать унижительные соглашения. И будет просто символично, если в Бресте они во второй раз покажут всему миру свою подлость и трусость. И так будет всегда, ибо русские варвары!

Ленин не начнет тотальной войны с Польшей, в этом пан Юзеф был почти полностью уверен. Почти, потому что, кто знает, какая моча им в голову ударить может?! Но если не брать в расчет совсем маловероятное, то ситуация просчитывалась хорошо.

Иметь в своем тылу белых, которые жаждут смешать с дерьмом большевиков за все их чудовищные преступления, безжалостно раздавить, как вонючего клопа, — для красной Москвы то еще удовольствие. Оголять фронт большевики не станут, что на юге, что в Сибири, слишком велика для них будет цена поражения, что в войне на три фронта весьма вероятно.

Если белые ударят всей силою, то произойдет катастрофа, они не остановятся, пока до Москвы не дойдут. Вот это будет хуже всего — воевать с возрожденной Российской империей

полякам не улыбалось, за исключением тех, кто на голову совсем слаб.

Нет, все расчеты верны, и они оправдаются, как бы ни бесновались в Москве большевики, взывая к великорусскому шовинизму. Красные просто не успеют. Заняв Киев, ситуация для поляков стала выигрышной. Используя плацдарм по Днепру от Киева до Речицы и Мозыря, Пилсудский запланировал нанести мощный удар пятью дивизиями и двигаться через Жлобин на Могилев и Оршу, вдоль Днепра, до Смоленска.

Одновременно по левому берегу Западной Двины должна была наступать 1-я польская армия на Витебск. Те семь дивизий красных, что сидели в окопах, да три дивизии, которые разгружались из эшелонов, попадали в окружение. Заняв Смоленск и заперев проход через двинско-днепровскую излучину, можно будет диктовать большевикам какие угодно условия, ибо сил у красных нет. А путь на Москву станет открытым.

Понятно, что идти туда не следует, хватит, один раз сходили. Но шантажировать можно!

— Ну что ж! Завтра армии перейдут в наступление. И настанет время «Великой Польши»!

Москва

— Товарищ Троцкий, вы сейчас защищаете нашу Россию от интервентов! А потому мы не можем безучастно смотреть и потирать руки в сторонке. Тем более, несмотря на все наши разногласия и взаимную ненависть, бить вас в спину. Возможно, мы в таком случае и возьмем Москву, но захлебнемся кровью и потеряем Минск и Киев!

Председатель РВС с удивлением посмотрел на военного министра Арчегова — как расценивать обращение «товарищ»? Ведь это не простая оговорка, такое невозможно, все делается с умыслом. В русской армии и повседневной жизни использовалось это слово, как «товарищи по оружию» или «товарищ министра» — но с совершенно иным наполнением, не тем, что вложила советская власть.

И как понимать эту оговорку прикажете?

— Интервенция идет и против нас — в Карелии. Финны рвутся к Олонцу, а наши войска на севере слишком малочисленны, чтобы их удержать. Даже с учетом того батальона и бронепоезда, что нам удалось с вашей помощью перебросить в Петрозаводск.

— Полка, Константин Иванович, плюс дивизион «бепо» из трех единиц! Мы знаем ваше штатное расписание и тоже умеем считать, — Троцкий широко улыбнулся, на этот раз вполне искренне.

«Ну что ж, все окончательно определилось. „Старик“ гений, предвидел этот вариант и настоял на очистке Карелии. Теперь можно начать и договариваться по принципу — ты мне, а я тебе».

— В чем вы видите нашу помощь?

— Лев Давыдович, было бы очень желательно, чтобы Балтийский флот повторил прошлогоднюю десантную операцию на Ладого, когда вы растрепали чухонцев. Ситуация в точности такая же, но сейчас финнов намного меньше. И еще — помогите нам в освобождении от интервентов русской святыни — Валаамского монастыря, и еще передайте несколько кораблей своей Онежской флотилии. Это моторные канонерки малого водоизмещения, — голос Арчегова стал просящим.

Троцкий понял, что торг сейчас неуместен. И вспомнил наказ Владимира Ильича — уступать в малом не задумываясь. А тут дело так повернулось, что катеров или канонерок не жалко. Предреввоенсовета сейчас бы с Балтики и пару линкоров не задумываясь отдал. Вместе с командами и броненосцем с крейсером в придачу.

— Хорошо, мы вам отдадим все корабли с Онеги, какие вы пожелаете. И пропустим их в

Ладогу. Но условие — ни у вас, ни у нас на Онежском озере не будет военных флотилий!

— Я согласен, пусть будет «озером мира», — Арчegov улыбнулся и тут же попросил: — У вас в Петрограде масса флотских офицеров, а нам корабли комплектовать нужно?!

— Все желающие будут переданы незамедлительно, — Троцкий улыбнулся, и, предвосхищая следующую просьбу генерала, добавил: — Вместе с семьями. Но доставку вы оплатите!

— Взаиморасчет вас устроит, Лев Давыдович?

— Вполне.

— Вы, большевики, создаете пролетарское государство нового типа. А потому у вас вряд ли есть заинтересованность в старой интеллигенции, которую господин Ленин «дерьмом» назвать соизволил, и «гнилой» к тому же. Мы возьмем у вас их всех, оптом, как торговцы выражаться любят. В Сибири для них всех найдется работа, чай не на каторгу выезжают, не прежние времена. Да и край уже не дикий. Ха-ха...

Троцкий дробным смешком поддержал генерала — циничная шутка ему понравилась. Теперь он знал, что с военным министром можно «сварить кашу», и на любой вкус. И отбросил дипломатию в сторону.

— Тогда нужно оговорить, по какой цене вы их приобретете? И сроки оплаты товара?

— Упитанность отдельных «баранов» меня не интересует, торговаться здесь нет смысла. А вот за отару платить можно, и чем она больше, тем лучше. Тысяч двадцать для начала вас устроит? Без семей, конечно, — те за отдельную плату пойдут.

— Я сегодня переговорю с товарищем Дзержинским. Думаю, нас устроит ваше предложение...

— По поставкам шерсти и мяса!

Троцкий прыснул смешком, не в силах удержаться. Нет, неприкрытый и веселый цинизм генерала ему сейчас определенно нравился. Настоящий большевик, жаль, что враг матерый.

— А вы что можете нам предложить в обмен?

— По бартеру? У нас в Сибири тысяч двадцать ваших красноармейцев и пришлых большевиков. Этого хватит, чтобы вы свои 30-ю и 35-ю дивизию довели до полного штата. И вооружим их, и снарядим — пулеметы и винтовки русские еще есть, патронов немного к ним. Но доводить вы их до кондиции будете за Уралом. Сами понимаете почему!

— С этим ясно. Ваши условия нас вполне устроят. А еще, ведь этого мало, замечу вам.

— Понимаю. Отдадим вам и местных большевиков, в этом вы заинтересованы. Возиться с остающимися у нас не будем, поступим так же, как советская власть это часто демонстрирует. Так что вам следует обратиться к нашим местным «товарищам» с призывом немедленно уезжать за Урал и общими усилиями раздуть мировую революцию. Я думаю, такая благая цель оправдывает средства? Мы им даже поможем с доставкой, за казенный счет, разумеется. И даже карать за совершенные ранее преступления не будем. Во благо мировой революции гуманизм проявим. Вы уж только их всех заберите сейчас, а то к осени и на развод не останется. Мы с партизанщиной боремся люто, как и вы, большевики.

— Ну что ж, ваше предложение более чем разумно, и я думаю, нас полностью устраивает, Константин Иванович.

— Как и те пять дивизий 5-й армии, что вы сможете легко перебросить на западный фронт. Их эшелоны по Сибири мы обеспечим нашими паровозами. И еще — вы сможете перебросить и несколько дивизий, что сейчас оккупируют территории Оренбургского и Яицкого казачьих войск. По меньшей мере, две из них, 24-ю и 25-ю. Они у вас самые боеспособные и укомплектованные, в каждой по 10 тысяч штыков и по паре тысяч сабель. Страшная сила, при грамотном подходе.

— Вы хорошо проинформированы, господин генерал.

— Работа такая, Лев Давыдович, как и у вас. И думаю, вы еще больше сможете усилить армии Тухачевского и Егорова, если быстрее очистите низовья Волги и Дон...

— Царицын не просите, не отдадим!

— Я и не прошу. Сейчас не прошу. Но вот когда вы выйдете на Вислу... Понимаю, в чем затруднения. Да, кстати, вы уже определились с кандидатурой донского атамана?

— Генерал Петр Краснов вас устроит?

— Вполне, — после долгой паузы, словно оценивая и размышляя, Арчegov ответил любимым словом Троцкого. А сам обрадовался тому, что правильно рассчитал ходы, и большевики выбрали нужный ему вариант. Но лицо не осветилось радостью, наоборот, нахмурилось.

— Краснов ненавистник Деникина, а вы, дав гарантии по поводу Сибирской армии, не желаете давать их по отношению к «Вооруженным силам юга России», Константин Иванович!

— Вам нужна нефть, Лев Давыдович?

Арчegov спросил резко, пристально посмотрев на собеседника. Вернее, подельника, настолько мерзко он себя чувствовал внутри, словно в дерьмо с головой влез, по самые уши.

— Без нефти вести войну с поляками будет трудно. Вы решили отдать Грозненские промыслы?

Вопрос прозвучал с издевкой, и Константин ее сразу уловил. Но не отреагировал в том же духе, адекватно ситуации, а как бы задумчиво произнес, внимательно посмотрев в глаза Троцкого и выделяя интонацией каждое слово в отдельности:

— Грозненские промыслы не смогут полностью обеспечить наши потребности. И тем более ваши. Но кое-что мы дадим вам немедленно. И еще — нефть вы получите уже в июле в требуемом для вас количестве! Любом, даже немыслимом. Это и будет нашей гарантией, что войска Деникина не ударят вас в спину. Надеюсь, вы меня правильно поняли?

— Я вас понял, Константин Иванович, — тихо отозвался Троцкий после долгой паузы, а стекла очков победно сверкнули.

— Тяжело нападать на спину врага, когда сам стоишь к нему спиной и далеко. Ведь так, господин генерал?!

Порт Байкал

— Вы осознаете, Николай Георгиевич, что вы совершили?

Контр-адмирал Смирнов уставился тяжелым взглядом в побледневшее лицо командующего Байкальской флотилией. Капитан первого ранга Фомин не дрогнул, смотрел прямо, ноздри раздувались от сдерживаемого гнева.

Он прочитал радиogramмы военного министра, благо шифровальщики под рукой были, и понял все. Все несуразности минувших дней перестали мелькать перед глазами и сложились в понятную мозаику.

— Я, ваше превосходительство, давал присягу монарху и России и отступать от нее не намерен! Как и другие офицеры, я не желаю расчленения державы на лоскутные псевдогосударства!

— Вы хотите сказать, что присяга, которую вы дали Сибирскому правительству и народу, считается недействительной?

— Нет, я так не говорил. Но в присяге говорится еще о монархе и России. Ведь так, господин адмирал?

— Да, это так! — глухим голосом отозвался Смирнов.

Раньше он бы сам был на стороне Фомина, но не станешь же объяснять всем и каждому то главное, потаенное, о чем во весь голос не объявишь. А потому такие заговоры неизбежны, и хуже того, всегда в них вовлекаются честные офицеры. И сейчас он сам должен сделать свой выбор.

— Я понимаю вас! Но давайте посмотрим на это дело иначе. Завтра вы возьмете власть в Иркутске и принудите Сибирское правительство отказаться не только от независимости, но и от автономии. В пользу самодержавия! Завтра, завтра, Николай Георгиевич, у нас верная информация. А вы предполагаете, какие последствия возможны от вашего шага?

— Единая и неделимая Великая Россия! Большевики на ладан дышат, и мы их добьем в течение года! А вы с этими изуверами договариваетесь, Родиной торгуете, адмирал!

— Я бы на вашем месте не торопился бросать оскорбления, господин капитан первого ранга. Но то, что вы желаете сотворить в Иркутске, называется не спасением России, а предательством...

— Я не признаю бело-зеленую тряпку, а потому...

— Прошу слушать не перебивая, как я вас выслушал! Я управляю морским ведомством, а не вы. И пока несу ответственность за флот. А перебивать старшего по чину и есть большевизм, против которого вы так рьяно выступаете! Вот так!

— Прошу простить меня за несдержанность, господин контр-адмирал. Но только за это!

— Буду с вами откровенным! Пять месяцев тому назад я сам думал так же, как и вы. Но сейчас изменил свои взгляды. Во-первых: население неоднородно, многие поддерживают идею монархии, но среди них есть и те, что отнюдь не отождествляют ее с самодержавием. Значительная масса обывателей не разделяет ваши взгляды на будущее, вернее, прошлое устройство. Много и тех, кто является противниками монархии, есть и «областники», что заняли большинство мест в Народном собрании. И как вы их всех убеждать в своей правоте будете — порками и расстрелами?! Так мы это проходили, и в ответ получили такой всплеск партизанщины, от которой до сих пор спокойно жить не можем!

Смирнов вздохнул, перебарывая гнев. Фомин молчал, угрюмо взирая на разъяренного адмирала.

— Нынешняя форма устройства устраивает если не всех, то подавляющее большинство населения. За исключением «покрасневших», понятное дело. И армию с флотом, где большинство составляют именно сибиряки. И вы хотите и с ними воевать, красных вам мало?!

— Мы не собираемся устраивать внутреннюю гражданскую войну, ее просто не будет!

— Вы наивны, Николай Георгиевич! Завтра, если заговорщиков не остановить, такая бойня начнется, что мне и представить страшно! И хуже того — вы уже начали лить кровь. Связь с Омском прервана, ваши офицеры заблокировали телеграф. Для чего? А тут может быть простое объяснение — провоцируя красных обстрелами, можно вызвать репрессии против сибирской делегации в Москве, — адмирал Смирнов с шипением выдохнул из груди воздух, ярость клокотала. — Гибель председателя правительства Вологодского и генерала Арчегова вызовет в Сибири всплеск ненависти, война станет понятной для населения. И ради этой цели вы уже приговорили тех, без энергии которых в декабре и январе мы бы не выстояли под напором красных! А ведь именно они сделали все, чтобы Сибирь получила своего царя!

— Большевики ничего бы не сделали с нашей делегацией. В худшем случае посадили бы под стражу!

— Я вам задам один вопрос — кто вас втянул в заговор? Молчите?! Тогда спрошу вас иначе — с вами его величество говорил по данному, скажем так, предприятию?

— Нет, государь со мной не говорил!

— Вы недавно имели беседу с генерал-адъютантом Фоминым и флигель-адъютантом

Шмайсером! Ведь так?! А вы уверены, что эти господа не добавили что-нибудь лишнее от себя, проявив неуместную инициативу?

Ответить командующий флотилией не успел, как внезапно дверь отворилась, и в комнату буквально вбежал флаг-офицер. Его лицо было встревоженным донельзя.

— Прошу меня простить, ваше превосходительство! Срочная радиограмма оперативного дежурного! В Иркутске совершено покушение на начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Болдырева. Он убит выстрелом из винтовки. Покушавшихся на него задержать не удалось! И еще — неизвестными злоумышленниками ранен генерал-лейтенант Пепеляев!

— И вы это хотите списать на эсеров? Или на немыслимую случайность? Вот, значит, что вы с нами задумали сотворить?! И думаю не с полудня, а с утра пораньше, перед рассветом. Пока все спят. Ведь так?!

Смирнов побледнел от ярости, желваки заходили под кожей. Адмирал тяжело поднялся со стула, ненавидяще смотря на Фомина, который отвел взгляд в сторону.

И Михаил Иванович все понял — не время уже для разговоров, когда его практически не осталось. Адмирал громко произнес, почти выкрикнул:

— Капитан-лейтенант Миллер! Капитан-лейтенант Тирбах!

— Я здесь, ваше превосходительство!

Офицеры моментально появились в раскрытой двери, дружно шагнув в нее. Они прекрасно слышали весь разговор и оба кипели от распирающего их праведного гнева.

Взгляд Смирнова уткнулся в Тирбаха — тот встретил его прямо, демонстрируя готовность выполнить любой приказ.

— Я отстраняю капитана первого ранга Фомина от командования Байкальской флотилией. Приказываю взять его под арест. И еще, Петр Игнатьевич, поднимайте по боевой тревоге морскую пехоту и десантников учебного центра. Забирайте пулеметы и патроны. А вам, Владимир Оттович, приказываю принять Байкальскую флотилию!

— Есть принять флотилию, ваше превосходительство!

— Корабли к походу и бою изготовить! Я поднимаю свой флаг на «Кругобайкальце»! Через два часа мы должны пойти на Иркутск!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

И останутся как в сказке

(14 мая 1920 года)

Порт Байкал

Массивный корпус ледокола возвышался над «вилкой», хорошо освещенный бледным светом полной луны. Свинцовая гладь озера, что издавна называлась сибиряками «Священным морем», тускло отражалась на его высоких бортах. Длинные трубы мощного, по сути морского корабля, еще дымили, заволакивая портовый кран.

Вот только «Ангара» не спала, на ней бурлила жизнь и была ключом. По сходням вниз устремилась на пристань масса людей, держа на ремнях короткие винтовки и карабины.

И, словно десятки блестящих стекляшек, щедро разбросанных по гряде песка, сверкали то там, то тут немногочисленные иглы примкнутых штыков, на которых яркое ночное светило играло своими загадочными бликами.

— Я рад вас видеть, Григорий Михайлович!

Контр-адмирал Смирнов крепко пожал руку кряжистому и широкоплечему усатому генералу, бывшему «властелину Даурии». Где желтые казачьи лампасы и фуражка с таким же околышем, знакомые каждому, кто бывал в Забайкалье?

На атамане ладно сидел бурятский синий таарлык с нашитыми на плечах защитными погонями с молниями и одиноким серым металлическим «орлом» генерал-майора. В такую же униформу были облачены сопровождающие Григория Семенова офицеры, лица большинства из которых говорили о принадлежности к великороссам, но отнюдь не почитателям «Гэссера».

— Со мною селенгинские уланы, еле забились эскадронами на эту лоханку, Михаил Иванович. Ждать эшелона не стали — пока еще на паровозах вокруг озера дочапаешь.

— Как переход?

— Нормально. По глади ровно скользили, а будь волнение, то мои буряты бы все заблевали — непривычные они к морю.

— Это хорошо, Григорий Михайлович. Нужно один эскадрон выбрать, что в море не укачался. Сейчас ваши уланы снова на борт подниматься будут — вон на те два парохода их и распределим.

В небольшом порту, приткнувшись, где только возможно, стояло полдюжины маленьких пароходиков — один винтовой и пять с большими гребными колесами по бортам. Невооруженные — атаман нигде не видел длинные орудийные хоботы, лишь на винтовом «Михаиле» стояли пулеметы «Максим» за стальными щитками.

Но на корме у каждого корабля виднелись белые флаги с косым синим крестом — Андреевские. Что всегда обозначали принадлежность к военно-морскому флоту. Они живо трепыхались под веселым весенним ветерком.

— Если в Иркутске нас пулеметами встретят, то перетопнем все на Ангаре, как худые котятка в ведре. Мои плавать совсем не умеют, да и те, кто сможет, утопнут — вода-то ледянучая. Даже в жаркие дни она больно студеная! — Григорий Михайлович поежился, будто сам ощутил холодную, пьешь — и то зубы ломит, ангарскую воду. Адмирал посмотрел на него с усмешкой, но генералу было не до шуток. Он лихорадочно соображал. Затем с недоумением задал вопрос:

— И как это так — один только эскадрон на пароходы возьмете? У меня здесь четыре

полных эскадрона с пулеметной командой — они что, под Иркутском не нужны?

— Через полчаса два бронепоезда есаула Гордеева подойдут, по телеграфу уже сообщили. Видите, как путейцы суетятся, встречу готовят. «Черные» отцепят, а на Иркутск бронепаровозы потянут. Их уже за Маритуем растопили, час назад, чтоб под парами были наготове. А вам, Григорий Михайлович, эшелон здесь подготовили, с комфортом поедете, — адмирал указал на короткий состав из дюжины теплушек.

— Годится, — буркнул в ответ атаман, — с лошадьми полуэскадрону бы едва хватило, а так все влезем. Может, я и четвертый эскадрон по вагонам рассую, как раз семьсот улан в состав войдут, если битком набить. А то потопят ваши лоханки, и съедят рыбы моих бурят. У вас на пароходах пушек-то совсем нет, как я вижу!

— А вы туда посмотрите, Григорий Михайлович, поближе к тому берегу. Вон там, видите?! Смирнов ткнул пальцем в горловину могучей реки, где над противоположным берегом возвышалась сопка. На ее фоне были еле видны строгие силуэты трех кораблей с броневыми ящиками орудийных щитов.

— На растерзание вас не отдадут, — и пояснил, засмеявшись: — Мой флагман, ледокол «Кругобайкалец», и с ним две малых канонерки, что на платформах сюда с Амура в апреле доставили. Там они посыльными судами ходили, но бронированы от пуль. По «горняшке» и паре пулеметов на каждом, а на ледоколе еще мелкая пушка на корме есть, в полтора дюйма. Но это не все — посмотрите дальше, вон там, на реке, ниже нас по течению, у того берега катера стоят!

Григорий Михайлович прищурил и без того узкие степные глаза — далеко, почти сливаясь со свинцовой темной водой, застыли три совсем крохотных кораблика.

— На «Волне» только пулеметы стоят, зато на двух бронекатерах к ним по мелкокалиберной пушке установлено. Так что спустимся по Ангаре, а там бой не страшен. Хотя я не уверен, что гвардейцы стрелять начнут — у них что, совсем мозгов нет? И пушек, кстати, тоже, — адмирал усмехнулся, вот только голос был недобрый, со сдерживаемой злостью. — У нас на кораблях полтысячи десантников, да у вас полных семь сотен улан с двумя бронепоездами поддержки. Намного больше, чем в декабре было, когда мы чехов атаковали. Но там дивизия супротив была, пусть и неполная, да несколько тысяч повстанцев. А в городе за нас были только военные училища, и те рекой отрезаны. Но ведь победили!

— Хорошо вы их тогда с генералом Арчegovым разнесли, по реке и «железке», до сих пор слава идет. Тем паче опыт-то никуда не делся?

Атаман Семенов заодно подмигнул моряку, откровенно намекая адмиралу, что тот в прошлый раз и командовал кораблями. Теперь атаман полностью уверился, что выбрал правильное решение, прислушавшись к просьбе генерала Арчегова.

Москва

— Мы забрали синицу в руки, а большевики предпочли журавля в небе. Ну что ж — каждому свое, — генерал Арчegov потянулся, как сытый и довольный кот. И широко улыбнулся, первый раз искренне, за эти кровавые и суматошные дни.

— Теперь бы эти договоренности нам бы правильно оформить. Хотя, как мне думается, для наших оппонентов, когда им станет выгодно, они будут стоять дешевле бумаги, на которой будут закреплены.

— Вы правы, Петр Васильевич. С ними нужно быть постоянно настороже, излишняя доверчивость не просто пагубна, она гибельна. Хотя, если учитывать полученные нами дивиденды, игра стоит свеч.

— Стоит, стоит, Константин Иванович, — Вологодский засмеялся и откинулся на подушки. Полученное премьер-министром ранение оказалось несерьезным. Так, чуток мякоть бедра зацепило, и то вскользь. Но по совету Арчегова он оказался прикован к постели — кровопотеря, уже серьезный возраст, стрессы.

— Мы избежали продолжения Гражданской войны, абсолютно ненужной и очень затратной. А теперь в сравнительно мирном режиме можем приводить наши территории в порядок.

— Насчет Сибири и Заполярья уверенность есть, но вот генерал Деникин может иметь свое собственное мнение. Если вы не найдете нужные доводы, чтобы его переубедить...

— Постараюсь, Петр Васильевич. Возможности есть, да и казаки мне будут надежной опорой в этом деле. Ведь, по большому счету, война им абсолютно не нужна, как и сам Деникин, впрочем. Да и прежняя Россия, «единая и неделимая». А они являются силой, с которой «добровольцы» принуждены считаться. И имеют хлеб, который можно продать. Да и наше золото является определенного рода гарантией.

— Очень серьезной, вам не стоит недооценивать этого фактора, мой дорогой друг. Получить деньги они смогут только от нас, а военные затраты просто огромные.

— Это если идет война, а когда мир, то они ну очень большие, — хохотнул Арчегов. — Надеюсь на последнее, а войну предоставим большевикам. Они ведь грезят о мировой революции, так пусть ее и раздувают. Мешать им в этом деле мы не будем! Ведь так, Петр Васильевич?

— Вы правы, Константин Иванович! Пусть творят, что хотят, лишь бы от нас были подальше.

— Вы стали настоящим политиком, Петр Васильевич. В вас говорит здоровый эгоизм государственного деятеля.

— Было от кого за это время цинизма поднабраться, — недовольно буркнул премьер-министр.

— Да какой тут, простите великодушно, цинизм, ваше высокопревосходительство?! Здоровая расчетливость никогда и никому не мешала, а токмо пользу серьезную несла.

— А что будет дальше, Константин Иванович? Я прямо теряюсь в предположениях! И меня несколько пугает будущее, надеюсь, вы правильно понимаете причину моих опасений?

— Дальше будет, дражайший Петр Васильевич, самое интересное. Большевики вломятся в Европу со всей грацией носорога...

— Хм, ха-ха. С грацией носорога? Весьма доходчиво.

— А что им делать? С нами на голодный желудок воевать с неясным будущим или получить от нас хлеб и устроить европейцам диктатуру пролетариата с захватывающими перспективами?! Как ни крути, то в руках у них окажется уже не тощий журавль, а жирный откормленный гусь. Правда и мы не синицу жевать будем. Тем паче исполнится самая заветная мечта моей жизни, пусть и их руками.

— Какая мечта, осмелюсь спросить?

— Воевать с Антантой до последнего оставшегося на ногах французского или английского солдата! Их правительства всю жизнь старательно гадили России, теперь наш черед вернуть долги с а-агромадным процентом. Простые французы устали от мировой бойни, уже в семнадцатом чуть ли не полками уходили на Париж революцию устраивать — они к этому делу привычные. И такое там начнется...

— Вы хотите сказать...

Вологодский осекся, выразительно посмотрел на генерала, и Арчегов сразу осознал, что премьер в одночасье проникся перспективами настолько, что сбил себе дыхание.

— Мы можем лишиться сразу всех наших врагов. Ну, если не лишиться, то обескровить настолько, что они нам надолго станут не страшны. Антанта же на цыпочки встанет и предлагать вам будет, Петр Васильевич, что угодно, лишь бы вы их от такой беспощадной угрозы избавили. И чем дальше большевики зайдут, тем щедрее будут всякие там чопорные англичане и скупердяи французы, со своими ллойд-джорджами и клемансо.

— Но ведь Россия... Пусть красная, но она понесет чудовищные потери, о которых и помыслить страшно...

— Не такие уж и большие, а намного меньше, если мы будем простой внутренней гражданской войной заниматься. Там своего горючего материала достаточно, и страны намного богаче — да и большевики Россию почти до ручки довели, через полгода взять уже будет нечего.

— А если они победят, а потом обрушатся на нас всеми силами?

В голосе Вологодского послышался тщательно скрываемый страх, и Арчegov тут же попытался рассеять опасения, терзавшие «Деда», хотя сам не был уверен в своих расчетах.

— Тамошняя внутренняя контрреволюция, как любят выражаться «товарищи», намного сплоченнее и опаснее, чем наша. Да и прослойка богатых людей более толстая, чем в России, — им есть, что терять, а потому будут драться до крайности. Тем более у них будет достаточно времени осознать, насколько опасен большевизм, пока те устроят заматню в Германии. И поверьте на слово — противники достойны друг друга!

— А мы...

— А мы, Петр Васильевич, будем смотреть и потихоньку возвращать себе силы. А сытый и довольный народ уже не соблазнится коммунистическими идеями. Они ему станут просто не нужны!

Порт Байкал

— Одно плохо, Григорий Михайлович. Похоже, что нас самым вульгарным способом принялись отстреливать, как дичь!

— Даже так?! — каким-то шипящим голосом произнес атаман, моментально взъерошившись. Конечно, на войне стреляют, но чтобы вот так запросто охотиться на людей, как на каких-то тарбаганов-сусликов?!

— Вчера поздно вечером застрелили начальника Генштаба генерала Болдырева прямо на улице. Сразу наповал — череп разнесло. И ранили в голову генерала Пепеляева, когда тот поехал в Заиркутный военный городок поднимать части своей дивизии. Из винтовок обоих...

— На эсеров не похоже. Да и не станут они в своего Болдырева стрелять! Тот же «розовый»!

— Они пистолетами да бомбами балуются, Григорий Михайлович, а не винтарями с хорошей оптикой. В Пепеляева у понтона стреляли, с того берега Ангары. А там тысяча шагов будет. И единственным выстрелом сразу попали! Большие умельцы, я вам так скажу, и с оружием подходящим. Сам знаешь, кому такие снайперские винтовки передали...

— Да уж, заварилась каша... — тихо произнес в ответ атаман.

Винтовки с оптическими прицелами имели только егеря, и более никто, слишком их было мало. А в Знаменском предместье расквартирован лейб-егерский батальон, больше в Иркутске егерей просто нет.

На «Ангаре» звонко пробили склянки. Один раз звякнули и стихло — на кораблях так всегда отмечают время.

— Час ночи! До Иркутска три часа ходу, с запасом беру. Так что через полчаса флотилия

уходит. А вы, Григорий Михайлович, грузите своих улан в эшелон, скоро бронепоезда подойдут.

— Как вы намерены сражаться, Михаил Иванович?

— Если успею вовремя, пока они из Глазкова гвардейских стрелков не выдвинули, то сверну понтон, к такой-то матери, и сорву им переправу. Высажу десант у «Белого дома» и возьму под охрану его величество ротой морской пехоты, — контр-адмирал так произнес слово «охрана», что оно явственно прозвучало как «арест». — Высажу и эскадрон твоих улан. Они с казаками генерала Оглоблина оцепят военное училище. Арчegovские десантники берут на себя охрану правительства, дабы никто иллюзий не питал по поводу взятия власти. Солнце еще не взойдет, как мы город займем и заговорщикам на то времени не дадим. Они на пять часов утра свое выступление назначили...

— А если на четыре перенесут или на три? Они ж не дурни, уже, видать, просекли, что их планы нам понятны?! Вы пока здесь, при кораблях, и мой отъезд для них не загадка — вон они, телеграфные столбы везде стоят. Отстучали ведь телеграмму, как вы думаете?!

— Худо дело! Тогда мы отплываем немедленно. Иду кораблями на полном ходу, транспорты не жду! — Смирнов чуть не подскочил на месте, зачастил словами от возбуждения.

— И я тогда с эшелоном, не мешкая, сейчас же отправляюсь, Гордеев со своими броневиками догонит в Михалево. Свой брат, казак, поторопится. Если услышу стрельбу ваших канонерок, то атакую бронепоездами вокзал и понтон, высажу улан. Постараюсь взять казармы на горе и овладеть мостом через Иркут. Поддержку окажете?

— Я к вам сигнальщиков отправлю, как в прошлый раз, в декабре. Связь будет, а кораблям пулеметы не страшны, хотя пароход утопить они смогут. Но дело такое — где наша не пропадала! — Смирнов посмотрел с задором на атамана, подбадривающе улыбнулся. Однако сразу же его лицо стало строгим, и он тихо спросил: — Ваши уланы с гвардией воевать будут, Григорий Михайлович? Мало ли что. Надежные?

— Моим бурятам что гвардия, что повстанцы с партизанами — люди совсем темные. Дети степей! Да я с ними уже переговорил, объяснил, что к чему. Уловили текущий момент, как любят выражаться наши заклятые друзья-большевики. Будут воевать, и хорошо. Вы уж не волнуйтесь, Михаил Иванович, не подведем.

— С Богом!

Смирнов хотел было поднести ладонь к фуражке, отдать воинское приветствие, но, вспомнив Арчегова тем памятным декабрьским вечером, импульсивно раскрыл объятия. Семенов сделал шаг ему навстречу, и генерал с адмиралом, совсем неподобающе для их положения, крепко сжали друг друга в объятьях, на глазах изумленных моряков и улан...

Глазково

— На флоте такое время «собачьей вахтой» именуют, ваше превосходительство. А на карауле всегда спать хочется!

Командир 2-го лейб-гвардии сводно-стрелкового полка Мейбом усмехнулся и отпил из чашки горячего чая. Хорошо в тылу, ничего не скажешь. Два дня в Иркутске, а все обустроены в хороших казармах, в которых раньше квартировал мятежный запасной полк. Одно здание частично разрушено и погорело в декабрьские дни прошлого года, зато второе в целости и сохранности пребывает, хорошо отремонтированное и подновленное.

— Четыре часа утра. Очень хорошее время. Так что надо поторопиться, пока в городе все спят, Федор Федорович! Мы их тогда теплыми по кроваткам и прихлопнем!

Сидящий напротив полковника генерал-адъютант Фомин выразительно посмотрел на

офицера — тот правильно понял взгляд, отставил в сторону недопитый чай, поднялся с удобного стула и тут же вышел. А Семен Федотович улыбнулся, хотя в душе все было натянуто звенящими струнами. Все было поставлено на одну карту, и он надеялся, что это козырной туз.

— Ну, Шмайсер, ну сукин сын! Не можешь без крови обойтись!

Фомин был сильно зол на своего товарища, с которым они два года тому назад переместились во времени с 1943 года в 1918 год и спасли в Перми от казни императора Михаила Александровича. Как он надеялся, что это чудо принесет великую пользу России, что она воспрянет от сладких напевов большевистской пропаганды и вернется к прошлой, счастливой жизни.

— «Самостийники», мать вашу!

И все этот Вологодский и Арчegov, устроили тут независимую Сибирь, на Россию наплевали. Ничего, сегодня эта лавочка прихлопнется, и вместо мира с красной сволочью начнется война до победного конца. И на этот раз белые победят. И достигнуть этого не так и сложно!

Пока красные связаны войной с поляками, генерал Деникин ударит с юга отдохнувшей Добровольческой армией и казаками. Успех будет скорый — донские станичники с яростью кинутся освобождать свой край, а дальше на севере полыхает Тамбовское восстание, где белых примут как избавителей. Да с запада от Дона, в Северной Таври, махновновское повстанчество набирает серьезную силу, и большевики сцепились с ней мертвой хваткой. А белые ударят в эту кашу через Крымские перешейки, да с востока зайдут — помирят свинцом зеленых и красных!

— Какой чудесный план...

Фомин тихо прошептал и в раздражении ударил ладонью по столу. Немец опять до крови потянулся, все никак ею не налакается. Чем мешал этот краснобай Болдырев? У начальника Генштаба под рукою и батальона нет, да и пресечь заговор не в его компетенции. Продырявить, чтоб в больнице полежал месячишко, да и ладно.

Вот генерал Пепеляев другое дело — он с братом, что нынче возглавляет Сибирское правительство, — реальная и осязаемая угроза. Те оба ярые «областники», и четыре запасных батальона с пушками под рукою в военном городке за Иркутом.

Опасны? Вне всякого сомнения! Вот кого ликвидировать нужно было в первую очередь. Но до старшего братца не доберешься, его в «Гранд-отеле» с министрами хорошо охраняют.

Младшему Анатолию откровенно повезло — снайпер попал в голову, стрелок отменный. Но за секунду до выстрела генерал повернулся, и пуля пробила обе щеки.

Второй выстрел делать егерь не стал — генерала буквально прикрыли своими телами офицеры. Одна польза — теперь приказы Пепеляев сможет отдавать только в письменном виде.

И тут он сам виноват — нужно было до конца идти, а не давать благие пожелания не проливать лишней крови. Впервые Фомин стал ощущать, что в руках Мики и гауптмана он стал игрушкой, каким-то инструментом в решении непонятных порой дел. Нет, цель для него была понятна, но вот пути ее достижения слишком извилисты.

Подставить Вологодского и Арчегова в Москве?! Да, несомненно — мешать серьезно начал этот слишком энергичный, но в прошлом, вернее, в будущем, советский офицер. Посмотрел, как СССР там развалился на составные части, так и здесь принялся свершать то же самое. Но то Союз, а здесь Российская империя!

Убрать генералов Болдырева, Пепеляева и Оглоблина? Настоятельно необходимо! Но именно устранить, не убивать же своих вот так запросто, будто пуговицу оторвать?! И так людей мало, тех, кто способен и сам с красными драться, и за собой солдат повести.

И что вышло — в правительстве если поняли, то осознали, что происходит нечто нехорошее, и сразу засуетились. Атаман Оглоблин у своих казаков, его не достать. Адмирал

Смирнов пропал было, но полчаса назад телеграмма пришла от каперанга Фомина, что он на Байкале, поднял по тревоге флотилию и к полудню на Иркутск пойдет. Пусть идет — власть уже переменится, а чересчур ретивого моряка в отставку отправить можно.

Нет, вроде все по плану идет, зря он побеспокоился и приказал выступать на час раньше срока. Хорошо, что не скомкали — через несколько минут стрелки выступят к понтону, а со Знаменского предместья пойдут лейб-егеря. Пепеляев обращение подпишет, куда ему деваться, а Вологодского с Арчegovым в отставку, если те из Москвы чудом выберутся.

Фомин усмехнулся, вспомнив слишком молодого и самонадеянного министра — решил, дурень, что они все время под его дудку плясать будут! Раз главнокомандующим сделали, так можно приказы через губу отдавать, на своих химерических планах настаивать.

Это ж надо придумать — с красными помириться и две России обустроить, да еще отдельно Сибирь, да еще всяких отделившихся эстонцев, грузин и прочих признать?! А хрена с редькой он не хочет! Наследие предков разбазаривать?!

Фомин резко поднялся со стула и, поправив портупею, энергично пошел из канцелярии. Спустился по лестнице — в окно были хорошо видны стройные и густые шпалеры гвардейцев, над головами которых грозно колыхалась стальная щетина граненых штыков.

Иркутск

— Это будет прекрасная смерть! В такое чудное утро!

Майор Огата с упоением взирал на край розовеющего неба, с наслаждением вдыхая холодный воздух, который пронизывали капельки тумана, идущие от студеной глади Ангары.

С невысокого бережка Ушаковки, что урчала внизу тонкой серебристой ленточкой, японец хорошо видел золотые купола Знаменского женского монастыря. На той стороне Ангары возвышался Вознесенский мужской монастырь, колокольный гул которого был далеко слышен, в чем он уже убедился за недолгое время пребывания в Иркутске.

Именно сейчас оглядывая и чуждые, и близкие ему красоты сибирского города, Огата с пронзительностью ощущал временность любой человеческой жизни перед неумолимым временем, перед вечностью. И через полчаса эта чудесная утренняя тишина взорвется треском пулеметов, винтовочными выстрелами и хрипами умирающих людей. А вместо алого рассвета, что озарит эту землю, прольется дымящаяся кровь, багрово-алая, как падающие листья осени. Жизнь совершит круг...

Но душа любовалась красотами, а самурай верен бусидо. И он пойдет до конца. Огата снова услышал падающие тяжелыми камнями слова полковника Фукуды, военного атташе японского посольства.

«Вы не должны пропустить егерей, майор! Это ваш долг! Правительство небесами хранимого Тенно устраивает сибирская власть! Но помните — против вас будет гвардия, и тем больше чести!»

— Еще бы не устраивала, — майор улыбнулся краешками губ, сохраняя полную невозмутимость на лице.

Офицер чувствовал на себе взгляды десятков солдатских глаз и сохранял достойную самурая невозмутимость. Лучше иметь рядом с собою соседа, который зависит от тебя и чувствует признательность, чем врага, который потаенно будет мечтать о реванше за поражение пятнадцатилетней давности.

«А гвардия?! А что гвардия?!»

Сам себе задал вопрос майор и тут же ответил на него. У него семьсот японцев, сплошь резервисты, несколько десятков которых воевали еще в ту войну с русскими.

Правительство разрешило служить японцам в сибирских частях, впрочем, чисто формально, дабы заокеанские гейдзины не имели возможности тявкать. А приказ для самурая священен, и под бело-зеленым знаменем они честно служат Восходящему солнцу, тем более нося родное обмундирование с чужими погонами и кокардой.

— Оноши-сан! — Огата подзвал к себе коренастого офицера с погонами русского капитана. — Еще раз проверьте солдат! Винтовки должны быть разряжены, а в пулеметы не вставлены ленты!

— Есть, Огата-сан!

Капитан поклонился, положив крепкую руку на короткий самурайский меч-вакадзаси, и быстро пошел вдоль шеренги солдат, отдавая гортанным голосом команды. Только офицеры знали, что они сейчас не на учении и возможен бой.

Но приказ был строг — егерей не пускать через Ушаковку и первыми огонь не открывать. Даже если русские начнут стрелять из винтовок, то ответный огонь не вести, а рассыпаться за строениями. И лишь когда гвардейцы выйдут на берег речки, то пустить в ход оружие, а если придется, то идти в штыковую атаку.

Огата крепко сжал рукоять вакадзаси. В сибирской императорской армии длинное клинковое оружие, шашки да сабли, оставили только в кавалерии. И непривычно было для японцев чувствовать себя безоружными, ведь меч — душа самурая.

Но для маньчжурских батальонов сделали исключение — солдаты носили на поясах длинные кинжальные штыки «арисак» в ножнах, а в корейских и китайских ротах офицеров вооружили армейскими бебутами — русскими прямыми или изогнутыми кинжалами.

Офицерам японцам, что служили в 1-м, 2-м и 7-м батальонах, комплектовавшихся с земли Восходящего солнца, разрешили иметь при себе привычные вакадзаси — и устав соблюли, и самурайскую честь уважили.

Ну что ж, если тысяча русских гвардейских егерей окажет ему честь своей атакой, его семьсот японцев покажут им, как надо воевать и умирать. И победят, даже если батальон останется здесь лежать до последнего человека.

Правительство уже под охраной, а за спиной развернуты три сотни пластунов. Да еще две сотни конных казаков выставили вдоль речки заслоны — егеря в город не пройдут!

Рядом с Огатой пронзительно заурчал открытый автомобиль, отравляя выхлопными газами столь приятный и освежающий утренний воздух. Японец поморщился — ему несколько подпортили настроение.

— Тфою мат!

Генерал Пепеляев с перемотанным бинтами лицом, чуть раскачиваясь, перешел мост и направился к стоящим на той стороне трем конным казакам, что о чем-то говорили с егерями из оцепления.

Немыслимое дело на войне вот так дружелюбно разговаривать с противником. Но сейчас не война, а гвардейцы казакам не враги. И генерал настоящий воин — Огата даже зауважал его. Еле говорит, хлюпая пробитыми щеками, на бинтах алые пятна, а приехал, чтобы уговорить командира егерей не выступать, а вернуть своих в казармы.

Японец усмехнулся — получи он приказ императора, так его никто уговаривать не стал бы, ибо все понимали бы, что это губительно. А русские? Что у них в головах происходит — непонятно?! Или приказа такого нет? Тогда это не переворот, а какая-то профанация! Или идет неведомая игра, о которой обычного майора и предупреждать не будут?

К генералу через четверть часа подошел невысокий крепкий офицер, в котором Огата узнал флигель-адъютанта царя, немца, но очень опытного воина. Японец замер — сейчас все решится! Или русские договорятся между собой, или он получит величайшую честь — сразиться с

гвардией! До чего ж прекрасное вышло утро!

Глазково

— Прошу вас, Петр Федорович, помнить, что там русские люди, ставшие жертвой чудовищного стечения обстоятельств! А потому огня не открывать, можете дать несколько предупредительных очередей из пулеметов. Но не по стрелкам, умоляю вас!

Есаулу Коршунову было странно слышать такие слова от боевого, всеми уважаемого генерала, прошедшего четыре войны, имевшего высочайшую благодарность от императора Николая Александровича и вождленную награду для всех русских офицеров — беленький крестик ордена Святого Георгия Победоносца четвертой степени.

— Я все сделаю, как вы советуете, Прокопий Петрович! — тихо ответил есаул, тоже прошедший горнило войн.

Ответил, как положено по воинской этике, — советы и пожелания командира есть форма замаскированного приказа, на который можно ответить не привычным «есть», но другими словами, не меняющими сути исполнения отданной команды.

Излишняя приверженность уставам скорее не облегчает, а порядочно усложняет жизнь, а потому русские офицеры, хлебнувшие лиха на войне, старались почаще отходить от бездушного формализма штабных, отнюдь не всегда полезного.

Генерал протянул ладонь и обменялся с офицером крепким рукопожатием. Затем быстро спустился по широкому дощатому настилу и ступил на пустынный понтон. Несмотря на раннее утро на обеих берегах Ангары царило чрезвычайное возбуждение.

На правой стороне, по набережной была растянута длинная казачья цепь, а двухэтажное здание прогимназии Гайдук, стоящее как раз напротив понтона, было превращено станичниками в неприступную крепость с толстыми каменными стенами.

Из открытых настежь окон высунулись три тупорылых «максимки», а толстые стены здания могли служить надежной защитой. Настоящая крепость, которую юнкера в декабре семнадцатого года штурмовали три дня, и при том, что у них были пулеметы, которых не имели защищавшие здание красногвардейцы и солдаты.

На противоположной стороне из-за станционных построек вытягивалась длинная колонна пехоты — винтовки на ремнях, штыки уставились в небо.

Стоящий у переправы казачий взвод засуетился, двое верховых, с угрозой поломать коням ноги на рельсах, бросились навстречу. Замахали руками, живо принялись что-то объяснять идущим в голове колонны офицерам под развернутым знаменем.

Через полминуты один из них быстро пошел к понтону и вступил на настил, когда атаман был уже на середине реки. И пошел навстречу...

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство! — вежливо поприветствовал Оглоблин генерал-адъютанта Фомина, который хмурил брови, явно пребывая в растерянности. — Правда, утро не совсем доброе и очень даже нехорошее!

— С чего вы взяли, Прокопий Петрович?

— Не хочется русскую кровь проливать, Семен Федотович! Подождите! Я прекрасно знаю, почему и зачем вы вывели полк на «учения» сейчас, а не в полдень, как полагалось...

— В моей компетенции перенести начало учения на любое удобное время, генерал. А потому соизвольте объяснить, что вы здесь устроили со своими казаками?

— Маневры, приближенные к боевым! — Оглоблин усмехнулся и показал рукой на казачью цепь и ошестинившиеся пулеметами здание. — Пройти на тот берег предприятие гибельное! Выкосим! А сам понтон порвем гранатами Новицкого и по течению отправим. Даже

стрелять не придется! Я же сказал вам уже, ваше высокопревосходительство, что я не желаю проливать русскую кровь!

— Послушайте, Прокопий Петрович, не стойте на дороге! Пропустите, иначе Россия вам этого не простит!

— Россия сама решит за себя, и не отождествляйте себя с ней. Мы знаем все, что вы запланировали, но это только усугубит ситуацию. Откажитесь, и все войдет в нормальную колею. Жаль только генерала Болдырева, которого так безжалостно «разменяли»...

— Я не отдавал приказа на это!

— Зато отдали другие, которые противоречат приказам военного министра и главнокомандующего... И которые обязаны выполнять и вы, генерал, и даже его величество, согласно принятым на себя обязательствам! Вот возьмите приказ генерал-адъютанта Арчегова! — Атаман достал из кармана кителя сложенный вчетверо листок шифротелеграммы, полученной из управления ВМС, протянул генералу и пояснил: — Гвардию приказано немедленно отправить из Иркутска на фронт, где намечается занятие в скором времени Омска. Предыдущее распоряжение недействительно, ибо дано без учета обстановки!

Оглоблин улыбнулся, видя, как почернел лицом Фомин, читая строчки приказа. Действительно, сделать вежливый «разнос» его величеству — такого в русской армии еще никогда не бывало. И он демонстративно отвернулся влево, в сторону Байкала, и не смог сдержать радостного восклицания.

— Посмотрите туда, генерал!

Фомин оторвался от бумаги и взглянул — на всех планах можно было поставить жирную кляксу. Это была катастрофа!

По реке быстро двигалась огромная по речным меркам эскадра, по ветру развевались синие андреевские кресты. На идущем впереди узнаваемом «Кругобайкальце» Семен Федотович разглядел адмиральский флаг.

Но не только это ошарашило генерал-адъютанта — извергая клубы густого черного дыма, мимо вокзала проползли два бронепоезда, хищно уставив орудия и бортовые пулеметы. С остановившегося следом эшелона густо посыпались одетые в синие бурятские халаты солдаты, держа в руках винтовки.

— У нас тоже были назначены учения, ваше высокопревосходительство! — Оглоблин спрятал пока неуместную усмешку, говорил нарочито серьезно, блюдя дистанцию. — Только утром, так как у вас с полудня. Вот и вышла несогласованность, Семен Федотович. Флотилией командует контр-адмирал Смирнов, а бронепоездами и прибывшим из Верхнеудинска Селенгинским уланским полком генерал-майор Семенов. Да, кстати, совсем забыл сказать — вдоль Ушаковки идут занятия 1-го Маньчжурского батальона майора Огаты и моих казаков. Там без малого полтысячи конных и пластунов. Командует маневрами генерал-лейтенант Пепеляев, который, презрев ранение, решил лично присутствовать на них!

Такого унижения Фомин не испытывал никогда в жизни, да и подошедший к нему Мейбом тоже. А потому офицер не удивился, услышав от генерал-адъютанта приказ: немедленно отвести полк обратно в казармы и снять поставленные караулы на вокзале и Иркутном мосту.

— Есть, увести полк в казармы! — Мейбом четко козырнул и, уже повернувшись спиной, услышал, как атаман, подойдя к генерал-адъютанту вплотную, тихо произнес:

— Семен Федотович, давайте немедленно поедem в Белый дом. У его величества сейчас глава правительства с министрами. Там и обсудим все наши разногласия и произошедшее недоразумение...

— Дальнейшие утряски и согласования пусть возьмут на себя ваши и наши эксперты. За эту неделю, я так думаю, они подведут достигнутые нами с господином Троцким условия к должному знаменателю. И уже детально проработают и планы вывода частей Красной армии с оккупированных...

— Лучше занятых территорий, господин генерал!

— С временно занимаемых ими казачьих областей и Западной Сибири. И поработают над графиками поставок зерна, а также количества оружия, которое будет передано Сибирской армией. Вы согласны с этими предложениями, господин Мойзес? Или требуются еще уточнения?

— Нет, вы все детально изложили, Константин Иванович.

— Тогда, Лев Маркович, у меня есть к господам Троцкому и Дзержинскому некоторые пожелания личного характера, — Арчegov пристально посмотрел на изуродованное лицо чекиста. Тот многозначительно прикрыл веком единственный уцелевший глаз.

«Ну, ты и морда! Решил, что генерал и для себя, родного, решил что-то вытребовать, а значит, по вашим понятиям, перековался, то есть ссучился. Что ж, продолжай так думать, то для меня пользу принесет. Считайте, что я такой же, на вашем болоте сижу рядышком и квакаю!»

— Я настоятельно прошу удовлетворить мои пожелания. Их немного, они вас не затруднят. Во-первых, верните личные вещи и ордена его величества Михаила Александровича, которые были изъяты у расстрелянной графини Брассовой, его супруги. Очень надеюсь, господин Мойзес, что они в наличии, а не расхищены ее палачами.

— Графиня расстреляна по приговору суда, она наш враг — потому слово «палачи» неуместно. И вас, и меня в таком случае можно также именовать ими. Вы согласны со мной?

— Не будем играть словами, Лев Маркович. Я и так язык намозолил в этой дипломатии, особенно с господином Троцким. Мы же с вами не под протокол беседу ведем, такое фиксировать не принято! А потому будем называть вещи своими именами. Хорошо?

— Я вас внимательно слушаю, Константин Иванович.

— Во-вторых, настоятельно прошу выпустить из советской России в Сибирь семьи тех генералов и офицеров, что служат у нас. Держать в заложниках их нерационально, для вас в первую очередь. Убьете — получите из наших военных злейших врагов. Не отдадите — так они будут сами стремиться к воссоединению, которое может принять самые уродливые формы и кровавый характер, не побоюсь этого слова. Вы можете гарантировать, что не будет повторения недавней драмы, тем более и сейчас в Иркутске шут его знает что происходит?! Я, признаться, не хочу генеральской фронды!

— Я думаю, что товарищ Дзержинский прислушается к вашему пожеланию и разрешит эту проблему.

— Хотелось бы как можно быстрее, это и в ваших интересах, учитывая острую нехватку оружия, техники и боеприпасов.

— В самое ближайшее время все будет урегулировано. Можем отправить к вам и их ближайших родственников. Но это потребует дополнительных расходов, — расплылся в улыбке Мойзес, поняв правильно намек и тут же внеся в него коррективы в чисто прикладном аспекте.

— Вот и хорошо, — Константин пододвинул к чекисту верхнюю из двух кожаных папок, открыв ее настежь.

— Тут полные списки, можете посмотреть.

Мойзес чваниться не стал — вытащил листочки и бегло просмотрел их, делая пометки карандашом, и усмехнулся, сложив все обратно.

— Я и не знал, что жена генерала Каппеля у нас в Москве трудится. Таки удивительно. Но,

может, и верно, у самого огня никто искать не будет. Потому-то и уцелела...

«Прямо рабство какое-то, большевики настоящий торг людьми устроили. И я в этом непринужденно участвую, с папироской в губах. Тьфу, срамota! Но мне сейчас деваться некуда, с волками жить — по-волчьи выть! Да и с циника спрос не тот!»

— И еще одна проблема — с вас полмиллиона рублей золотом!

— Сколько?!!

Единственный глаз Мойзеса чуть ли не выкатился — требуемая сумма чекиста ошарашила ушатом крутого кипятка. Арчegov усмехнулся и с кривой ухмылкой пояснил:

— Денег, я имею в виду стоящих, у нас почти нет. Великовата сумма для делегации, как вы считаете?! А казаки к золотишку почтение имеют, да и генералы у Деникина детишкам на молочишко тоже хотят! Так что на умиротворение денежки эти пойдут, к вашей же выгоде!

— Но сумма, сумма...

Мойзес даже вспотел от волнения, лицо покрылись капельками пота. А Константин вкрадчивым медовым голосом добавил:

— Большая, не спорю! Но у вас деньги есть. Не жлобствуйте! А чтоб легче на душе стало, то к тем поставкам хлеба мы на нужды голодающих пожертвуем один миллион пудов хлеба дополнительно, о чем и объявим совместно во всеуслышание. Как дар от казаков и сибиряков.

— Ну, если так, — задумчиво протянул Мойзес, а Константин, видя, что тот колеблется, произнес с напором:

— Да за такие деньги до войны вы бы столько и купили, при самом лучшем гешефте. Не жлобитесь, дело-то совместное, в европах разом все и вернете. Тут или одно, или другое — на великое дело и траты соответственные. А у вас в Кремле под партийную кассу помещеньица отведены, там золотишка и бриллиантов полнехоньки чемоданы. Вы курьерам без отчета даете, на мировую революцию, только за валюту расписки пишут...

— Откуда вы знаете? — Мойзес не стал отнекиваться, наоборот, впился в генерала глазами. А тот с самым невинным видом развел руки.

— Хорошо, вы получите требуемую сумму. Но в обмен на хлеб! И добавьте пулеметами!

— Дам пулеметы, но вы своим торгом приводите меня в смущение. Тут мировая революция идет, а вы о презренном металле беспокоитесь. Вы лучше вот в эту папочку гляньте, дюже интересная.

Мойзес небрежно открыл пододвинутую к нему папку и стал быстро проглядывать тонкую стопочку листов. По мере чтения его лицо приняло неопиcуемое выражение, он даже расстегнул воротник белой рубашки — дыхание в горле сперло из-за вставшего комка...

Иркутск

— Ваше величество! Недоверие опасно, оно изнутри подточит нас. Я понимаю, что вы стремитесь вернуть Россию к былому могуществу, но разве сейчас такая цель может осуществиться?

— Виктор Николаевич! Вы были председателем Совета министров при Верховном правителе России адмирале Колчаке. Разве в те дни вы не мыслили себя русским патриотом, разве вы не принимали решения, нужные для всей страны в целом?

— Принимал, ваше величество, а потому оказался в Иркутске, а наша армия откатилась к Енисею. За ошибки, ваше величество, нужно платить, и дорого. Или расплачиваться!

Михаил Александрович вскинул голову, глаза гневно сверкнули. А Пепеляев, наоборот, опустил плечи и стал похож на маленького медвежонка, вот только взгляд исполняющего обязанности премьер-министра был очень недобрый, он пронизывал собеседника.

Но договаривающиеся стороны вели себя в рамках приличий, держали себя в руках, говорили тихо, не повышая голоса, хотя разговор в кабинете в любую секунду мог перерасти в склоку, а то и в мордобитие, моральное. К физическому воздействию на таком уровне не принято прибегать. Как говорится, положение обязывает.

Ситуация сложилась крайне напряженная и щекотливая. По сути, Пепеляев ничего не мог инкриминировать ни монарху, ни присутствующему его генерал-адъютанту Фомину.

На любое обвинение те могли только пожалть плечами и ответить, что перенесли сроки учения на более ранние. Кровь не пролилась — какие уж тут обвинения?! А доклады ГПУ к делу не подошьешь, не тот уровень положения у заговорщиков.

И хотя Виктора Николаевича душила обида и ненависть за брата, но он не без основания полагал, что эти двое не имели ко вчерашнему покушению прямого отношения. А потому был сдержан...

— Господа, я не понимаю, в чем дело? Пока генерал Арчegov в Москве и с ним нет связи, я был в своем праве отдавать приказы гвардии! И принял решение о перевозке трех батальонов в Иркутск, дабы иметь здесь под рукою вооруженную силу, так как части 1-й Сибирской стрелковой дивизии перебрасываются на борьбу с ангарскими партизанами. Теперь же, когда получен приказ военного министра, мои приказания теряют силу, и гвардия вернется к местам постоянной дислокации...

Михаил Александрович говорил уверенно, смотрел твердо, хотя внутри, в глубине души, и его раздирала злоба. Это что ж за времена наступили в России, когда монарх должен вот так униженно объяснять свои поступки не то что премьер-министру, которого раньше одним словом с должности снять мог, а его «И. О.»!

И попробуй не втолкуй, да с уважением и должной почтительностью. Монархическая власть сейчас по воле засевших в правительстве людей держится, за которыми стоит серьезная и реальная сила.

Сегодня он в этом лично убедился — даже по самым скромным оценкам сибиряки собрали в Иркутске намного больше, в разы, штыков, чем он смог перевезти сюда — половину от лично присягнувшей ему гвардии. И это не считая кораблей и бронепоездов.

Скоро генерал Пепеляев должен был приехать вместе со Шмайсером. К последнему монарх относился последнее время двояко. Да, он обязан был ему жизнью за спасение от казни, его флигель-адъютант прекрасно зарекомендовал себя в боях, но...

Именно это «но» — сейчас Михаил Александрович ему не верил ни на йоту. Шмайсер повел какую-то мутную, одному ему понятную игру, держа не только его, но и своего друга генерала Фомина в полном неведении.

Как он себя корил, что подписал документ, который дал Шмайсеру, — разве тогда он мог предполагать, что тот так подставит его с этим переворотом. Ведь о нем он узнал, положив руку на сердце, только в полночь, после злосчастного убийства генерала Болдырева.

Зачем это было делать? Да и зачем все это было затевать, если его полностью устраивало создавшееся положение? На все эти вопросы Михаил не мог найти ответа, но жаждал получить их от Шмайсера, сжимая пальцы в кулаки до хруста.

Такая же отчаянная решимость была написана на лице Фомина — впервые он готов был вытрясти из приятеля душу за такую подставу. Ну ничего, главное, чтобы у Мики хватило терпения выслушать в свой адрес нелицеприятные слова, а там можно будет спокойно извлечь уроки из конфузии.

Генерал Семенов и контр-адмирал Смирнов попали в кабинет по приглашению царя. Тот не мог не пригласить, когда под самыми окнами дворца стояли на якоре две канонерские лодки, набережная была оцеплена морской пехотой, а на противоположной стороне реки дымили

трубами угловатые ящики бронепоездов.

— У меня возникло такое ощущение, будто в чан с дерьмом с головой кинулся, — прошептал атаман моряку, и тот кивнул в ответ, молчаливо разделяя этот взгляд.

Так они и сидели, слушая вопросы Пепеляева и ответы на них царя — вступать в этот диалог они не имели ни малейшего желания. Другие игры пошли, в которые лучше не лезть, целее будешь...

— Ваше величество!

В кабинет ворвался, другого слова и не подберешь, генерал Оглоблин. В чрезвычайном возбуждении, тряся бородкой, атаман посмотрел на монарха округлившимися глазами.

— Ваш флигель-адъютант вместе с генералом Пепеляевым ехали в автомобиле сюда, сопровождаемые казачьим конвоем. И он...

— Кто он? — Михаил поднялся со стула, повысив голос.

— Да этот сукин сын, Шмайсер! Ударил генерала по голове, затем оглушил рукоятями пистолетов водителя и адъютанта. И перестрелял моих казаков. Всех! А их в конвое семеро было!

— Насмерть?!

— Нет! Все живы! Только этот стервец каждому по три пули всадил — в правую руку и плечо, и левое ухо прострелил. Куражится, сволочь! И убег хрен знает куда. Но искать нужно.

— Сейчас я отдам приказ...

Пепеляев с побагровевшим лицом вскочил с места, хотел было кинуться к дверям, но был схвачен крепкими руками атамана Семенова.

— Постойте, уважаемый! Тут дело очень щекотливое! Вы понимаете, Виктор Николаевич, кого искать придется?! Простите меня великодушно!

Пепеляев недоуменно посмотрел на бывшего «властителя Забайкалья», а тот вздохнул тяжело, и словно ребенку принялся втолковывать то, что ему казалось простым:

— Это ж какой позор будет! Убегший-то не Ванька-разбойник какой, а верный адъютант самого царя-батюшки, простите, ваше императорское величество, — Семенов простодушно заморгал, разведя в извинении руки. — До стрельбы по своим докатились. Людям-то чего говорить будем, как солдатам да казачкам разъясним, за что они генерала braveго за белы рученьки вязать будут...

— Если еще до тех рученок доберутся! — скривился Оглоблин. — Порвет ведь он их, как волк щенят-сосунков...

— И я о том же толкую! — Семенов, поморщившись, почесал пятерней затылок. — А ежели сегодня о том весь город судачить начнет?! Молчать нужно накрепко. Объявить — так, мол, и так, эсеры все сволочи, угомониться никак не могут. Генерала Болдырева убили, а Пепеляева ранили. Конвой обстреляли, а в схватке со злодеями флигель-адъютант Шмайсер героически погиб! И похоронить торжественно генерала с ним!

— Так он же сбежал!

Первым от ошарашивающих предложений опомнился Оглоблин. Остальные только хлопали глазами в полной растерянности, не в силах поверить в очевидное.

— Ну и хрен с ним! Ловить такого — дело опасное, людей понапрасну потеряем, если он пулять всерьез почнет! Здесь ему делать сейчас нечего, тикать в Маньчжурию нужно, и быстро. А там мы его и словим по приметам, возможности для сего есть.

— А как... Тело где возьмем? — Смирнов тоже встал со стула.

— Да в тюрьме всякой швали... Мои уланы махом найдут похожего, вывезем по ордеру и оприходуем.

— Сейчас распоряжусь, — Пепеляев опомнился, подошел к столу и стал черкать ручкою по

листу бумаги.

— Немчура, а они завсегда сволотой были! — Семенов глубоко, чуть даже трагически, вздохнул и удрученно помотал головой. — Пригрел ты на своей груди, царь-батюшка, змею подколодную, вот она и укусила!

Атаман сознательно рядился в простого казака — взятки гладки. К Богу и царю на «ты», сам монарх ко всем на «вы», а про себя всегда говорит «мы». Вот они, нравы российские! Но хитрый был, аки змий, и успел поймать взгляд Михаила Александровича, признательный и благодарный.

«Теперича моя карьера в горушку резко поперет! У меня прямо как в сказке вышло!»

Москва

— Интересный ведь материал, товарищ Мойзес?

Арчegov ехидно посмотрел на чекиста и закурил папиросу, чуть ли не дымя тому в лицо. В папке был дан полный расклад по польской армии, ее численность, приведены характеристики генералитета и поставки вооружения из Англии, САСШ и Франции.

Имелись и другие материалы — перечень вооружения 3-й чешской дивизии, что передавалось сибиряками, данные о содержащихся в плену красноармейцах и многое другое. С поляками его сильно выручила собственная память — он припомнил даже мельчайшие подробности, а читал в последние годы до переноса запоем.

— Что вы хотите, Константин Иванович?

Мойзес был серьезен как никогда. А потому Арчegov сразу же положил перед ним бумажку.

— Тут реквизиты Стокгольмского банка. Кстати, того самого, через который вы получали от Германского Генштаба деньги на революцию. На эти счета нужно положить валютой на триста тысяч рублей золотом. Желательно английскими фунтами. Российская разведка за рубежом действует эффективно, имеются еще старые военные агенты при посольствах. А у них обширные связи и неплохая агентура.

Арчegov знал, что говорил, — разведслужбу Сибирской армии возглавлял старый генштабист генерал Рябиков, стерший свои зубы на этом поприще. Опытный специалист, и умелый, с большими возможностями.

— Вы хотите сказать...

— Вы будете получать от меня лично всю информацию о «союзниках» и поляках. Всю! Потому что именно ко мне будут стекаться материалы об их мероприятиях, направленных против вас. Я даю вам слово — все, что потребуется от меня, для победы над поляками и дальше на запад, сделаю! Но и вы играйте честно и условия мира соблюдайте в точности даже в мелочах. Наше с вами соглашение действует полгода, а там как договоримся! Но это время я помогу вам всем, чем смогу!

— Я понял вас, Константин Иванович. Мы будем соблюдать соглашение, но у меня есть к вам личная просьба...

— Да, — искренне удивился Арчegov. — И чем я смогу вам помочь?

— Я прошу у вас дать небольшую консультацию по этому ордену, — чекист достал из кармана тряпицу и развернул ее — тускло блеснул металл.

«А, подарок от Шмайсера!»

Арчegov тихо хмыкнул, разглядывая лежащий перед ним неуместный в эти годы орден Ленина. Взял его в руки, повернул, посмотрел на номер — хмыкнул удивленно.

— Он вам знаком, как я вижу. Потому прошу: расскажите об этом ордене подробнее. Меня

интересует, когда его учредили, за что, то есть за какие заслуги награждали. И конкретно про данный орден — когда могло состояться награждение им, хотя бы примерно.

— Вы многого желаете, Мойзес!

— Я дам больше. Обещаю — полгода мирной жизни вы получите. И всех в этих списках, — он положил ладонь на бумагу, — за месяц вернут. Кто живым остался. Обещаю! И еще. Десяток людей, любых, кто вам нужен, из «бывших», само собой, вам лично передам. Но не военных! «Контру»! Вас устроит мое предложение?

— Да, — тут Арчegov неожиданно вспомнил о пока неизвестных авиаконструкторах и сглотнул комок в горле. Вот бы вытянуть их у большевиков, вдруг получится?! Спросил осторожно:

— А если они не захотят в Сибирь поехать?

— Очень захотят! С радостью поедут, после пары дней заключения и откровенного разговора со мною, — голос Мойзеса на секунду заledenел, лязгнул металлом. И Константин внутренне содрогнулся, представив, как будет протекать эта «беседа».

— Хорошо, я вам отвечу. Но только по ордену, на другие вопросы, косвенные, не стану. Устраивает?

— Да, — голос Мойзеса дрогнул, на лбу выступили капельки пота, напряжение сковало все мышцы лица.

«Никак свой „детектор лжи“ настраивает? Худо дело, придется говорить правду, но очень дозированно», — решил про себя Арчegov и достал папиросу из коробки.

— Этот орден был учрежден в 1930 году как высшая награда Советского Союза. Награждали, как говорили в то время, за бой и труд...

— Но ведь к тому времени были ордена боевых Красного Знамени и Красной Звезды?!

— Вопрос не по теме, товарищ Мойзес!

— Хорошо, больше не буду, — чекист ответил глухо, его напряженный взгляд буквально жег генерала.

— Первый орден Ленина чеканился из серебра и по форме напоминал этот. Но через шесть лет было решено облагородить металл, ибо не дело из серебра изготавливать высшую награду советской власти. Этот орден принадлежит именно ко второму типу — из чистого золота, голова вашего Ленина из платины.

— Когда был получен этот орден? Там ведь есть номер. И кто мог быть награжден им?

— Примерно с тридцать шестого года до тридцать восьмого. А кто? Разве я могу припомнить сталеваров, кузнецов, наркомов или почетных доярок. Да и предприятий и учреждений награждали немало. На газетах раньше по одному или два «Ильича» красовалось.

— Я имею в виду военных!

— Да их не за бои иногда награждали, а за успехи в «боевой и политической подготовке».

— Хорошо. Спрошу иначе — мог ли этот орден быть выдан в это время большой группе командиров и красноармейцев за участие в крупных боевых действиях и где? Это входит в нашу договоренность, Константин Иванович. Ведь я поставил вопрос конкретно. И он последний...

— Хорошо, я на него отвечу, — генерал видел, что чекист буквально изнемогает от напряжения — лицо побелело, пот лил по лицу ручьями.

— В это время шла гражданская война в Испании, и щедро военных награждали именно там. Имен называть не стану! Я ответил на ваши вопросы?

— Полностью, Константин Иванович, — напряжение с лица Мойзеса ушло, а чекист сидел на стуле бесформенной куклой. Арчegov же курил, молча матеря себя за то, что поддался на предложение. Хотел побольше вырвать у ВЧК людей и, похоже, сам угодил в какую-то ловушку. А потому не сразу расслышал вопрос, и Мойзесу пришлось его повторить.

— Для чего вы это делаете, господин генерал? Помогаете нам, причем искренне? Не понимаю вас!

— Я ненавижу вас, большевиков, люто! — Константин наклонился над столом — его пылающий злобой взор впился в Мойзеса. Нервы впервые сдали, он на секунды потерял контроль над собой. Долгие дни переговоров, полные нечеловеческого напряжения, привели к взрыву. Чекист машинально отпрянул от него, вздрогнув от хруста ломаемого пальцами карандаша.

— Но забугорных тварей я ненавижу еще больше. Вы шакалы, а те гиены. За деньги они продадут все, что можно, — идею, совесть, мать родную. Вы, большевики, сукины дети, вашу мать в три копыта, но у вас есть цель! И бескорыстная, пусть и кровавая, идея. И вы русские! А потому бить вас в спину я не дам! Поставьте их всех на карачки, пусть им деньги поперек горла встанут! За их иудин грех!!!

— Я разделяю ваши чувства, Константин Иванович, хоть мы и враги. Но ничто не объединяет врагов, как один общий для них враг!

— Вы правы, Лев Маркович! Извините меня за несдержанность, — Константин уже остыл и пожалел о вспышке. — А потому, раз я вам сделал личное одолжение, то и вы, кроме людей, нужных для Сибири, что-то сделайте и для меня лично.

— Все что угодно и в моих силах. Если нужно, то обращусь к товарищу Дзержинскому. Он для вас может сделать многое. Что-нибудь случилось весьма неприятное?

— Ваша революционная солдатня три года тому назад ограбила мою жену и меня. Чужого я не прошу, но мое личное отдайте! Клинки горские, в серебре с драгоценными камнями уволокли, собаки! У жены драгоценности отобрали, беременную избив! Мой фамильный перстень с рубином! А это все немалых денег стоит!

— Я понял вас, Константин Иванович. Экссессы — вещь неприятная, но — к счастью, вы живы остались, а утраченное вам возместят. Обязательно, немедленно и в полном объеме, — Мойзес быстро чиркнул вторым карандашом на поданном ему генералом листке бумаги.

— Лев Маркович, там номер счета! Перечислите туда на сто тысяч рублей золотом, — Арчegov улыбнулся, а на память пришла фраза легендарного разведчика Штирлица, что собеседником лучше запоминаются последние фразы разговора.

— В какой валюте?

— В долларах САСШ! Не знаю, как британские фунты обесценятся в самое ближайшее время, но жажду, чтобы осенью за булку хлеба в Лондоне расплачивались тачкой франков, как сейчас немцы своими марками в Берлине платят! У вас в Москве тоже веселая прибаутка ходит. Залетаю я в буфет, денег ни копейки нет — разменяйте десять миллионов!

— Ничего не поделаешь, Константин Иванович, времена такие. Но вашу мысль относительно тачки денег в Лондоне я всецело разделяю!

Чекист с генералом обменялись понимающими взглядами прожженных циников и громко, искренне рассмеялись...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дан приказ ему на запад...

(31 мая — 1 июня 1920 года)

Севастополь

— Теперь Сибирь мой фатерланд, — задумчиво произнес Генрих Шульц, любовно оглядывая и даже поглаживая ладонью, как любимую мамину кошку, свежее выкрашенное баковое 102-мм орудие. Эта русская пушка ничем не уступала его носовому 105-мм с крейсера «Магдебург», что разбился на камнях у русского острова в первые дни войны.

— Хороша, настоящая канонен, не та, что стояла на ледоколе!

И хотя за шесть лет, проведенных в сибирском плену, бывший унтербоцманмат кайзеровского флота научился очень прилично говорить на русском языке, но время от времени у него проскальзывали немецкие слова, да и неистребимый прусский акцент чувствовался.

Шульц был счастлив, если не сказать больше, снова почувствовав под ногами палубу настоящего боевого корабля — большого угольного эскадренного миноносца «Капитан Сакен».

— О молодой жене надо думать, господин старшина первой статьи, а не пушку лапать, — за ухом раздался хитрющий голос. Как всегда, этот проныра Зволле ухитрился влезть в его мысли.

И Шульц машинально посмотрел на огромный транспорт Добровольческого флота, что возвышался рядом с его эсминцем, как слон с этой, как ее по-русски, Моськой!

Там, в одной из больших кают на двенадцать пассажиров, сейчас находилась его жена Эльза и мама с сестрой Гретхен. Шульцу пошли навстречу и удовлетворили рапорт — разрешили взять с собой всех родных, правда оплачивать дорогу до Владивостока для матери и сестренки он должен был из своего собственного кармана.

Это несколько озаботило скуповатого поневоле немца — скудные сбережения, взятые в дорогу, подходили уже к концу, а надежда продать дом в Померании потерпела фиаско — эти наглые и мерзкие поляки просто отбирали имущество у бедных и честных немцев.

Остаться после этого в подлой и лживой Польше? Нет уж — там не только им всем терпеть лишения, такие же, как в несчастной Германии, но и подвергаться ежедневным оскорблениям со стороны поляков. Вот только мало кто уезжал — в голодном и нищем фатерланде даже самые близкие родственники отказывали в приюте.

Шульц тяжело вздохнул, припомнив, как бедная мама и худющая сестренка смотрели на блестящие желтые кругляши, что он, красуясь, не тщательно разложил по столу, как делал его отец до войны с серебряными марками, а с русской щедростью просто высыпал.

Но аккуратно, стараясь, чтобы ни одна монета не упала на неровный, в щелях, пол бывшей конюшни, что мамин брат предоставил им в качестве жилья. Генрих был благодарен дяде за эту доброту и дал ему маленький золотой пятирублевик и два полтинника — тот выпучил глаза, не в силах поверить такому чуду. А вечером вся дядина семья пригласила их на пирушку, которой они не видели еще с давних мирных времен — недурное пиво, по рюмке свекольного шнапса, да по две настоящих сосиски...

— Как ты красишь, камераден?! Это только краску расходовать! И слой толстый, неровный, и капель много! Давай покажу!

Неутомимый Зволле опять отвлек Шульца — на этот раз отобрав у мастерового банку с дефицитной на флоте краской, из чисто немецкой скаредности.

На эсминце сейчас творился самый настоящий бардак — на подготовку корабля к дальнему плаванию отвели только семь недель, а заканчивалась уже шестая. А потому лихорадочный аврал у стенки Морского завода шел и днем и ночью.

— Немчура! Все пашут и пашут!

В голосе работяги не слышалось привычного для русских ругательства, а одна только голая благодарность. За это время русские рабочие и немецкие матросы, которыми был на две трети укомплектован «Капитан Сакен», нашли общий язык и научились хорошо понимать друг друга. Да и приказ был жесток для бывалых к морям немцев — выучить русский язык, а потому разговаривать только на нем, даже между собой.

И выучили, зачастую получая от офицеров «фитили» — выяснилось, что не все русские слова следует произносить при докладах начальству, хотя те же самые термины господа офицеры, разгоряченные спешкой, употребляли перед десятками матросов в три боцманских загиба.

Вся эта пресловутая экономия действует им на нервы — но сами русские совершенно не понимают ее суть. Вот Зволле сейчас все покрасит тонким слоем, и красиво, как умеют делать только немцы, тем более те, кто до войны малярами трудились. И у него еще добрая треть банки останется, а русский работник ее бы извел целиком.

А краска есть великая ценность, которую он при случае отдаст матерому боцману с совершенно непризносимой фамилией для немца, пусть и знающего русский язык. Покраска требуется постоянно, особенно в походе — а отвечает за это боцман с широким галуном на погоне.

Но и у Шульца три лычки — такой же старшина, и независим в положении, только старшему артиллерийскому офицеру подчинен. Но боцман есть боцман, и с ним тоже нужно хорошие отношения поддерживать...

Екатеринодар

— Этому молодому генералу мы можем только посочувствовать, Антон Иванович. Он перенес намного больше нападков и проявлений открытой неприязни, чем вы!

Старый генерал с вырубленным словно топором лицом, сверкая обширной лысиной и распушив большие усищи по сторонам, говорил тихо. Но командующий Кавказской армией генерал Юденич имел большой вес в военных кругах, оттого его слова тяжело падали, словно камни в воду, по которой тут же расходились круги.

Намек на барона Врангеля, что отличился при взятии у красных Царицына в прошлом году, а потом раскритиковал его, как главнокомандующего за якобы допущенные стратегические ошибки, генералу Деникину пришлось совсем не по вкусу.

И еще больше разозлило неуместное сравнение с военным министром Сибирского правительства, который еще полгода тому назад был безвестным ротмистром, внесенным на самую вершину властной волны мутным и грязным революционным потоком.

Антон Иванович непроизвольно поморщился и погладил ладонью короткую седоватую бородку. Но промолчал, памятуя свой приватный разговор с адмиралом Колчаком, да и встреча с генералом Арчegovым на него произвела определенное впечатление.

— И что мы видим? — чисто риторически спросил Юденич и сам же ответил на поставленный вопрос. — А ведь этот молодой человек полностью прав, раз добился того, чего хотел. Без потерь красные очистили для сибиряков Омск и начали отвод своих войск к Уралу. Как политику и военному министру я могу ему лишь рукоплескать, — Юденич поднял ладони и изобразил аплодисменты. По его лицу пробежала усмешка.

— И на всем Дону сейчас стоит затишье! Ведь большевики и оттуда начали отвод...

— Зато теперь там Краснов!

Деникин был давним недоброжелателем нового «старого» атамана. С 1918 года, когда тот заявил о полной «независимости» Донского казачества и завел шашни с Германией. Не прошло полгода, и Краснов поплатился за свои политические игрища и был вышвырнут им с Кавказа.

И что? Атаман оказался у Юденича, что тогда начал победоносное наступление на Петроград. Чем оно закончилось, тоже известно. И вот эти двое у него, и он ничего не может сделать. Ничего!

Краснова под давлением Арчегова и большевиков, кто бы мог подумать, что они сойдутся во мнении по этому вопросу, казаки выбрали своим войсковым атаманом. И повторилась старая песня — Дон опять заявил о своей «самостийности», хотя и под скипетром монарха. Следом потянулось кубанское и терское казачество...

— Этот молодой человек прав, и ни Краснов, ни я, ни вы, Антон Иванович, простите великодушно, сейчас не можем руководствоваться нашими желаниями, симпатиями или антипатиями. Мы все должны делать одно. Вы — готовить армию к возможному походу на Москву, который состоится в будущем. По крайней мере, на это надеюсь. Я вернулся к прежней должности и буду выполнять свои обязанности как можно лучше...

Деникин поморщился уже заметно — неприязнь впервые прорвалась у него столь явственно. И он тяжело вздохнул — власти главнокомандующего вооруженными силами на юге России у него не осталось. Отдал добровольно и сразу почувствовал, как чудовищное бремя упало с плеч. Теперь не у него будет болеть голова, но обида грызла сердце.

— Антон Иванович, мы с вами старые солдаты, но видит Бог, нам не место на этой войне! Нас просто не готовили к тому, что русские люди пойдут друг на друга. Потому были удачи и ошибки, и этот закономерный итог. Наша беда в том, что мы вели войну, имея лишь цель — дойти до Москвы и Петрограда. Опирались только на армию и на союзников, которые предали и сами принялись извлекать выгоду из нашей междоусобицы. Войну определяет стратегия, а та есть производное государственной политики. Теперь мне многое стало ясным, хотя изложил это не мудрый фельдмаршал, а вчерашний ротмистр. Мне тоже обидно, со многим я категорически не согласен, но понимаю — такая политика уже дает нам благожелательный результат. Пусть не сейчас, не сразу, а со временем, но я снова уверился, что победа придет.

Старый генерал тяжело вздохнул — он говорил с Деникиным во второй раз, видя, что тот настроился подавать в отставку. Да и чисто по-человечески понятно, когда вот так лишают плодов всех трудов и пережитых лишений. Но неожиданно тот заговорил ясным и звучным голосом.

— Николай Николаевич, ради будущего России, я готов многое перетерпеть. В отставку я не подам! Теперь пришло время собирать наследие империи, Константин Иванович тут полностью прав. Польско-большевистская война представляет нам немалые для таковых действий возможности. Тем более что под угрозой вторжения красных войск в Польшу, а оттуда в Германию, союзникам станет не до наших операций в Закавказье и Туркмении. Так что их вмешательства, я думаю, не будет. Мне только немного жаль, что не я начну, а вы. А потому отчасти вам завидую...

— Ну что вы, Антон Иванович! Вы будете готовить армию, я вести войска — но война общая! Знаете, что я решил? Взять по совету графа Келлера план Арчегова по разгрому чехов под Иркутском. На эту операцию моих скромных сил хватит с избытком. Стремительное наступление на Баку с разоружением местной «армии», — в голосе Юденича послышалось ехидство. Долгое время тот командовал на Кавказе и имел реальное представление, чего стоят на самом деле мусаватистские войска. — С моря поддерживают корабли Каспийской флотилии,

которые высаживают десант. А далее представляю наместнику и правительству урегулировать политические нюансы этого возвращения.

— Вы правы. И знаете, что скажу вам честно?! В этом молодом генерале есть искра, и я даже рад, что принял предложение царского величества прислушаться к мнению его генерал-адъютанта, как к собственному. Что касается его молодости?! Так этот недостаток, к моему глубокому сожалению, очень быстро проходит...

— И к моему тоже, — искренне засмеялся Юденич, и Деникин его поддержал. Отсмеявшись, генералы переглянулись, и Антон Иванович продолжил свою мысль:

— Но, как военный министр, он полностью на своем месте. За ним и поддержка государя и правительства, и даже большевиков, к моему искреннему удивлению. С ним дружен адмирал Колчак, а ведь он был Верховным правителем. А потому пусть и везет свой воз дальше на эту гору, как говаривал в давнее время его коллега по должности фельдмаршал Барклай де Толли. Мы его с вами, к глубокому сожалению, Николай Николаевич, тоже пытались затянуть на вершину...

— Только сил не хватило...

— Константин Иванович молод, силушка бурлит. А мы с вами, как и с другими генералами, отбросим политику в сторону, она мне, признаться, надоела. И, наконец, займемся тем, к чему нас готовили всю жизнь — воевать с врагом и защищать Россию!

Москва

— Ты чего клинками обложился со всех сторон, Лев?! Или решил в горские князья записаться со своей родословной?!

Глеб Бокий, в своей неизменной потертой кожаной куртке, перехваченной через плечо ремешком с массивной кобурой маузера, быстро охватил взглядом разложенный на столе целый арсенал сабель.

Клинки были на любой вкус — от щедро усыпанных алмазами от рукояти до ножен, до совсем простых, посеребренных. Роднило их всех одно обстоятельство, даже на неискушенный взгляд чекиста — они имели явно восточное происхождение, скорее всего арабское.

— «Нашему другу» хочу вернуть конфискованные самарскими чекистами три старинных клинка. Жаль, конечно, что твои люди не смогли выяснить, какие они были.

— А я что, виноват?! Мы все перерыли, но в городе ничего подобного и близко не обнаружили. Да и торопились, сегодня только приехали, — Бокий не любил оправдываться, тем более за чужие грехи, а потому сменил тему и указал на стол, за которым с задумчивым видом сидел Мойзес. — Ну, и тут у тебя выбор великоват. На любой вкус. Стоящие хоть, а то слышал среди них и подделки встречаются?

— Обижаешь напрасными подозрениями, Глеб! За эту неделю Москву вверх дном поставили, из Питера еще привезли. Это все самое лучшее, антиквары не за страх, а за совесть работали, каждую саблю чуть ли не по миллиметру изучали.

— Тогда понятно, раз за совесть!

Нет, Бокий полностью доверял своему коллеге, но в голосе явственно прозвучало хмыканье. Он не сомневался, что выбрано самое лучшее, просто у Мойзеса за совесть никогда не трудились, а вот страх тот вызывал жуткий, если не лютый.

Да и сам он его завсегда побаивался, мурашки ледяные по коже ходили, а потому старался без нужды не смотреть на лицо, на котором алым прожектором горел немилосердный глаз.

— Посмотри, что он выберет? Мне просто интересно.

— Хочешь предугадать, что выберет «наш друг»? Ну что ж, — Бокий подошел к столу —

дюжина клинков была распределена на три группы по четыре сабли в каждой.

Середина сверкала от множества драгоценных стекляшек, кровавым сиянием наливались рубины, тускло желтело золота. Клинки справа были поплоче, но и тут пахло скорее не щедростью, а расточительностью. А вот слева были простые ножны, посеребренные, даже потертые или от старости, или от постоянного употребления.

Чекист взял клинок, самый простой на вид, повертел ножны в руке и вынес, посмотрев на них минуту, свой вердикт.

— Скорее всего, выберет этот.

— Ты уверен?

— Почти.

— А почему не эти? — Мойзес указал на россыпь бриллиантов на роскошных ножнах. — Он вроде не лишен амбиций и честолюбия, а эти сабли достойны царей и императоров!

— Не думаю... — протянул задумчиво Бокий.

— Почему? — не унимался Мойзес. — Он же — казак, терский, почти горец! Насмотрелся я на эту публику, — он брезгливо поморщился, — одежда драная, пальцы из сапогов торчат, ни медяка затертого в кармане, но пояс наборный, серебряный, кинжал и шашка богатые, конь на вес золота, да и сбруя не дешевле! И взгляд-то какой: весь базар купит, не иначе, а то и совсем покупать не станет, не хозяйское это дело. Казачья эта в гоноре с польской шляхтой посостязаться сможет! И «наш»-то тоже на золотишко падкий оказался, раз про свои вещички не постеснялся напрямую сказать!

— Нет, Лев, ты недооцениваешь нашего молодого «друга»! Да и... Не пойму я его... Вроде и прозрачный, как стеклышко, насквозь видимый и просчитываемый, ан нет, стеклышко-то с мутиной, если повернуть его чуток... — Бокий прищурился, разглядывая стершийся от времени рисунок серебряной отделки. — Он не такой! Дурь да спесь не для него! И кто из нас с кем еще играет... Не дурак он, чтобы на блестяшки твои покупать.

Клинок хищно блеснул, со свистящим шипением выйдя из ножен.

— Он — казак, как ты сказал, но настоящий, а они — воины по крови, такие, что оружие сердцем чувствуют. И к тому же драгоценное оружие он не возьмет, ибо знает про данайцев, дары приносящих. А тут у тебя почти все сабли в бриллиантах...

— Этому клинку нет нужды в драгоценной оправе. — Мойзес осторожно прикоснулся к ножнам, отложенным Бокием на стол. — Потому что он и есть самая большая ценность, по сравнению с которой вся Оружейная палата, откуда и взята большая часть оружия, — котомка нищего. Ему полторы тысячи лет, а раньше его называли «мечом веры». Или «пророка» — мои эксперты чуть ли врукопашную сошлись, не в силах дать сабле имя. Один знаток и коллекционер, из горцев, нефтепромышленником был, даже три «захоронки» назвал, лишь бы дали в руках поддержать. Плакал от счастья, хотя мы у него на несколько миллионов золотом конфисковали...

— Даже так?

— Ага, — безмятежно отозвался Мойзес, — не врут легенды. Сабля его на две половины рассекла, как соломенный тюфяк. Ты лезвие не трогай, Глеб, пальцев лишиться можешь одним махом, как один мой дурак.

Бокий осторожно задвинул узорчатый клинок в ножны и положил на стол — попробовать на своем ногте, как хотел, он не рискнул — Мойзес к шуткам и розыгрышам не расположен.

— И ты решил проверить...

— Симбиоз...

— А это с чем едят?

— Один ученый мне объяснил кое-что. Я тебе своими словами скажу, как его понял. Так

именуют единый продукт двух несовместимых частей.

— Ты имеешь в виду генерала Арчегова?

Собеседники говорили серьезно, хотя любой психиатр, зная, о чем они говорят, моментально бы вызвался оказать пациентам помощь. Вот только подоплека дела такая, что тут не медики нужны были.

— Думается мне, что нравственная и эмоциональная составляющая осталась у него прежняя, а вот разум из будущих времен.

— Переселение душ?

— Можно и так сказать. Хотя и неверно будет.

— Лева, ты гений, — Бокий говорил искренне — коварство и ум Мойзеса он сейчас оценил в полной мере. Данайцы, что взяли Трою, это невинные детишки рядом с его коллегой. Но тот восторгов не принял, сказал грубовато и жестко, сжав изуродованные зубы, отчего звериный оскал стал совсем ужасным, и Бокий вильнул взглядом.

— Ты все привез?! Смотри, Глеб, у нас десять дней всего осталось. Мы должны хорошо приветить генерала, когда он от Деникина обратно вернется. Янек приказал учитывать каждую мелочь, не скупиться! Если надо, я ему двести девственниц к ногам брошу и всем горло перережу!

Бокий передернул плечами от пробежавших по спине ледяных мурашек — какие уж тут шуточки, все предельно серьезно. А потому заторопился с ответом, поставив на стол тяжелый саквояж.

Расстегнул ремни и вывалил его содержимое на стол, отодвинув сабли в сторону. На стол упали несколько тяжелых бумажных свертков — Бокий их торопливо надрывал. Между пальцами скользили всевозможные украшения с бриллиантами и драгоценными камнями, желтел презренный металл.

В одном из свертков оказались большие кресты и другие ордена, некоторые из которых также заиграли зайчиками мелких алмазов, что на фоне других сокровищ выглядело несколько неубедительным. Вроде вечно голодного бедного еврейского родственника в богатой купеческой семье.

— Впечатляет, добра вполне достаточно...

Лишенным эмоций голосом произнес Мойзес, без малейшей алчности взиравший на сокровища. Впрочем, также безразлично и холодно смотрел на них и Бокий. К чему чекистам эти «дары земные», на которые можно было безбедно прожить пару веков в любой стране мира, кроме Советской России. Интерес у них был совершенно иной...

Заиркутный военный городок

— Хрен его знает, что там было, Миша! По крайней мере, разговоры идут нехорошие! Но думаю, не одни эсеры вызвали эту сумятицу, точнее, не они только одни. Гвардия, корабли, бронепоезда, туземный полк атамана Семенова — я представляю, что здесь творилось! Хотя эти эсеровские сволочи — бомбисты изрядные, пора с ними кончать!

Командир 2-го Сибирского авиаотряда капитан Сергеев эмоционально выругался, облегчив душу. Летчики и технический персонал прибыли сюда получать новую матчасть — поставленные из далеких САСШ аэропланы «Де Хэвиленд», отправленные фирмой Кертисса.

С уже старыми французскими «Сальмсонами», эти американские, выпущенные по английской лицензии, машины было не сравнить — мотор «Либерти» в 400 лошадиных сил, а потому более высокая скорость, приличная бомбовая нагрузка и пулеметное вооружение да дальность полета на сто верст больше.

Однако весь первый день авиаторы не столько смотрели на новенькие, дюжину которых только собрали, аэропланы, сколько втихомолку обсуждали события двухнедельной давности, имевшие быть место в Иркутске. И как водится, мнения разделились, и кардинально.

Многие офицеры ругали эсеров, и у них были на то основания. Еще зимою боевики этой партии убили министра внутренних дел Яковлева, ранили самого Вологодского, председателя Совета министров, и военного министра генерала Сычева, что был вынужден оставить должность.

Правда, злые языки утверждали, что генерал легко отделался, всего пара синяков и царапин. А с должности ушел из-за боязни повторного покушения.

И вот теперь снова террористы вылезли из подполья, причем стреляли не только в царя. Ладно, тяжелое, почти смертельное — две недели в коме, ранение генерал-адъютанта вполне объяснимо, как и то, что флигель-адъютант был убит на месте. Вместе с ними пострадало несколько казаков конвоя, и контузию получил генерал Пепеляев.

На эсеровские такие действия очень похожи, те привыкли бомбами и револьверами баловаться. Так что если сейчас в Сибири партию социалистов-революционеров объявят вне закона, то армия и народ полностью поддержат это решение. Недаром все газеты переполнены гневными письмами и призывами к расправе над убийцами и террористами.

— Сейчас не то время, не запугают эти сволочи! И на свой предательский удар получат достойный ответ сполна, — Воцилло побелел от нахлынувшей ненависти.

— Хватит с ними цацкаться, они нам все время в спину стреляли да заговоры плели. И страну в семнадцатом году развалили. Их же Керенский у кормила стоял! И власть они же большевикам отдали, и армию своими приказами погубили!

— Да разве я против?! — Сергеев пожал плечами. — Вот только одно в этой истории для меня не ясно — зачем они убили генерала Болдырева? Ведь он тоже эсер, их товарищ по партии!

— Ну, ты даешь?! Яковлев ведь тоже был эсером, и каким?! На каторге даже сидел! И шлепнули его, не пожалели. А тут генерал царский, что в эсеры только в семнадцатом году перекрасился! А по мне — туда ему и дорога! Таких перевертышей нам и задарма не нужно!

— Это точно подмечено, — капитан с задумчивым видом потер переносицу. После возвращения из штаба ВВС (новое наименование прижилось быстро) командир пребывал в некоторой растерянности. Чем-то его там огорошили, и Воцилло, на правах друга, решил прояснить этот вопрос.

— Слушай, не темни! Что случилось?

— Сейчас там принято решение сформировать особый авиаотряд из дюжины оставшихся «Сальмсонов». Распоряжение военного министра. Все действующие части получают «американцев».

— Для чего это нужно?

— Для войны с поляками...

— Вместе с красными?! — Воцилло не сдержал изумления, настолько его шокировало это известие.

— А что, красные перестали быть русскими? Или мы? Пойми — наш Киев, «мать городов русских», ляхи уже захватили и идут на Смоленск. Большевикам деваться некуда — или «похабный» мир с ними, или с нашей помощью показать панам, раз те запамятовали, жареного петуха. Чтоб он их по темечку поклевал!

— В таком разе я за второй вариант, для меня он намного предпочтительней! Надо им 1612 год напомнить!

— Я рад, что ты согласился, — с нескрываемым облегчением вздохнул Сергеев, и Воцилло

понял, как его провели.

— Ты сам посуди, Миша! Мне резона ехать на Западный фронт нет — я недавно красный «Ньюпор» завалил. А у тебя грехи давние, хоть большевики и обещают сибирским добровольцам неприкосновенность. Да и майора получишь, и командовать отдельным авиаотрядом станешь. Сплошные перспективы, грех такой случай упускать.

Воцилло задумался, а капитан, поняв, что его обходной маневр полностью удался, принялся его улащать, дабы повернуть мысли закадычного друга в нужном направлении.

— Помочь нужно, Михаил, время не терпит. Опять же, вчера красные с Омска свои войска выводить начали, к концу июля вся Сибирь нашей станет. Заметь, без войны, без жертв, без лишних трат. С югом перемирие продлено — даже генерал Деникин понимает, что, воюя с поляками, большевики поневоле играют в нашу пользу.

— Так понимаю это...

— И чего думать, дружище? Соглашайся? А?

— А шут с тобою, уболтал, — со смешком согласился Воцилло и, сразу став серьезным, спросил: — Когда выезжать?

— У нас неделя на комплектование. Аэропланы загрузят в Омске. Так что нужно действовать быстро!

Севастополь

Шульц был на лучшем счету у начальства — и язык хорошо знал, и крестом за боевое отличие отмечен, и даже высшим начальством обласкан. Самим адмиралом Колчаком удостоен на переходе, когда случайно уберег офицера от укуса небольшого каймана.

Высоко скакнул по служебной лестнице. И шутка ли — командир бакового орудия, а их на эсминце всего два, да к тому же в будущем самого мощного корабля маленькой Сибирской флотилии.

Того же «Орла», даром что тот вспомогательным крейсером называется, но обычный вооруженный пароход «Капитан Сакен» отправил бы на дно за четверть часа — из мощных орудий расстреляв, да еще торпедами добив из трех аппаратов.

Шульц начинал морскую службу на кайзеровском флоте открытого моря. Первым кораблем стал большой миноносец S-13, и сейчас поневоле он сравнивал эти два корабля. Водоизмещение одинаковое, но немец имеет большую скорость.

Зато у русского изрядное преимущество в дальности плавания. А это сейчас самое главное — путь до Тихого океана далек. Экипажи равны — по семь десятков матросов и унтеров, плюс офицеры. У S-13 на одну торпеду больше, зато русский может взять вдвое больше мин заграждения.

Однако русский корабль имеет два четырехдюймовых орудия против двух, но 88-миллиметровых — очень бы не хотел Шульц оказаться против «Капитана Сакена» на той войне. Русские комендоры не хуже германских, а вес залпа в полтора раза больше, прилетит от Ивана пудовый «подарок», мало не покажется. А «ответ» Ганса вдвое легче!

И Генрих возблагодарил судьбу, что попал служить на счастливый для него «Магдебург», хотя тот и погиб, налетев на камни — и войну в Сибири пережил, и сейчас хорошо оплачиваемую службу имеет да ласковую молодую жену. А несчастный S-13 ненадолго пережил крейсер — погиб от взрыва торпеды со всем экипажем холодным ноябрем. Тонуть мало приятно, но лучше уж в августе у берега.

Шульц посмотрел на второй русский угольный эсминец, меньший в размерах, чем его «Капитан». Да и слабее вооруженный — торпедных аппаратов два, а пушек хоть и столько же,

но калибр мелковат, в 75 мм.

Взяли этот стареющий кораблик только потому, что паровые машины в приличном состоянии, как-нибудь дойдет до Владивостока. Там такие же миноносцы, ветераны еще Цусимского сражения, и в столь плачевном виде, что их черноморские собратья, отмерившие за шесть лет войны тысячи миль пути, будто только в строй вступили, новехонькие.

— Приличный у нас отряд, намного больше!

Два транспорта должны были отплыть завтра в Константинополь — пятьсот человек на борт приняли, в основном там были семьи уходящих моряков и разных штатских, что преодолели массу сложностей, чтобы получить заветный билет в благополучную Сибирь.

Еще треть составляли военные — Шульц искренне радовался, что попал на эсминец с «Орла», ведь на крейсере в обратный путь добрая полусотня морских офицеров с семьями отправилась. Замаешься ладонь к бескозырке подносить!

— Молодцом, Шульц! Отлично управился!

— Рад стараться, господин лейтенант!

Генрих заученно отозвался на благодарность подошедшему лейтенанту Герингу. С каждым днем пребывания на Черноморском флоте он все больше и больше убеждался в глубокой исторической взаимосвязи Германии и России, как и те три сотни немецких матросов, что перешли на русскую службу.

Отрядом, уходящим во Владивосток, командует контр-адмирал Беренс. Их эсминцем — капитан II ранга Гутан, вторым Манштейн. Почти все офицеры кораблей также имеют немецкие фамилии. Да и название «Капитана Сакена» дано в честь русского доблестного офицера, самого натурального немца по происхождению.

И так везде! Взять даже русских императоров — все они женились исключительно на германских принцессах! А сколько немцев вот уже несколько столетий переезжало в Россию?! Нет, не он первый, не он последний! И одно Шульц знал твердо — он будет честно служить своей новой родине, а она станет для его детей фатерландом!

Москва

— После расстрела графини Брасовой ордена сохранились. Они здесь все, — Бокий ткнул пальцем в кучку крестов.

— А ее вещи?

— Все в наличии. В ящиках — я их повторно опечатал.

— Хорошо!

Мойзес задумался, глаз горел пронзительным огнем. Его собеседник терпеливо ждал, всем нутром чувствуя, что сейчас тот скажет нечто важное, потаенное.

— С женой поторопились, ее не нужно было столь быстро «оформлять». Сейчас бы у царька проблемы вышли бы серьезные.

— Но кто ж тогда знал...

— Да это я так, мысли вслед. Хотя и сейчас у нас возможности для маневра имеются немалые, — Мойзес оскалил рот в улыбке и показал пальцем на свертки с драгоценностями, сменив тему: — Это ты тоже ему насобирал?

— Не все! Кое-что и «нашему другу».

— И что же?

— Вот очень похожие драгоценности его тещи, что были изъяты при обыске, — Бокий пододвинул несколько украшений, цепочку с кулонами, пару перстней, серьги.

— Это что значит похожие, Глеб?

— А то, что хрен знает куда настоящие делись! Но нашли местного ювелира Либермана, тот эти побрякушки хорошо знает. Мы его в хранилище отвели, чтоб выбрал все, что следует. Он там сутки копался, сравнивал. Божится, что все подобрал правильно, даже камни подправлять не нужно.

— Он не ошибается? Может, стоит мне с ним поговорить?

— Не нужно, Лев. У старика и так душа еле в теле от страха держится, — Бокий усмехнулся. Он ткнул пальцем в другую кучку: — Эти похожие, но намного дороже. Пусть генерал сам выбирает «свое кровное», а мы посмотрим.

— Это правильное решение. Пусть выбирает, — в голосе Мойзеса прозвучал как неподдельный интерес, так и явственная угроза. — Не жалко и все отдать. Не только этот саквояж с саблями, Глеб.

— Я понимаю. Потому и принес. И вот еще что. Ювелир фамильные серьги и перстень Арчегова не видел, но теща генерала описала ему их, как смогла. Он и отобрал эти, как их, запаматовал... Композиции!

Бокий раскрыл сверток — там было с пару десятков золотых перстней и серег с рубинами разных форм. Мойзес откровенно ухмыльнулся, а глаз сверкнул молнией.

— Выбор у генерала великоват получится, Глеб. Как ты считаешь?

— Зато у нас шансов больше будет.

— Ты прав. Что у тебя еще?

— Мать супруги «нашего друга». Почему он ее в список не внес? И что нам с ней делать? В заложники оставить?

— Ни в коем случае, Глеб! Оно нам надо?! Янек распорядился ее направить в Иркутск — такой заложник нам даром не нужен. Она больше пользы там принесет. Ха-ха...

— Сейчас сидит как мышь, а так баба вредная, — Бокий тоже хмыкнул. — Думаю, теща ему сильно «понравится», тут Янек прав.

— Ты, Глеб, особо проследи, чтоб ей целый вагон выделили, лучше два. Пусть свои кадушки и фикусы забирает, да всех своих кошек в придачу. Берет все, что потребуется. Да самарских товарищей предупреди — пусть дают ей все, что захочет. И глаз не спускают! Чтоб ни один волос с головы не упал! Иначе все под трибунал пойдут!

— Уже распорядился, Лев!

Бокию сильно не понравилась осведомленность Мойзеса. Вначале несведущим в самарских делах прикидывался, а сейчас зубки свои показал, как всегда. Да какие зубы — клыки страшнее, чем у любого упыря. С таким подельником постоянно нужно держать ухо востро — другом и даже товарищем он Мойзеса даже в мыслях не называл.

Тамбовский волк ему товарищ!

— Мы ее вернем, — изуродованные губы медленно зашевелились, что-то подсчитывая, и раздвинулись в жутком оскале. — В сентябре, как раз все на фронте и прояснится... Последней! Вначале ты всех туда проводи, вежливо, но обери так, чтоб нищими отправились, с одной коркой черствого хлеба. А потом эту вслед отправь, с вагонами. И еще одно. Все это золото с саблями, после генеральского «отбора», ей всунь. Найди способ, чтоб взяла!

— Сделаю, Лев. Ты правильно мыслишь, у русских даже народная мудрость есть: коготок увяз — всей птичке пропасть!

— Ха... Смешно...

Из горла Мойзеса вырывался клекот, мало походивший на смех, да и глаз горел весьма серьезно.

— Мы должны сделать все, чтобы «свои» его затравили, заклевали, затоптали. Тем самым нейтрализуем. Сейчас он нам враг — лютый, непримиримый. Но что будет завтра? Особенно

когда мы в Германию ворвемся и мировая революция начнется...

— Ты в этом уверен? — Бокий нетерпеливо перебил, не в силах сдержаться. Лицо его вспыхнуло надеждой.

— Теперь я это з-н-а-ю!

— Даже так? — в голосе собеседника послышалось недоверие, и Мойзес поморщился. И, торжествуя, оскалился.

— Арчegov проговорился, когда сказал, что орденом нашего, пока живого Ильича массово «испанцев» наградили. Участников гражданской войны в Испании примерно с тридцать шестого по тридцать восьмой год. Вот так-то!

— Высшим орденом и массово? Так награждают исключительно одних победителей! — Бокий соображал быстро. — Тогда все понятно. Морем до Испании не с нашим флотом добираться, да и британцы военмором перетопят, как худых котят, что они в прошлом году нам продемонстрировали. Остается только одна дорога — через Германию и Францию!

— А может, через Италию?

— Все равно потом во Францию попадаешь — она одна на пути. А тебя на руднике немцы прищучили, а это говорит о том, что там внутренняя контра голову подняла.

— И с нашей сволочью в один клубок сплелись. Фомин со своим «псом» тому подтверждение. И нам много крови испортили, чудом уцелели. А вот половину Германии потеряли — Яковлев эти две части ГДР и ФРГ именовал в своей записке. Мы эту абракадабру с тобою уже расшифровали, и Арчegov ее косвенно подтвердил.

— Ты хорошо поработал, Лева, искренне завидую.

— Радоваться нечему — судя по всему, Яковлев прав! Мы проиграли будущее! Да, кстати, орден Красной Звезды так и называется, без «боевого». У Ермакова-Арчegovа их два, и еще два креста, от новой «демократической власти», вроде наших «временных». И он был членом коммунистической партии. Новая власть его со службы выбросила полным инвалидом, судя по всему, за прошлое, но два своих ордена на прощание отвесила.

— «Термидором» у нас все закончилось, как во Франции? Что-то затянулся он по времени?!

— Нашу контру мы хорошо пропололи, вот и затянулся. Но все же мало в «штаб Духонина» сволочей отправляли, раз детки с внуками и опомнились. А потому нужно принимать немедленные меры!

— Какие? Что мы Янеку можем сказать?

— Много! И главное — Фомин со своим дружкой в «свою колену» отправили историю, Арчegov ее обратно исправляет...

— Ты хочешь сказать, что немцы попытались предотвратить революцию в Германии?! А что — очень даже похоже. Теперь понятно, почему заварушка в Иркутске произошла, и сибиряков здесь с пулеметов «причесали».

— Не удалось им самодержавие устроить — Арчegov меры предпринял, и переворот закончился тем, что Шмайсера пристрелили. Чему я несказанно и рад, и сильно огорчен.

— Даже так?

— Я сам хотел его кончить! Ну, раз так вышло, сделаю подарок «нашему другу» за хорошо выполненную работу, — Мойзес брезгливо тронул саквояж. — Сдается мне, что моего «ключа» с «псом» в эту ловушку затащили самих, а не они его. Умен, собачий сын! Но и у него нашлось слабое место, которым и нам следует воспользоваться. Но вначале все просчитать! Чувствую, что зело хитер этот «пришелец»!

— Может, его самого... Того! На всякий случай, возможности есть...

— Не смей даже думать! Мы другим путем пойдем, кхе! Так, по-моему, Старик однажды

сказал! А потому с Янеком я говорить буду...

Тамань

— Мы избавили Антона Ивановича от ноши, которую он уже еле нес, — Арчegov говорил громко, совершенно не опасаясь, что их беседа с адмиралом может быть кем-нибудь подслушана. Вокруг степь, ветер бьет прямо в лицо ее горьким запахом, приятно ласкающим ноздри.

Автомобиль довольно резво по нынешним временам, верст на двадцать в час, трясся по грунтовке. Прошедший дождик освежил путь, а потому ни им с Колчаком в автомобиле, ни полусотне казаков конвоя, что поспешали следом, пыль не мешала.

Благодать, а не поездка!

— Кривошеин, как глава правительства, дело свое добре знает, он и при Врангеле в Крыму реформы настойчиво проводил. Вот только совершенно бесплодно — их время тогда было упущено. А сейчас, фигурально выражаясь, вскочил на подножку уходящего концевго вагона в самую последнюю секунду. И в закромах у правительства не бумажные «колокольчики», что ничего не стоят, а золото и нормальные деньги, что вы, Александр Васильевич, глубокая вам благодарность за такой разумный государственный подход, не вывалили разом все. Иначе Антон Иванович говорил бы с нами совсем по-другому. И вряд ли согласился!

Адмирал задумчиво посмотрел на пыльную дорогу, на мелькавших по ней конных казаков и пожал плечами.

— Не думаю, Константин Иванович. Я здесь с марта и многое уже знаю. Белое движение и здесь агонизировало, как и в Сибири. Совершив переворот в Иркутске, вы спасли не только будущее нашей с вами страны, меня лично, но и генерала Деникина с «Вооруженными силами на юге России». Хотя в этом ему лично очень тяжело признаться даже самому себе!

Лицо Колчака приняло отрешенно-одухотворенное выражение, взгляд был невидящим, адмирал словно вдругорядь видел картинки из своего недавнего прошлого.

Константин незаметно выдохнул с несказанным облегчением — он уже пять месяцев исподволь приводил «своих» адмиралов к тайне его собственного перерождения, и сейчас начал пожинать плоды, с удовлетворением отмечая, что такая тактика ему принесла не просто позитивный, а невероятный результат. И Колчак, и Смирнов поверили, полностью, и с потрохами, как сказали бы в иные времена! Или истово, как сейчас, и ничто теперь не смогло бы их переубедить в этом.

«Ах, Александр Васильевич, но в вас я был с самого начала заинтересован намного больше, чем вы даже сейчас! А потому было и мое „откровение“, а потом, в вагонном купе, якобы сонная оговорка про японские линкоры. А я тогда смотрел за вами и видел ваше ошарашенное лицо, и как вы накрыли меня своей шинелью. Пройдет еще немного времени, и мы с вами станем друзьями, не можем ими не стать! Ибо я, как влекомый осенним ветром пожухлый лист, нуждаюсь в твоей поддержке. А пристанище я сам нашел — у меня любимая жена, дом, будущие дети, за счастье которых я буду драться до конца, зубами в горло вцеплюсь», — мысли текли быстро, разгоряченно, но внешне это никак не отражалось.

Генерал даже не курил — по молчаливому уговору с Колчаком они решили в дороге прекратить травить себя табаком. И негласный уговор стойко держался вот уже три дня — сумасшедший срок, учитывая близкое расстояние, если к нему взять даже местные, а не сибирские мерки, между столицей кубанского казачества и Таманью, станицей на берегу Азовского моря, воспетой в прозе знаменитым Лермонтовым.

Все дело в том, что кортеж генерал-адъютанта постоянно и надолго останавливался чуть ли

не в каждой станице, приветствуемый многотысячными, разноцветными и красочными сходами.

А там по заведенной программе — хлеб и соль, благодарственный молебен, торжественный обед или ужин, присвоение ему «почетного старика» станицы и народные гуляния.

Надоело хуже горькой редьки, но приходилось с самым приветливым видом делать реверансы кубанскому казачеству — политика штука тонкая, и вся зиждется именно на создании таких вот противовесов...

— Жаль, конечно, что такой талантливый генерал, как Антон Иванович, покинет службу...

— Вы в этом уверены, Александр Васильевич?

— Война закончена, и главнокомандующий слагает с себя возложенные на себя обязанности. В русской армии это правило без исключений. Так же поступили и вы, Константин Иванович.

— Не совсем так, вернее, совсем не так. Я военный министр Сибирского правительства...

— А более того, вы единственный генерал-адъютант его величества, и здесь вы представляете не только его особу, но и наделены государем чрезвычайными полномочиями. Я даже не припомню, кто из ваших предшественников имел такие права. Тем более вы их ярко продемонстрировали...

— Жестко? Вы же это хотели сказать?

— Да, но сейчас такое не вполне корректно по отношению к вам, Константин Иванович. Потому что было необходимо. Да и у вас выбора не имелось — вы выполняете волю монарха и Народного собрания, что тоже наделило вас полномочиями, а генерал Деникин давал присягу, как и все мы, и будет ей верен!

— Но все же я считаю, что Антон Иванович примет пост военного министра Южно-российского правительства. Другой кандидатуры я просто не вижу, ведь генерал возглавил белое движение с самого начала и пользуется безусловным доверием генералитета...

— Если не считать барона Врангеля и примкнувших к нему «молодых генералов»...

— С ними вопрос решен. Они все получают назначения в Сибирской армии. Здесь, на юге, кадрового «голода» нет. Наоборот, избыток генералитета и офицерства. А оттого нездоровая атмосфера, интриги, клевета. Так что на «Орле» уйдут через неделю, а Врангелю я письмо отправил, его в Константинополе на борт примут.

«Талантливый кавалерийский генерал, этот пресловутый „черный барон“. И замена графу Келлеру будет, ведь Федору Артуровичу седьмой десяток. Не подкачал старик, поступил как следует», — Арчegov тяжело вздохнул.

Он надеялся на графа, и перед отъездом в Москву, чувствуя, что Фомин со Шмайсером что-то замышляют, оставил тому подробное письмо с объяснением своих шагов и инструкцией, на всякий случай.

К сожалению, по нерадивости доверенного контрразведчика в Новониколаевске, старый генерал получил послание только после того, как сам попался на откровенный обман с фальшивым царским приказом. А оттого и рассвирепел, и рванул в Иркутск.

Три дня назад Арчegov получил шифровку из ГПУ — Келлер вышел из царского кабинета раздраженным, а у Михаила Александровича был пришибленный вид и красные, как у кролика, глаза. Прямо как дети — «опять двойка»!

Второй фигурант произошедшего «переворота», генерал-адъютант Фомин в тайне содержался под стражей — атаман Оглоблин сумел повернуть дело тихо, и все были уверены в том, что тот стал жертвой эсеровского покушения. Вот только Шмайсер пропал неизвестно куда.

«Ничего, приеду, решу с ним. Хорошо, что предугадал, что эта троица себе на уме, так что

у них ничего не вышло. Вот только Степанова с Михайловым потерял! Но разве я мог предвидеть такой „рояль в кустах“ и пулеметы в окнах. Шмайсера я достану, ни сил, ни средств, ни людей не пожалею!» — с озлоблением закончил мысль Арчegov, но произнес совершенно не о том, что явилось предметом размышлений.

— Я разговаривал с генералом наедине. Очень тяжело. С вами и то было легче, после той счастливой осечки. Помните?

— А я о ней никогда и не забываю, Константин Иванович. Но если вы беседовали с генералом *так*, то я сочувствую и ему, и вам. Указали на все ошибки и просчеты прошлого года?

— Не только. Я видел, что Антон Иванович еле сдерживается, чтобы не проучить щенка, каким я ему представляюсь...

— Не думаю. Мы имели с генералом Юденичем долгую и весьма интересную беседу.

— И что сказал Николай Николаевич?

— Что у вас глаза старого человека. Как видите, не только я это заметил. Но мне известен ваш настоящий возраст, и не только это, а другие могут лишь предполагать. Они не слепцы, Константин Иванович, и говорили о вас с теми, кто знал раньше ротмистра Арчegovа. А потому удивлены и поражены, но говорить им правду я, само собой разумеется, не стал...

Договорить адмирал не смог — автомобиль взрыкнул, дернулся и застыл как вкопанный. Собеседников бросило вперед, хорошо, что впереди стояла оббитая кожей стенка.

— О, детище французского автопрома! — Арчegov выругался сквозь зубы. — Мать твою за ногу, Гришка. Ну что, казак лихой, управился с табуном механических «лошадей»?!

Ординарец выглядел сконфуженным, покраснел, а шофер побледнел от злости — очень он не хотел передавать «баранку» в чужие руки, но раз генерал настаивает...

— В общем, так, Григорий! Ты ремонтируешь здесь это чудо техники и делаешь все, что скажет настоящий мастер вождения, — Константин Иванович польстил одетому в кожанку офицеру автомобильной команды. А мы на лошадок пересядем. Ведь так, Александр Васильевич?

— Конечно, Константин Иванович. Знаком с верховой ездой, да и рядышком. Вон море синее, Тамань виднеется. Мы почти прибыли, в проливе нас миноносец ждет.

— Тогда по коням, ваше высокопревосходительство! Не будем терять времени, ибо чую нутром, что нас в этой станице надолго задержат. Посмотрите, сколько народа стоит на околице!

Полоцк

Отдельный Уральский кавалерийский дивизион был совершенно «сырой», но Константин Рокоссовский чувствовал себя откровенно счастливым. Эти два недолгих месяца службы в таинственном до жути отделе ВЧК оглушили его ударом дубины по затылку.

Он устал доказывать товарищам Бокию и Мойзесу, что будет рад служить в строю и принять эскадрон, а с затаенным желанием примет и взвод, лишь бы избавиться от этих тягостных и смертельно опасных секретов.

Но в лицо, само собой разумеется, этих мыслей не высказывал — бывший краском убедился на многочисленных примерах, что его непосредственные начальники слов на ветер не бросают и безжалостны до чрезвычайности, что соответствует названию комиссии.

Рокоссовский начал забывать свой сибирский поход, как кошмарный сон. А как все хорошо шло — на одном дыхании 5-я красная армия дошла от уральских гор почти до самого Енисея.

И получила страшный, сокрушающий удар от опомнившихся белых и подошедшей к ним

на помощь Сибирской армии. И покатила в жутком беспорядке до самого Омска на Иртыше, где ее спасло, другое слово здесь просто не подойдет, заключенное с новым Сибирским правительством соглашение о перемирии.

— Зарвались! — Рокоссовский сам себе вслух объяснил причину жуткого разгрома, который, то ли к счастью, то ли нет, он не видел. Да и свой короткий плен Константин не любил вспоминать, как и свою встречу с царским генералом, и те загадочные слова, что тот ему говорил. А может, именно то, что он и услышал, спасло ему жизнь...

— Свои намного страшнее!

Краском отогнал от глаз жуткое видение Мойзеса, даже потряс головой, стараясь избавиться от морока. Помогло! И стал прислушиваться к знакомым раскатам артиллерии — сегодня на рассвете весь Западный фронт Тухачевского перешел в наступление, проламывая польские позиции и перемалывая наглых интервентов в труху.

Силу красные собрали невероятную, причем далеко не всю — из Сибири и кавказских предгорий эшелон за эшелонам шли перебрасываемые оттуда дивизии.

Белые оказались настоящими русскими патриотами и сами предложили мир, пока идет война с иноземными захватчиками. И не только мир — как знал Константин по своей прежней службе, Сибирь начала передавать вооружение и снаряжение...

Тысячи царских офицеров, что не желали участвовать в русской междоусобице, сейчас записывались добровольцами в Красную армию. А среди них и генералов много, один Брусилов чего стоит. После его знаменитого в 1916 году прорыва у Луцка и разгрома австро-венгерской армии сей генерал стал известен всей стране.

Теперь Рокоссовский не сомневался, что они погонят поляков на запад и напоят коней в Висле, развернув над своими победоносными полками красное знамя мировой революции. Приказ командзапа Тухачевского, зачитанный войскам фронта, об этом говорил предельно четко и откровенно — «Даешь Варшаву!»

И пусть в дивизионе всего две сотни сабель и он толком не укомплектован, зато есть шесть пулеметов Максима, установленных на легких пароконных повозках, и приданный отряд бронемашин — три «Остина», вооруженных каждый двумя пулеметами.

Грозная сила! Тем паче в составе целого конного корпуса товарища Думенко. А ведь поговаривают, что еще идут эшелонами три кавалерийских дивизии и будет развернута 2-я Конная армия, как на юге, которой командует товарищ Буденный.

Сейчас все зависит от пехоты — впереди кавалерии прорыв вели две стрелковых дивизии. И как только они сомнут позиции поляков и разорвут их фронт, то в брешь устремится красная конница. И все, без остановки — на Вильно, на Варшаву, к победе!

Тамань

— Устал я от этих встреч, Александр Васильевич, — тихо произнес Арчegov, медленно идя рядом с адмиралом по пыльной станичной улице.

Белые стенки домов, крытые камышом крыши мазанок ласкали глаза позабытой картиной. Мычание скотины и птичий гам с лихвою перекрывался мощным гулом празднующего народа, то тут, то там разносились задорные песни — казачья станица уже жила своей жизнью, но не забыла проводить высокопоставленных гостей.

Они уже миновали памятник лихому казачьему атаману в старинной свитке с кривой саблей и вислыми запорожскими усами, впереди простирался пролив, на синей глади которого застыл четырехтрубный корабль.

— Эсминец уже ждет, ваше высокопревосходительство. Как взойдете на палубу, поднимут

императорский вымпел. На нем пойдём прямо до Севастополя, где вас встретит эскадра.

— Меня? — Арчegov искренне удивился и тихо спросил: — И при чём здесь императорский вымпел?

— Согласно Морскому регламенту, Константин Иванович. Да вы сами закон хоть смотрели?

— О чём это вы, Александр Васильевич?

— О вашем положении генерал-адъютанта и о преимуществах, из одного проистекающих. А также о том, в каких случаях, — Колчак говорил тихо, дабы их не подслушала выросшая до невероятных размеров свита, — к вам положено относиться, как к самому монарху.

— О господи! — молчаливо взвыл Константин.

— Тогда следующий раз отдавайте распоряжение заранее, — улыбнулся в ответ адмирал с хитринкой, — я поступил согласно...

— Александр Васильевич! И вы туда же!

Арчegov скосил глазом — со всех сторон их обступили алые черкески кубанцев, с серебряным шитьём бывшего императорского конвоя. Эта самая привилегированная часть гвардии была заново воссоздана, и её смотр он проводил сразу по прибытии в Екатеринодар.

За спиной следовали войсковой атаман генерал-лейтенант Науменко с колоритными представителями Кубанской рады, отдельский и станичный атаманы, господа старики. Все в черкесках, между которыми затесались генеральские и офицерские френчи из штаба Деникина, а также несколько черных мундиров морских офицеров, сопровождавших Колчака. Пару раз промелькнули и ставшие родными сердцу желтые лампасы прибывших вместе с Арчegovым из Иркутска казаков.

«А Гришку-то я забыл?» — узрев лампасы, вспомнил Арчegov и остановился. — Надо распорядиться, чтобы за ним немедленно послали, хрен с этим автомобилем, без него починят!

Сопровождавшая военного министра масса народа также остановилась — люди бросали недоуменные взгляды, не в силах понять причину столь внезапной остановки. Арчegov же смотрел не отрываясь на стоящий перед обрывом с краю домик, около которого росло уродливое дерево.

«Нет, у меня определенно дежавю! Где-то я видел сию мазанку в три окна да этот древесный трезубец, что на бандеровский смахивает. Вернее, герб нынешней „незалежной“ Украины, что в свою очередь с древней тамги Рюрика позаимствован. Но где я видел эту чинару? В Афгане? Нет, совсем недавно! В Нижнеудинске?! Тьфу ты — такого просто быть не может?! Нина мне в поезде фотографию Гришкиного отца показывала — там и этот домишко был. Как в фильме — „вон мужик в пиджаке. А вон оно — дерево“. Надо же, стоило о нём подумать — и фарт попер».

Недолго думая, Константин быстро пошел к дому, краем глаза поймав удивленно-растерянный взгляд адмирала. У покосившейся калитки остановился, высмотрев в догоняющих станичного атамана. И спросил резко:

— Кто хозяин?

— Младший урядник Ярошенко. Павло, Павел то есть, — быстро поправился матерый казачина с вислыми седоватыми усами, с капельками пота на лбу. Мозолистая лапа крепко сжимала атаманский пернач.

— Миколаевич. Срока службы 1890 года...

— Ну и память у тебя, господин атаман.

— Так мы вместе служили, а свий срок я помню!

— И как он?

— Угасает козаче. В Маньчжурии рокив двадцать назад быв, а жинка родами вмерла.

Старшего Миколу германцы вбили, а младшего Грицу в январе, на Маныче. Женить не успел. Так и угасает, соседи приглядывают, да моя внучатая племянка к нему бежит!

Атаман с неприкрытым упреком посмотрел на Науменко. Генерал побелел и сделал шаг вперед.

— Мы бросили все, что было под рукою, — юнкеров, кадетов, казаков приговорительного разряда. Наше будущее... Но нужно было спасти Кубань...

— Я знаю, — только и сказал в ответ Арчegov и открыл калитку. Маленькая собачонка твкнула разок, но узрев, какая толпа стала вваливаться во двор, поджала хвост и юркнула за плетень.

Константин открыл дверь, миновал просторные сени с кухней и печью и зашел в горницу с дощатым полом. Словно нежилым шибануло сразу.

— Здорово ночевали...

Поприветствовал хозяина и осекся, поняв, что привычного ответа не будет. Изможденный, седой как лунь казак сидел на кровати, безучастно положив руки на колени. Рядом стояла девчушка, держа в руках полную чашу.

— Сניдай, тятю...

Увидев генерала, она тут же отошла в сторону, а в глазах казака, белесых, на миг сверкнула искра. Вбитая годами служба свое взяла — он тяжело поднялся и тихо ответил, почти прошептал:

— Здравия желаю, ваше превосходительство...

— Генерал-адъютант Арчegov, — представился Константин и обнял старика: — Знаю, все знаю...

Осекся, говорить не смог — глаза впились в фотографию, что стояла рядом с кроватью. Молодой казачина в черкеске положил ладонь на кинжал. И до чего ж похож!

Константин помотал головой, поморгал глазами — на него смотрел Гришка, пусть в черкеске, но Гришка олух, что сейчас чинил автомобиль на тракте — вызволять эту «антилопу-гну» быками генерал не разрешил в воспитательных целях.

— А большевики еще сказали, что генетика — лженаука, — прошептал Арчegov, оправившись от потрясения. И быстро произнес, обращаясь к Науменко и членам Кубанской рады, что вошли следом:

— Я быстро, сейчас приду, — и очень выразительно посмотрел, показывая взглядом на старика. Кубанцы его правильно поняли и обступили старика, выражая тому свои соболезнования.

Арчegov быстрым шагом вышел из дома и целеустремленно поспешил к конным конвойцам — перед ним расступались. Обратился к вахмистру, что сдерживал норовистого коня.

— Возьми казаков и скачи к автомобилю. Аллур три креста. Там подхорунжий — отмыть от грязи, одеть в черкеску и что полагается, и сюда, наметом! Одно копыто здесь, другое там! Быстро!!!

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

Громко крикнув ответ, вахмистр развернул коня и безжалостно ударил плетью. За ним устремились полдюжины казаков, также нахлестывая своих скакунов. Не прошло и минуты, как Константин даже конского топота не слышал — лихо унеслись казаки. Три версты туда, три обратно, плюс пять минут на переодевание — четверть часа, не больше, ибо лошадей жалеть не станут. По его лицу конвойцы в один миг осознали всю серьезность полученного от генерала приказа.

Арчegov же быстро вернулся в дом и молча смотрел, как кубанцы продолжают соболезновать хозяину. Прошло с десятков минут, и в доме воцарилась гнетущая тишина — все,

кроме хозяина, с недоумением смотрели на генерал-адъютанта, не в силах понять, почему тот застыл соляным столпом. А Константин посмотрел во двор и увидел бешено скачущих верховых. И повернулся к старику, держа краем взгляда окно.

— А ведь я тебе сына привез, Павел Николаевич, живого и здорового.

Тихие слова буквально подбросили казака с постели. Глаза вспыхнули безумным огнем. Из груди вырвался крик:

— Микола жив?!

— Нет, Гриця...

— Шуткуешь, ваш бродь?! Я его тут своими руками обмывал!

Отчаянная надежда в глазах сменилась бешеной яростью, но Константин видел, что сделал. Во дворе началась самая настоящая заматня среди местных станичников — враз побледневшие, одни шарахнулись от бегущего к дому Пляскина, другие лихорадочно крестились.

— Смотри! — Арчegov отошел в сторону, стараясь быть рядом с отцом и девчушкой. Громко затопали сапоги.

— Гриця!

— Сыну...

Широко раскинув по сторонам руки, генерал успел подхватить сомлевшую девчушку и рухнувшего на пол старика. Крякнул от двойной тяжести и громко попросил:

— Да помогите же, господа!

Все разом очнулись, засуетились, захлопотали. Науменко схватил ковшик с водой и плеснул на старика, затем на девчушку. Казак чуть слышно застонал, а Константин облегченно вздохнул — сердце выдержало. И чуть не рассмеялся, несмотря на трагизм ситуации.

Станичный атаман оказался на диво крепок, но пернач из руки выронил. Он уставился на Пляскина вытаращенными глазами, быстро крестился и при этом вычурно бранился, словно старался отогнать морок. И Константин понял, что медлить нельзя, — старик пришел в себя.

— Ты, Павел Николаевич, двадцать лет назад девку обрюхатил в Забайкалье. Дите ведь бросил, а мать в горячке померла. Гриця, как ты и желал тогда! Так что не шутовал я...

— Сыну, — только и смог сказать потрясенный отец и, упав на колени, обнял обретенного сына за ноги, прижавшись всем телом, словно чего-то боялся и искал защиты.

— Лихой у тебя сын, Павел Николаевич, — объединенными усилиями они с Пляскиным, который тоже вышел из столбнячного состояния, усадили старика на кровать. — Семь пластунов всего было, но кинжалами ночью в декабре чешский бронепоезд взяли!

Изумленные взгляды присутствующих, и особенно девичий, скрестились на смущенном Пляскине. Но подхорунжий тотчас отозвался:

— А первым в бронепоезд ворвались вы, ваше высокопревосходительство, и в схватке трех чехов зарезали!

Константин почувствовал себя неловко — матерые казаки, сами знатные убийцы в молодости, смотрели с непритворным уважением. В их головы не укладывалось, что хоть и молодой генерал, но как простой пластун кинжалом орудовать может.

— Тогда Григорий Павлович от награды отказался, попросив мою жену найти ему отца. Та слезно умоляла меня... А я свое слово сдержал! Ведь так, Павел Николаевич?! А то шутовал!

— Прости, — старик качнулся и развел руки, словно хотел обнять. Но тут же дернулся, вспомнив, с кем говорит. Но Константин чиниться не стал — сам раскрыл объятия и был сдавлен с такой неожиданной силой, что закричал.

И, вырвавшись из медвежьих лап — кто бы мог подумать, что у казака осталась такая сила, наверное, на адреналине сейчас появилась, заговорил по-генеральски громко и торжественно.

— По воле его величества государя Михаила Александровича и по представленному от

Сибирского правительства праву награждать подхорунжего Ярошенко Григория Павловича орденом «За освобождение Сибири» второй степени. Награда офицерская, но и подофицеры ею также награждаются. В особых случаях. За такой, как взятие вражеского бронепоезда.

Сняв с себя крест, он прицепил его на черкеску Пляскина, ставшего теперь Ярошенко, обнял и шепнул, но так громко, что все услышали, а казачка зарделась маковым цветом.

— Ты к ней присмотришь, олух, хорошая жена будет. А то Нине Юрьевне скажу, она враз тебя...

Отстранился, с улыбкой посмотрел на смущенного ординарца и добавил сварливым голосом:

— Ты че творишь-то? Автомобиль загубил, за отцовым домом не смотришь! Три дня отпуска тебе даю, на обратном пути лично проверю. И смотри у меня! А нам пора отплывать...

Катер ходко шел к миноносцу, провожаемый населением всей станицы. А Константин не спускал взгляда от двух фигурок — то его верный Гришка обнимал чудом обретенного отца.

— Теперь здесь разговоры месяц утихать не будут, — с усмешкой произнес Колчак. Константин пожал плечами.

— Пусть говорят, а нам с вами, Александр Васильевич, войну выигрывать нужно. Да-да, она неизбежна, хотя время выиграем. И желательно победить не воюя...

— Это каким же образом? — Колчак искренне удивился.

— Есть такая весьма коварная штука, сильно любимая англичанами и американцами. Стратегией не прямых действий называется. Вот пусть они ее, родную, вместе с нашими большевиками, на своей шкуре и почувствуют. Но я почему-то уверен, что отвертятся, подставив за себя других — поляков, немцев и прочих там французов. Но для нас это не важно — нам нужно спасти свою державу!

Иркутск

(29 июля 1920 года)

— Почему ты ничего раньше не поведал? — Фомин говорил глухо, бесцветным голосом. Лицо генерала стало просто окаменевшим, без малейшего следа переживаемых эмоций.

— А зачем? У тебя своя голова на плечах, и ты должен не просто думать, но анализировать, отделять зерна от плевел, не принимать опрометчивых решений. А если что и решил, то идти до конца, прилагая максимум усилий для достижения если не цели, то хотя бы нужного результата.

— Почему ты мне никогда не говорил правды?

— А зачем она тебе нужна, Семен Федотович? Если она не укладывается в твои представления, ты ее просто не замечаешь или игнорируешь. Но это в лучшем случае. А в худшем...

— Ты имеешь в виду майские дни в Иркутске?

— И это тоже. Глупости сплошные! Так топорно перевороты не затевают, курам на смех! Только люди зря погибли, и какие!

Арчegov заскрипел зубами, стиснув кулаки. Фомин еще более поник, на почерневших щеках заходили желваки.

— Ты, Семен Федотович, никогда не достигнешь уровня твоего дружка в этих делах. Ты спрашиваешь, почему я тебе не доверял?! Да потому и не верил, что тебя этот немец как кондом использовал, а потом за ненадобностью вышвырнул. Помнишь ли ты тот самый первый день, когда мы все вчетвером встретились. Так вот — уже тогда Шмайсер две оговорки допустил, а я их обмозговал тщательно. И понял...

— Что ты понял?!

— А то, что он не мерзавец или подлец, как ты сейчас думаешь, а очень грамотный офицер, пусть и враждебной армии. Ты одну фразу немецкую знаешь — «Дойчланд юбер аллес»?

— «Германия превыше всего».

— Совершенно верно. Я тогда уже знал, что гауптман лишь попутчик нам до определенного момента. Ненавидит большевиков? Несомненно. Боится Советского Союза? Еще как опасается, до дрожи! Потому-то этот гад до марта и сражался прилично, и поступал вне всяких сомнений, не то что подозрений. То есть делал то, что было выгодно нам. Но с перемирия ситуация для него стала совершенно иной. Принципиально, можно так сказать.

Арчegov остановился, взял из коробки папиросу. Посмотрел на хмурого Фомина, бессильно положившего руки на стол, и усмехнулся тонкими губами — холодно и беспощадно.

— Победа красных над Польшей с нашей помощью есть огромная угроза для Германии, и допустить ее большевизации он не желает. Это же сплошной кошмар начнется — красная Германия в союзе с РСФСР всех буржуев в Европе к стенке поставит. И в первую очередь немецких...

— А ты этого добиваешься?! А ты думаешь о том, что для нас будет потом полнейшая задница?!

— Будет, тут я с тобой согласен. Но вероятность такой ситуации ничтожно мала. А вот то, что мы избежали войны с Советами один на один, это факт. Как и то, что в случае продолжения междоусобицы мы бы потерпели поражение! А потому ваши пулеметные очереди в Москве несли не только нам смерть, они несли неотвратимую гибель всему белому движению! Ты хоть это понимаешь сейчас?! — Арчegov с гневом и болью во взгляде посмотрел на Фомина — тот

отвел глаза в сторону. — Молчишь? Только сейчас осознал, что натворили? Чисто по-русски — хотели, как лучше, а получили как всегда. Если бы у меня дополнительных мер не было предпринято, то вы бы сейчас с Мики пожинали плоды своей поразительной недалёковидности. И крепи задним умом!

— Это мне ясно, Константин Иванович, как то, что мое заключение под арестом подошло к концу...

— Не заключение, а долгая и продолжительная болезнь...

— И умру я вскоре от передозировки лекарства... Свинца!

— Ты поразительно догадлив, дорогой охотник за табуретками!

— Цитируем Ильфа и Петрова?! А может, ты и прав, я ведь живу за чужой счет. И за свой тоже...

— Ты давно мертвец, Фомин!

— Я знаю...

— Нет, не знаешь. Знаешь, почему я с тобою говорю? Потому, что будь ты шпионом вермахта и дезертируй из Красной армии под своей собственной фамилией, я бы нашел способ ликвидировать тебя еще в январе. Потому, что предавший раз, предаст и дважды, и трижды. Но ты был не ты, а подполковник РККА Онуфриев. Но вся штука заключается в том, что ты под чужой личиной не жил! Ты не способен созидать, только разрушать! Так ты и «жил» все эти годы! Тебя сожрала ненависть, она испепелила твою душу!

— А что, мне Сталина и его опричников с васильковыми фуражками возлюбить нужно было?! Большевиков?!

— А с чего ты взял, что Иосиф Виссарионович Сталин большевик? Как раз наоборот...

— То есть? — недоумение на лице Фомина было таким искренним, что Арчegov засмеялся, на этот раз без злости.

— Сталин отнюдь не большевик и по большому счету им никогда и не был. Большевики они кто? Повидал я их в Москве. Девиз у этой сволочи простой — ломать не строить! А Сталин созидатель, пусть варварскими методами, но создавал новое. Парки, институты, заводы! Да многое чего появилось благодаря Сталину. Хотя кровь, конечно, рекой текла! Но кто ее в тридцатые года лил? Да та же сволочь, что в двадцатые из наганов по затылкам стреляла да по бабам и детишкам из пулеметов! А кто этих мерзавцев истребил со временем? Кто?

— Все под сталинский топор пошли. Я тогда радовался, имена-то какие громкие, эти годы на слуху были у народа — Зиновьев, Каменев, Бухарин, Тухачевский, Рыков. Да тот же Троцкий...

— То-то и оно! Впрочем, Леву ледорубом зарубили. Я ему в Москве на это даже намекнул, но он не понял. А ты знаешь, в каком ведомстве работали дорогие товарищи Ягода, Ежов, Фриновский и прочие?

— НКВД. Это же всем известно, а мне тем более.

— А ведь их тоже на распыл пустили. Доблестных чекистов, что еще при Дзержинском начали карьеру, почти всех истребили, поголовно. А потому, что эти ребята — каратели, а Сталину требовались ра-бо-тя-ги! Теперь ты понимаешь, почему он не большевик?!

— Хм...

— В этом и твоя ошибка, и твоя трагедия. Народ против Гитлера поднялся, ведь эти твари нас полностью изничтожить хотели. Ты знаешь, как они баб и детишек «мыли»? Очень просто — построили концлагеря, и не простые, а особые. С крематориями. Загонят народ мыться в «душевую» битком, но вместо воды по трубам «Циклон Б» пускают, и все в корчах умирают! И так, что потом слипшиеся тела топорами разрубает. И в печь, а пепел на поля посыпают. Удобрения, бля! Я тебе говорил, что мы в войну двадцать миллионов жителей потеряли?

— Нет, — быстро ответил Фомин и осекся. Побледнел. Цифра только сейчас дошла до его разума, и он взвыл во весь голос:

— Сколько?!!

— Двадцать миллионов, — тихо повторил Арчegov. — И здесь есть те люди, которых и вы убили.

— Нас тоже убивали...

— Это не оправдание. Хотя понять я могу. Но не оправдать! Когда приходит общая беда, которая грозит истреблением всего народа, нужно уметь отринуть личное горе и обиды. Если не можешь сделать это, то твое право, никто не осудит. Но в спину бить не смей! Потому ты умер еще раз, но не на Поганкином Камне, а когда против собственного народа пошел с оружием в руках! Но не я тебе здесь судья, тот Камень твой. И потому не вправе судить, ибо в сорок третьем ты мог погибнуть окончательно, но оказался в этом времени. До той войны еще два десятка лет, а может, ее вообще не будет! А потому она сейчас как кошмарное видение из будущего!

— Двадцать миллионов, — тихо прошептал Фомин и дрожащими пальцами расстегнул верхнюю пуговицу кителя, словно воротник мог душить его. И взглянул, как побитая собака.

В помертвевших глазах плескалась жуткая смесь отчаяния, безысходности и безумной надежды:

— Скажи мне правду, Константин Иванович! Хоть сейчас поведай! Мне так умирать будет легче. Ведь есть шанс, что не будет этого безумия! Иначе ты бы так не боролся?!

— Есть, Семен Федотович, есть! И не шанс уже, а намного больше. Три против одного можно смело ставить, что у несчастной России будет иная и, надеюсь всем сердцем, намного лучшая судьба. Сейчас темнить я не буду — все равно ты никому ничего не поведаешь. Спрашивай, отвечу тебе честно. Ты имеешь право знать ее.

— Что с Польшей?

— Песец с ней, белая полярная лисица хвостом накроет, и никакое «чудо на Висле» уже не поможет! Если сами большевики не напортачат! Ты ту войну хорошо помнишь и читал в свое время про нее по книгам «врагов народа» Какурина и Тухачевского, — не столько спросил, сколько утвердительно произнес Арчegov, с улыбкой посмотрев на Фомина.

Тот кивнул в ответ и спросил:

— Ты руку приложил?

— Чуть-чуть. У них начштаба умнейший офицер, Борис Шапошников, он и спланировал, а я малость подкорректировал. Я от него даже похвалы удостоился, аж зарделся. Сказал бы кому в свое время, никто бы не поверил. Ты знаешь, а мы с ним и с Каппелем в одной дивизии служили, представляешь? А мне тогда не до смеха стало, когда о прошлом речь зашла, еле выкрутился. Думал, все, засыпался. Но ничего, «пронесло», прямо как в одном старом анекдоте.

— Генерал Петров до Карелии добрался?

— Ага. Финны уже Ухту и Реболы заняли, а тут наши подоспели. И месяц назад крепко ударили, выбили чухну обратно. А большевики балтийцев на Ладогу бросили — Валаамские острова заняли и нам передали. Сейчас там переговоры о мире идут. «Статус-кво» возвращен — они захваченную русскую территорию освободят полностью. И Печенгу просить не будут, дабы выход к Ледовитому океану иметь. Мы им в качестве жеста доброй воли разрешили, в случае крайней нужды или войны, хотя кто на них нападать будет, Мурманской железной дорогой пользоваться — ветку в южной Карелии совместно строить будем, от Сортавалы на Петрозаводск.

— Чего ты уцепился за эту Печенгу?

— Там огромные месторождения никеля, самые большие не только в Европе, но и в мире. А

никель идет на выплавку лучшей стали. Да и не стану я об этом сейчас орать на каждом углу, знаешь, сколько стервятников захочет в таком деле поучаствовать?

— Теперь мне понятно. А как там дела на юге?

— Умнейший генерал Антон Иванович, я ему в подметки не гожусь. Но не политик! Кое-как сам адмирал Колчак, со мною, грешным, убедили его на стратегию «непрямых действий» и на «удар серпом».

— «Удар серпом»? А это что такое?

— То же самое, что большевики с Закавказьем проделали, правда, мы на два месяца позже начали. Похоже на бои в Иркутске с чехами. Рывок бронепоездами на Баку, а с моря корабли Колчака поддерживали, десант высадили. Боев, как таковых, почти не случилось. Так себе, перестрелки, как там, у Лермонтова — «что толку в этакой безделке». Заняли за две недели весь Азербайджан под самым законным предлогом борьбы с большевизмом и настоящим геноцидом русского народа. Сейчас уже все спокойно, население полную автономию и покровительство России получило. Сопrotивления нет и уже не будет — их армию по четырем бригадам разбили и по одной каждой «цветной» дивизии придали. У корниловцев или дроздовцев они не забалуются, те враз мусульман сапоги чистить научат.

— А дальше на Армению с Грузией?

— Совершенно верно. Армянские дашнаки уже сообразили, что к чему, и народ к русским относится очень даже положительно. Да и турки поджигают — как в пятнадцатом году резню армян начали, так поныне успокоиться не хотят. Так что Кавказские бригады самого наместника, генерала Юденича туда уже маршем идут — половина солдат из русских, другая из армян.

— Грузия как реагирует?

— Нервно! Они в апреле войска в Цхинвал ввели, а Деникин сразу всех осетин в Терское казачье войско зачислил. По их просьбе. И немедленно три казачьих дивизии с двумя бригадами пластунов на помощь бросил, и... Как по Лермонтову вышло — «бежали робкие грузины» до самого Тифлиса. Они же, стервецы, весь прошлый год, пока белые с красными воевали, пакостили. То один район оккупируют на Черноморском побережье, то другой. В спину норовили ударить. Ну, про них сейчас и вспомнили, раз мир с большевиками заключили и армия бездействует!

— И что? — в голосе Фомина послышался смешок.

— Им национальный вопрос помогли решить в одночасье, судя по тем телеграммам, что я получил. Высадили десанты в Сухум и одним махом отсекали половину грузинской армии. Тем прорываться через перевалы почти невозможно, а по побережью отходить, под дулами линкора и крейсера, не очень хотелось. Вот и разоружились сами. Заодно флот десант и на Батум отправил. Меньшевики уже пошли на мир, переговоры идут.

— А что «союзники»?

— Да ничего, утерлись они. Даже не пищат. Вчера с английским послом говорил, сегодня с французским беседовал — оба в один голос просят в спину большевиков ударить и спасти поляков. Преференции всякие сулят, частично от долгов избавить. Про Закавказье уже не заикаются — Сибирь-то тут при чем? Антон Иванович их отправляет подальше, говорит, что пока нет возможности с большевиками напрямую воевать, казачьи области мешают. А Закавказье есть внутреннее дело России, к тому же оборона от турецкой агрессии идет. И борьба с большевизмом, если не на севере, то на юге. «Союзники» потому сейчас атамана Краснова уламывают, но казакам резона нет снова воевать, им землю пахать надо. А посулы? Но то пустое, обманут, как всегда. А ведь Польша французов и англичан совсем не интересуется, они до ужаса боятся, что Германия полыхнет.

— И что будет дальше?

— Пока неясно, но мы уже контролируем три четверти территории Российской империи и добрую треть населения. Все это проделано тихо, мирно, без шума и войны, без громких политических деклараций. Так что пока будем привыкать к мирному сосуществованию красной и белой России, а там посмотрим. Через год с Лениным другим языком говорить будем, если он мировую революцию не устроит. Но сильно сомневаюсь я в таком исходе. Не потянут они такое, но все запасы истратят, к нашей пользе.

— Как же я раньше сообразить не мог? — Фомин помотал головой, словно усталая лошадь, отгоняющая слепней.

— Помыслить?! Да ты с другими генералами на куски бы меня разорвали, скажи вам я откровенно. У вас в головах бы не уложилось, как можно идти к возрождению и объединению России через ее разъединение! А вы с Мики капитально сами себе подгадили, другого слова тут и не подберешь. Империю можно было официально обрести уже осенью, но теперь Вологодский на это не пойдет. Хуже того, Михаилу уже сейчас полномочия урезали, — Арчegov скривил губы в горестной гримасе, которая резанула Фомина ножом по сердцу. Он заскрипел зубами от понимания той чудовищной ошибки, непоправимой, что совершил по собственной глупости.

— И потребуется много времени, чтобы восстановить утраченное доверие. Но, может, это и к лучшему — теперь уже окончательно решен вопрос о прежней форме управления, и монарху придется много лавировать и убеждать, а не приказывать и повелевать. А иначе взаимодействия трех оторванных друг от друга частей не наладишь. Тем же самым придется заниматься и правительствам — там все то же, но в меньших размерах.

— Почему ты мне не сказал раньше?

— Заладил ты, как кукушка. Потому и не сказал, что твой отец нас из пулемета резал!

— Что?!!

— А то, что он в МЧК служил, и, судя по всему, на нашу разведку работал. А Шмайсер его использовал и как ветошь отбросил! И нам все похреначил, и будущей империи, и Мики лично, и тебе. Всем! И твой отец за его выкрутасы дорого заплатил...

— Что с ним?!

— Хотел его живьем взять, да не успел — он с «хлыста» голову себе разнес очередью. Вот такой у тебя «дружок»! Вологодский его и тебя всеми фибрами ненавидит!

Глухой стон вырвался из груди Фомина. Добрую минуту он раскачивался на стуле, но потом, к великому удивлению Арчегова, собрался. Застегнул воротник и поднялся.

— Я все понимаю. Должен заплатить по этим счетам собственной жизнью, дабы от Михаила Александровича все подозрения и обвинения отвести. Спасибо тебе, Константин Иванович, что говорил ты честно. Искренне говорю. А платить жизнью не боюсь. Я готов!

— Не торопись, Семен Федотович. У тебя еще сутки есть, уладь все дела, напиши письма, — Арчegov встал, коротко поклонился и, не протянув руки, вышел из комнаты...

Варшава

(2 августа 1920 года)

— Они предлагают не мир, а замаскированную капитуляцию. Пся крев! Как же я ошибся!

Пилсудский скривил рот в гримасе — за эти шесть недель, что продолжалось победоносное красное нашествие, он трижды проклял тот день, когда возжелал получить для страны границы 1772 года.

Теперь пора думать не о «Великой Польше», а о том, чтобы его вместе с дурным сеймом не

выпнула бы новая Польская советская социалистическая республика, правительство которой, с Дзержинским во главе, уже заседало в Гродно.

То, что произошло на фронте в эти дни, даже разгромом не назовешь, а только катастрофой! Он о таком даже подумать не мог, ведь поляки успешно заняли Жлобин и продвигались к Могилеву и Орше.

Красные же сосредоточили на северном фланге мощный ударный кулак — 2-ю Конную армию из пяти кавалерийских и двух стрелковых дивизий, при поддержке артиллерии, аэропланов и броневых автомобилей.

Левый фланг 1-й польской армии был раздавлен за три дня, и конная орда устремилась на юго-восток, к Вильно. Это безостановочное движение напомнило Пилсудскому 1914 год, когда французы попытались в центре занять Эльзас и Лотарингию, а немцы глубоко обошли их севернее, через Бельгию. Но тогда Париж удалось отстоять, было «чудо на Марне» — а здесь никакого чуда уже быть не может.

Севернее полесских болот оказались в окружении сразу две польские армии, восемь дивизий. Пути отхода на восток им перекрыла красная кавалерия, на помощь которой пришла литовская армия, давно желавшая свести счеты с поляками. С запада наступала многочисленная пехота большевиков, под командованием бывших царских генералов, безжалостно сметая расстроенных поляков своей массой.

Он попытался спасти положение, взять резервы с юга. Но не тут-то было — там разразилась такая же катастрофа, пусть и с меньшими масштабами.

Удар нанесла 1-я конная армия, более сильная, с множеством пулеметных тачанок и при поддержке бронепоездов. Армия Рыдз-Смиглы оказалась отрезанной в Киеве, прорваться в Полесье смогли немногие, молодой самонадеянный генерал погиб в бою.

Красная кавалерия Буденного устремилась на Ровно и Ковель и через три недели была уже в Брест-Литовске, откуда штаб Пилсудского еле успел выехать, чуть не перехваченный снующими везде разъездами из 2-й конной армии Думенко, что подходила к полуразрушенной крепости с севера. Еле вырвались, «начальник государства» сам стрелял по конным казакам из винтовки, как простой жолнеж.

Пилсудский гневно обвинил в поражении сейм — желая воплотить их мечту занять побольше русской территории, он вытянул два десятка польских дивизий тоненьким кордоном, который конные массы порвали как листок папиросной бумаги.

Его надежда оборонять все прихваченное оказалась битой — немцы и австрийцы еле держали фронт, постоянно трещавший под русскими ударами, сотней дивизий, обильно снабженных тяжелой артиллерией и пулеметами. А у него их было впятеро меньше, а между дивизиями зачастую были неприкрытые участки в полсотни километров. И пусть у красных намного меньше дивизий, чем в императорской армии, но сорок из них, то есть вдвое больше, они смогли сосредоточить на фронте.

Сейчас перевес в силах стал просто чудовищный — три польские армии практически погибли. Бои в окружении, без патронов, продовольствия и снарядов, не могут долго продолжаться.

Отошли лишь две армии из Украины, одна из которых на три четверти состояла из жупанных хохлов Симона Петлюры, и то в полном беспорядке, побросав пушки и снаряжение, включая сапоги, чтобы было легче драпать.

Смогли вырваться из окружения доблестные польские уланы, показав свою природную лихость и резвость прекрасных шляхетских коней — даже красные казаки, эти степные кентавры, за ними просто не угнались.

Объявленный созыв ополчения, это новое «посполитое рушение», дал триста тысяч

человек, от безусых гимназистов до стариков, что своими глазами видели в детстве легендарных повстанцев 1863 года.

Удалось довести численность армии до пятнадцати дивизий, вот только вооружить эту массу совершенно необученного народа было практически нечем. От безысходности даже забирали бронзовые пушки из музеев и крепили к древкам косы, вооружая ими этих несчастных пикинеров, против которых большевики имели пулеметы.

И как прикажете воевать?!

Получить вооружение и боеприпасы неоткуда. Нет, полякам помогала французская военная миссия, из Франции вышли транспорты с вооружением, амуницией, аэропланами и танками.

Вот только немцы в Данциге устроили саботаж, и разгрузка замерла. А тут еще дивизии 2-й конной армии к Висле вышли, и даже тот тоненький ручеек снабжения прервался.

Румыния помочь не могла — красные заняли те местности, где шли железные дороги в Польшу. Чехия за помощь требовала не только Тешинскую Силезию, но и больше того.

К Германии Пилсудский обратился только из-за проформы и получил ожидаемый отлуп. Бывший рейх был разоружен по Версальскому миру, а поделиться оставшимся оружием с поляками, учитывая, что те нагло оторвали от Германии огромные куски территории, наотрез отказался. И попросил взамен вернуть отнятые земли с немецким населением, на что в сейме ответили категорическим отказом.

Тупая и гонористая шляхта, даже под угрозой чудовищной военной катастрофы, не осознала глубины падения возглавляемого ими же государства.

Оставалась надежда на белых, но она вскоре рассеялась, как туман над рекой в жаркий летний день. На юге и в Сибири, словно по мановению волшебной палочки, установилось затишье.

И вскоре оттуда стали поступать грозные сведения. Белые прибрали к своим рукам Закавказье и скоро выйдут к довоенным границам империи. И в Туркестане ведут наступление на Ташкент сразу с трех сторон, при помощи бухарского эмира. Это, конечно, вызвало настороженность у англичан, интересы которых простираются на весь мир, но гордые британцы ничего пока не могли поделать.

— Пшекленты москали! Они сговорились между собой, как триста лет назад... И обрушились на мою несчастную страну! — прошептал Пилсудский, у которого внутри все кипело от злости.

Это походило на правду, недаром с фронта стали приходить известия, что там появились донские и оренбургские казаки, что были направлены на помощь красным атаманами Красновым и Дутовым, главами этих «опереточных» казачьих образований, обретших какую-то там «независимость».

Веками трудолюбивая польская шляхта собирала богатства. Травя собаками, устраивая порки и истязания, выжимая последние капли пота и крови с этих вечно ленивых и постоянно голодных схизматиков — украинских и белорусских крестьян.

Чем они отвечали за панскую доброту и заботу?! Норовили укусить при каждом удобном случае!

Что понимают эти варвары в прекрасных памятниках польского зодчества, таких как Белостокский «Версаль», где среди фонтанов и парков шляхта могла отдохнуть от праведных трудов?!

Сейчас вой стоит по всей польской земле — эти гнусные казаки грабят панов подчистую, бесчестят добрых паненок, а красные не могут или не хотят остановить их бесчинства, наводящие ужас на добрых католиков.

Оставалась надежда на вмешательство Англии и Франции, что своим политическим

нажимом останоят эту дикую орду. И союзники не подвели.

Лорд Керзон выдвинул ультиматум — красные должны остановиться на проведенной им линии, разграничивающей этническую границу польского народа по Бугу. И вот перед Пилсудским лежат условия перемирия, которые были отправлены из Москвы радиогаммой.

— Они предлагают не мир, а замаскированную капитуляцию, — повторил Пилсудский и выругался.

Польская армия должна быть демобилизована и не превышать пятидесяти тысяч. Все излишки вооружения передаются рабочим отрядам, что станут выполнять функции милиции, а по сути новой Красной гвардии.

Магнаты должны отказаться от своих владений и безвозмездно передать землю для наделения всех бедных крестьян. А взамен красные отступят к «линии Керзона», а их войсковая группировка не будет превышать двести тысяч штыков и сабель.

— Это не условия мира, это же позорная капитуляция и неизбежная революция! Пся крев!

Пилсудский все понимал правильно — Польша разоружится и останется беззащитной перед стоящей на границе огромной армией. А внутри с острыми штыками красногвардейцы — не все поляки живут красиво и зажиточно, и тем более не считают богатых панов из сейма достойными выразителями интересов бедноты...

— Нас может спасти только чудо!

Демблин

(7 августа 1920 года)

Командир 27-го кавполка 10-й кавалерийской дивизии 2-й конной армии Константин Рокоссовский с усмешкой смотрел на закрашенное зеленое пятно на борту броневика. Белой краской там было нанесено всего одно слово — «Даешь». И пятно на месте когда-то манящего слова «Варшава».

Но вот красноармеец взял в руки кисть, макнул ее в банку с белой краской и, старательно высунув язык, стал размашисто выводить буквы на броне, как раз по покрашенному, но уже просохшему пятну.

— Давай, Контра, пей!

Вороной жеребец, названный так в честь своего злобного нрава, недовольно фыркнул и потянулся мягкими губами к синей глади медленно текущей Вислы, стал осторожно и медленно пить, а Константин все улыбался — радостно было на душе.

Они прорвались через всю Белоруссию и Литву, прошли половину Польши с севера на юг, и тут, у фортов Демблинской крепости, что совсем недавно русскими называлась Ивангородом, встретились с 6-й кавалерийской дивизией начдива Тимошенко из 1-й конной армии, что прошла сюда с боем через Украину. Встретились!

— Не балуй, Контра!

Жеребец, нахально глядя на Константина, начал бить копытом по воде, как бы говоря — пора бы, мол, на тот берег, хозяин! Наступление не терпит, врага надо добивать. Ну а потом и по кобылкам вместе пройдемся, ты по своим, я по своим! Отдохнем!

— Ну все, Контра!

Рокоссовский вывел коня из реки, хотя тот, упрямец изрядный и характером стервозный, упирался всеми копытами, и передал поводья подскочившему ординарцу.

— Стреножь да на выпас пристрой одного! А то ведь по кобылам пойдет, гад! Обессилит ведь себя, знаю его, подлеца!

Последнее слово вырвалось машинально, но с нескрываемым одобрением. Как Контра был

вреден на отдыхе, так он был великолепен в бою, где чувствовал себя в родной стихии.

Под Гродно на два передовых эскадрона полка, которые Рокоссовский повел лично в авангарде армии, вылетели три сотни польских улан, наклонив пики с бело-красными флажками. И пошли в атаку, с лихой удалей, только ветер играл прапорцами.

Ох, как тут и взъярились красноармейцы, старые ветераны, что прошли войну с германцами и австрийцами под покрытыми славой знаменами драгунских и гусарских полков старой российской армии. Где уж тут безусым панам, что вчера еще в гимназии за партами сидели?! Опрокинули на хрен и вырубил подчистую.

Контра зубами грыз от ярости польских коней, а Рокоссовский троих улан срубил, как лозу на учении, дал своему клинку отведать дымящейся горячей крови...

Сегодня наступил счастливый день долгожданного отдыха. Командарм 2-й конной дал дневку — за семь недель марша они останавливались только два раза, иначе падеж коней был неминуем. Это люди двужилые, все вынесут, а с лошадей не спросишь, если устали, то попадают.

Старого фуража уже нет — овес и сено подъели еще весной. Свежее сено еще сушится, а овес колосится по полям. Марши по полсотни верст в день, летние ночи короткие — плотно ли лошади в ночном свои брюхи набьют?

— Смотрите, товарищ командир! Никак опять наши сибиряки летят, поляков бомбами попотчуют?!

Константин посмотрел вверх — так и есть, из-за деревьев вынырнули пять тупомордых аэропланов с красными звездами, покачали крыльями и полетели за реку.

На той стороне уже была 6-я кавалерийская, а поляки время от времени пытались ее скинуть обратно в воду и ликвидировать опасный плацдарм. Вот только ничего у них не выходило, без артиллерийской поддержки много не навоюешь!

— Наши сибиряки, — тихо произнес Рокоссовский и усмехнулся.

С пилотами они встретились неделю назад, совершенно случайно, но так всегда бывает на войне — их аэроплан был подбит и приземлился прямо в село, которое занял его поредевший полк.

Высокие крепкие молодые командиры с кубарями на рукавах новых гимнастеров. Сразу почувствовалась выправка кадровых офицеров, но таких военспецов сейчас было очень много в Красной армии.

Нападение поляков вызвало большой приток русских офицеров, которые не желали участвовать в братоубийственной войне, но с охотой встали в строй, чтобы защитить Россию от наглых интервентов.

Разговорились, даже по чуть-чуть выпили коньяку из фляжки — кучеряво жили пилоты. И только тут молодой командир полка увидел бело-зеленые угольники Сибирской армии, которые ему были хорошо знакомы по короткому плену. И познакомились — капитан Михаил Воцилло удивился, встретив такого «земляка».

Все оказалось просто — добровольческий авиаотряд вместе со своими сибирскими «Сальмсонами», более новыми, чем те этажерки, что имелись у Красного Воздушного флота, очень активно поддерживал с воздуха наступление его 2-й конной армии.

И сейчас, увидев в воздухе знакомые самолеты, красноармейцы махали им руками. Поднял руку и Константин, подумавший, что они в первую очередь русские, и лишь потом белые и красные. Подумал и усмехнулся еще раз, махнув рукой.

— Но правда за нами!

И повернулся, посмотрев на броневику. На нем уже красовалась новая белая надпись. Старая ведь устарела — Варшава позавчера была взята штурмом, и победный парад красноармейцев

принял командующий Западным фронтом Тухачевский. Он же и прокричал новый приказ, который сейчас и красовался белыми буквами на броне.

«Даеть Берлин!»